

НОВОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКИЙ
БИЗНЕС:
ШКОЛА
ХИТРЕЦОВ

51

декабрь 1992

Ваучер —
именное
оружие
НОВЫХ
ЧЕКИСТОВ

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

ТОРГОВЫЙ ДОМ "ГАРУДА"

*Оргтехника
для Вас и
Вашего офиса:*

- ☉ ксероксы формата А3 и А4, расходимые материалы к ним;
- ☉ телефаксы, телефоны и автоответчики;
- ☉ компьютеры;
- ☉ матричные и лазерные принтеры;
- ☉ бухгалтерские калькуляторы.

А также:

- ☉ сигареты и продукты питания;
- ☉ спиртные напитки.

БЕСПЛАТНО
*в короткие
сроки*

выполним перевод денег из России на Украину, в том числе и крупных сумм.

Тел.: (095) 976-57-71,
976-51-20,
факс: (095) 976-42-70.

Наш адрес:

Москва,
Дмитровское шоссе, 33,
корп.4 (ст. метро
«Тимирязевская»,
за гостиницей
«Молодежная»).

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

М. Шакина, В. Лукин, Г. Ковальская, Ю. Фурманов В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ... СЪЕЗД 4

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА *Е. Кожокин* КАВКАЗСКИЙ КОНФЛИКТ: ВХОД И ВЫХОД 10

СУДЬБЫ *Л. Никитинский* ПУД ОВСА СЪЕСТЬ... 12

ПРИВАТИЗАЦИЯ *Л. Алейник* ВАУЧЕР: ДЕБЕТ И КРЕДИТ 15

ЭКОНОМИКА *В. Кольцов* РОССИЯ УХОДИТ С МИРОВОГО РЫНКА 18

МИР

СОМАЛИ *А. Букалов* РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ДЕСАНТ НА АФРИКАНСКИЙ РОГ 22

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Л. Млечин КОНСИЛИУМ У ПОСТЕЛИ БЕЗНАДЕЖНОГО БОЛЬНОГО 25

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ *И. Руденко* ВРАГ ГДЕ-ТО РЯДОМ 28

ЗАИР *Я. Боровой* ЗАИРИЗМ ПЛЮС ПОЛНАЯ МОБУТИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ 29

ГЕРМАНИЯ *У. Лакер* КОШАЧЬИ ВОПЛИ 32

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ

У. Колби «У ВАС ЕСТЬ БОЛЬШИЕ ПУШКИ, ДА ВОТ КАЛОШИ ПРОТЕКАЮТ» 34

ЛИТЕРАТУРА *Х. Бьёркегрэн* КОГДА ПЕРЕВОДИШЬ ГОНИМОГО ПИСАТЕЛЯ... 37

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ *Н. Бердяев* О СВЕРХДЕМОКРАТИИ 40

ПРАВЫ *Р. Борецкий* СЕКС-БОМБА НЕМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ 43

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ *В. Басков* ШКОЛА ХИТРЕЦОВ 46

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА *Т. Иванова* ЭТЮД О НАЧАЛЬСТВОВАНИИ 48

ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)

Обращение президента к народу взорвало съезд. Пришлось прибегнуть к арбитражу Конституционного суда РФ Стр. 4

Сомали: накормить страну ввезли «человек с ружьем» Стр. 22

Этот автор был слишком опасен для советского режима. Как и человек, взявшийся перевести Солженицына на шведский Стр. 37

Обложка Виктора Бреля

Номер сдан в печать 15 декабря 1992 года

Главный редактор

Александр
ПУМПЯНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий **ГАНЮШКИН**,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей **ГОЛЯКОВ**,
Лев **ЕЛИН**,

Виталий **ИГНАТЕНКО**,

Леонид **МЛЕЧИН**,
заместитель главного
редактора,

Павел **САМАРЧЯН**,
ответственный секретарь,

Галина **СИДОРОВА**,

Марина **ШАКИНА**

Сергей **ДУВОВ**,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д.7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №5365.**

**Цена по подписке — 59 коп.,
в розницу — 2 руб.**

© «Новое время»

■ Грустную и сильную статью написал А.Львов («Списки на расстрел», № 47/92). К сожалению, в публикации есть одна неточность. Последний антисемитский фельетон в ходе сталинской «борьбы с космополитизмом» был опубликован не в «Литературной газете», а в «Крокодиле». Причем уже после смерти «великого вождя», обрушившей позорную кампанию: пока журнал печатался, гонения прекратили. А крокодильского автора Василия Ардаматского неунывающие московские остряки окрестили тогда «Василий Тимашук» — по фамилии главной «разоблачительницы космополитов».

Впрочем, лавры тогдашних «разоблачителей», похоже, не дают покоя нынешним авторам псевдопатриотических и профашистских листов.

Григорий Горский
Москва

■ Одной из жертв рынка «с нечеловеческим лицом» стала интеллигенция. Дело не только в том, что дворник зарабатывает больше профессора, проводница — больше хирурга, спасающего человеческие жизни. Происходит девальвация интеллектуального труда, профессионализма, если он не направлен на чисто прагматический рыночный профит.

Приведу всего один пример.

Ученый написал докторскую диссертацию, затратив на нее не менее десяти лет. Наступил его «звездный час». Теперь очередь за оппонентами, специалистами высшей квалификации. Они читают работу, анализируют ее, формулируют достоинства и недостатки. Пишут научную рецензию. Несут ответственность перед ВАКом и перед своей совестью за качество своего отзыва. И за весь этот труд получают... 45 рублей — стоимость бутерброда с копченой колбасой. Если же надо еще обращаться к машинистке, то и вообще можно оказаться в убытке. А в Дании, например, за аналогичную работу платят 600 долларов. У нас же этот труд по соответствующему курсу оценивается в 15 центов... Не в этом ли одна из причин «исхода» ученых из вузов и НИИ в коммерческие структуры? Сегодня можно встретить доцента, совмещающего лекции с торговлей в каком-нибудь магазине, и профессора, отбывающего в «шоп-тур»...

Б.Гилевсон,
профессор
Москва

■ Прочитал письмо Ф.Озерского из Вологды («Почта», № 44/92). Как его обидели слова продавщицы винного

отдела о «спаивании русского народа». Господин Озерский! Мы с вами могли бы выпить по стакашке и о многом поговорить. Но за неимением такой возможности пишу письмо.

Видимо, обидными слова продавщицы оказались потому, что она сказала о спаивании именно русского народа. Пьют, конечно, все — вне зависимости от национальности. И все же... Я был во многих российских городах и убедился: пьют так жестоко, как будто мстят кому-то за что-то. Пьют, не жалея здоровья. Все это, конечно, не от хорошей жизни. Жили мы отвергательно — жили в большой клетке, под чутким руководством нашей партии. Она заботилась о нас, кормила и пила. Люди пили. Но сколько не пей — из клетки не убежишь. Но вот из клетки нас выпустили. И мы сразу же захотели право стрелять, грабить. Словом, полная свобода, с ума можно сойти! А что с ней делать, с этой свободой? Этого мы не знали. И продолжали пить, но теперь как бы свободно. Хотя жизнь мало изменилась: жилья нет, зарплата маленькая, уважения тоже нет. А как хотелось бы жить спокойно, работать с удовольствием. В нормальной квартире после работы душ принять, музыку включить, а жена чтобы стаканчик

Лученосцы из Протвино

■ «Ход истории не дано остановить никому, лучи Великой Октябрьской Социалистической революции прорвутся сквозь тучи ненависти и клеветы... Подлинный, ничем не искаженный свет Октября просияет с новой силой...»

Нет, это не партизанская записка, написанная кровью ее автора, принявшего мучения, это не подпольная листовка, передаваемая из рук в руки. Это строчки из заурядной типографской афиши, приглашавшей граждан выйти на праздничный митинг 7 ноября, чтобы «требовать немедленного изменения экономической политики, ведущей всех нас в пропасть» и выступать за отставку президента и правительства. Афиша была напечатана в серпуховской типографии. Интересно, на чьи деньги?

Некоторое количество таких афиш появилось и у нас в Протвино в предпраздничный день. Результат пропагандистских усилий можно считать равным нулю — на митинг пришли несколько десятков человек, те, кто сделал бы это и без приглашения. В основном пенсионеры, собравшиеся скорее в силу привычки, чем по политическим соображениям. Так что речь идет не

о них, а о новоявленных парторганизаторах и примкнувших к ним профессиональных нацпатриотах. А это — считанные единицы, которые, впрочем, без зазрения совести твердят о «многочисленности» своих рядов.

Похоже, процитированная афиша возымела эффект, обратный ожидаемому. Те немногие, кто дочитал этот надрывный текст до конца, либо рассмеялись, либо прониклись сочувствием к усилиям анонимного автора разжалобить публику. Это же надо, так убиваться из-за «хода истории», который обрел себе непрошенных заступников!

А она, жизнь, давно уже идет по своим законам, неподвластным никаким заклинаниям и причитаниям. И это было видно хотя бы по тому, сколь убого выглядело шествие «лученосцев» на фоне людского толковища, происшедшего совсем рядом, в городском торговом ряду. И сразу вспомнились прозорливые слова: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа».

Геннадий Дерновой
Московская область

Не повезло уйгурам. Надо было в Швеции селиться

«Выпьем по стакашке и решим, кто кого спаивает»

Профессор погиб на рынке

налила — для аппетита, настроения. Но это все как в сказке.

А пьянство вряд ли имеет отношение к национальности — все пьют, да еще как. Я тоже иногда потребляю...

Буранов
Москва

■ Материал «Уйгуры» (№ 26/92) — это единственная в нашей прессе публикация, которая дает информацию об этом древнем народе. Но я не согласен с тем, как авторы оценивают положение уйгуров в Казахстане.

В статье безапелляционно утверждается, что культура

уйгуров находится в загоне. Конечно, Казахстан не может создать для уйгуров те же условия, что созданы, скажем, в Швеции для национальных меньшинств. Ведь Казахстан только недавно обрел суверенитет, а каково было положение республики в составе Советского Союза? Тогда культура всего Казахстана была в загоне. И если уйгурская культура оказалась в плачевном состоянии на чужой земле, то казахская — на своей собственной. Не секрет, что долгие годы проводилась политика русификации. Но повод ли это для сегодняшних раздоров? Помоему, это повод для того, чтобы мы все вместе — и казахи, и уйгуры, и русские — направили свои силы на преодоление прошлого.

Вот, например, в России городам возвращают их старинные названия, и ни у кого это не встречает непонимания. А в Казахстане любые переименования называют чуть ли не атакой на русскую культуру.

Давайте сравним положение уйгуров в Казахстане и казахов в России. Казахи в России даже не существуют — они там прозябают. У них нет ни школ, ни газет (кроме

Я ТАК ВИЖУ

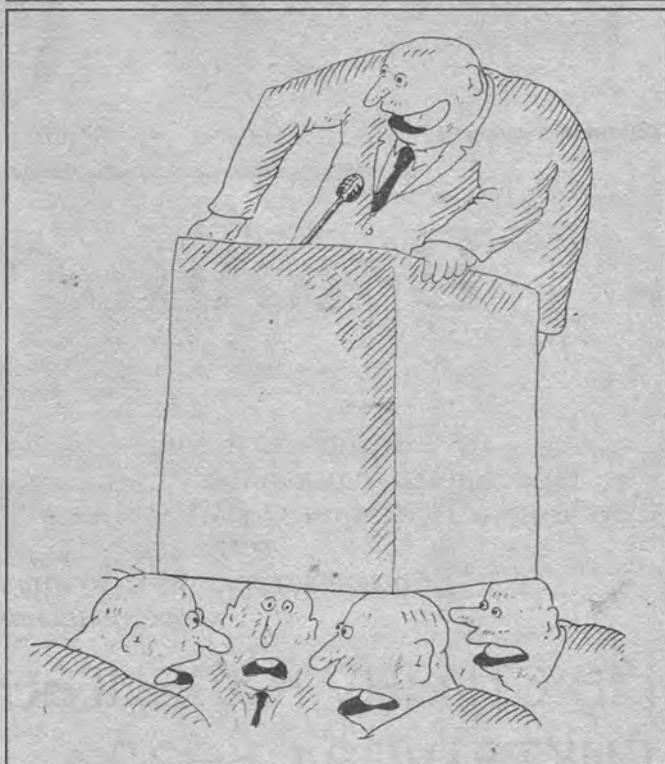

Рисунок Марата Таурова

единичных, районных). Это вообще интересная ситуация: русские журналисты пи-

шут о положении уйгуров в Казахстане, поляков в Литве, русских в Прибалтике. Но ни слова — о положении национальных меньшинств в России. А оно более чем плачевное. А ведь казахов в России в несколько раз больше, чем уйгуров в Казахстане! Но уйгуры имеют школы, в университете есть отделение уйгурского языка и литературы, есть телевидение, вещающее на их языке. Выходят газеты, книги, учебники.

Уйгуры требуют автономии. Эта мечта всех национальных меньшинств — порождение коммунизма. Никогда в цивилизованном мире диаспоры не имели автономий. Казахстан — полиэтническое государство. Он готов, в полном соответствии с международными нормами, предоставить всем национальным меньшинствам самую широкую культурную автономию. Но для этого нужна по меньшей мере взаимная добрая воля, а не безапелляционные требования и ненасытный аппетит. Казахстан никогда не пойдет на создание национальных автономий, как не позволили бы это ни американцы, ни французы, ни другие цивилизованные народы.

Темир Исак
Алма-Ата

Подборку подготовила Т. Чернова

Немного люизита в райских куцах

■ Мы искренне благодарны за мужество, которое проявила редакция, опубликовав интервью О.Вишнякова с доктором химических наук Вилом Мирзаяновым и его коллегой Львом Федоровым (№ 44/92).

Большую отозвалась эта публикация в наших сердцах, ведь речь в ней идет о нас — жителей небольшого города Камбарки, что находится в Удмуртии. В последние годы наш тихий городок приобрел широкую известность не только в России, но и за рубежом — стало известно, что у нас есть большие запасы устаревшего мышьякосодержавшего отравляющего вещества люизита, которые хранятся здесь на военной базе со времен второй мировой войны. В Камбарке будет строиться завод по уничтожению и переработке люизита в промышленный мышьяк. Такое решение принято конвенциональным комитетом. Председатель комитета академик Анатолий Кунцевич сказал, что любое решение будет согласовано с местными жителями. Но знает ли он, что местное население всегда было против строительства завода?

Благодаря Мирзаянову мы узнали, что ни в Америке, ни в Германии люизита нет. Значит, не существует и технологии переработки этого молниеносно действующего отравляющего вещества. Получается, эта технология только будет создаваться, а проверять ее будут, очевидно, на жителях Камбарского района. Конечно, это гораздо дешевле, чем транспортировка отравляющих веществ в безлюдные районы...

Мы до сих пор помним последствия сжигания военными открытым путем на базе в 60-

годах иприта и в 80-х люизита. Камбарка лидирует в Удмуртии по числу онкологических и легочных заболеваний. Намного быстрее, чем новые дома, у нас растут кладбищенские холмики. Поэтому мы полностью согласны с В.Мирзаяновым: правительственная программа, при которой химическое разоружение осуществляют те же люди, что нас химически вооружали, — это чистая авантюра.

Бизнесмены в обмен на согласие построить завод обещают нам райские кущи. Но мы знаем, что взамен у нас навсегда отберут уверенность в завтрашнем дне, а возможно, и наши жизни. Пострадаем не только мы, но и жители близлежащих крупных городов. Не минует трагедия и соседние республики Башкортостан и Татарстан.

Нельзя решать вопрос без учета мнения населения всего предуральского региона. И такое решение должно быть прерогативой только высшей законодательной власти России. Разоружаться надо, и заводы строить тоже надо, но только в безлюдных местах, как это делают американцы. За рубежом вопросы, связанные с химическим оружием, решаются в соответствии с законом, а законы защищают интересы людей. У нас нет таких законов, и защищать нас никому. И это письмо — наша единственная надежда.

Б.Климовских,

депутат Верховного Совета Удмуртской Республики,

Е.Ахзиян,

депутат районного и городского Советов

Камбарского района и еще 13 подписей депутатов

В конце тоннеля... СЪЕЗД

Миф о Ельцине — сильном человеке России умер.

Президент «сдал» всех демократов и команду реформ. Он идет по пути Горбачева. Президента СССР такая тактика привела к разбитому корыту. Куда приведет она президента России?

Об основных политических итогах съезда размышляют парламентские корреспонденты «Нового времени»

На страну надвигается диктатура съезда

Марина Шакина

С минуты на минуту депутаты ожидали разгона съезда и решали — сейчас забаррикадироваться или подождать, но на трибуну взошел не матрос Железняк, а... председатель Конституционного суда Валерий Зорькин.

И все-таки президента и съезд так и тянет схлестнуться, померяться силами — кто из них более всенародно избранный, более законный и более всемогущий. И тут можно поспорить — одни считают, что в роли задира выступают депутаты во главе с вожаком Хасбулатовым, другие — что на обострение идет Ельцин.

«Глас депутатов — глас божий»?

Как можно было ожидать, ритуальные жертвы, принесенные накануне съезда президентом, — Егор Яковлев, Михаил Полторанин, Геннадий Бурбулис — Ельцину не помогли. Не помогла и уступка, сделанная через пару дней после открытия съезда: готовность Ельцина утвердить на съезде кандидатуры на посты министров в силовых министерствах — безопасности, внутренних дел и

обороны (чего депутаты просили) и даже министра иностранных дел, чего никто от президента не ожидал. Вот такой богатый выкуп «за голову Гайдара».

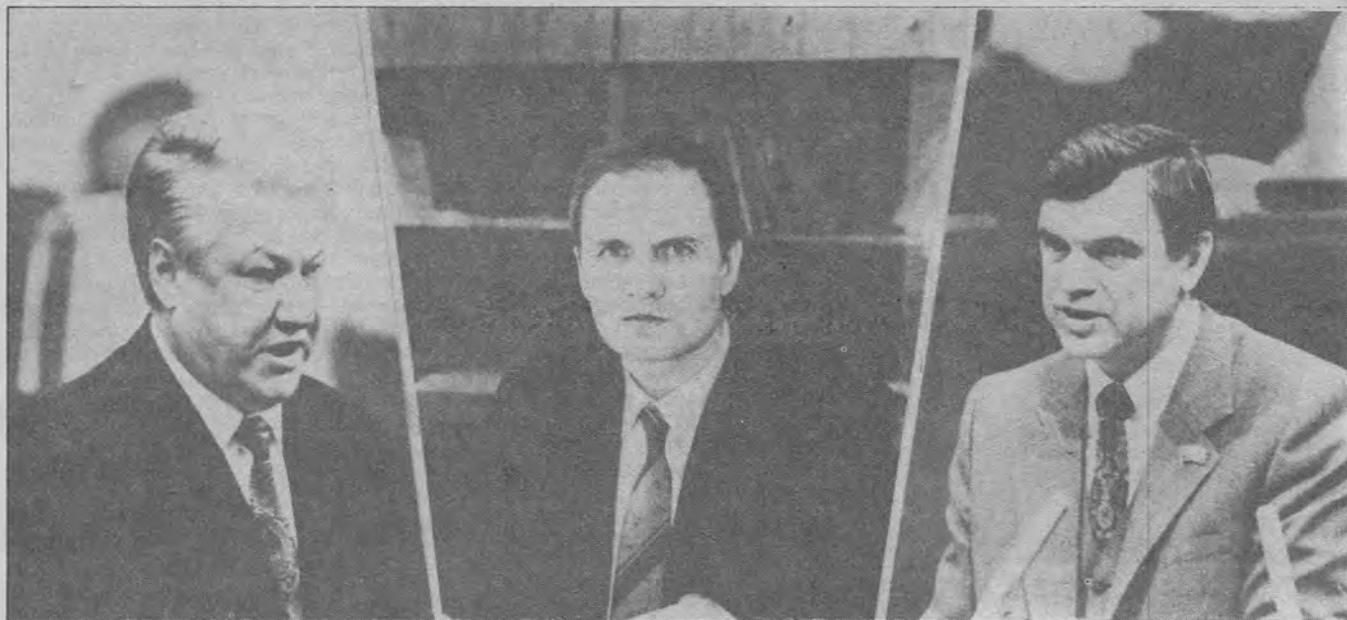
Выкуп был предложен по стилю не совсем удачно — чересчур грубо и прямолинейно, что даже наших не слишком нежных и щепетильных депутатов все же покорило. Но главное не в чувствах. Депутаты хотели или все или ничего, но прекрасно знали, что с «ничем» они не останутся, потому что у них в руках такой козырь, как конституция. Они и продемонстрировали виртуозное владение этим оружием. За Основной закон, на котором поклялся наш президент, стало просто страшно.

Сколько нелепых, неквалифицированных, попросту тиранских поправок было внесено и принято! Депутаты, борющиеся за разделение функций властей разного уровня, за передачу полномочий на места, за самостоятельность и самоуправление регионов, за суверенитет республик, упорно отказывались признать за Москвой и москвичами право самим решать, кого избрать себе руководителем, иметь ли им мэра или нет. Депутаты, с придыханием и дрожью в голосе произносящие слово «народ», «воля избирателей», не задумывались ни на секунду, проголосовав поправку в закон о референдуме, которая по сути ограничивает право граждан выражать свою волю всенародным голосованием.

Депутаты, уже усвоившие словосочетание «разделение властей», стреми-

Рисунок Марата Таурова

Председателю Конституционного суда удалось примирить лидеров законодательной и исполнительной власти. Надолго ли?

лись ущемить и обрезать права президента как только можно. Ибо «если враг не сдастся, его уничтожают»?

Что касается процедуры, то тут были забыты все приличия. Голосовалось по три поправки в минуту — ни обсуждений, ни объяснений, да еще с постоянными комментариями спикера: это надо поддержать, эта поправка нам ни к чему. Ротация Верховного Совета, о которой так долго говорили депутаты, происходила попросту с нарушением прав человека. Почему-то делегации территорий (хотя на съезде никаких делегаций нет и быть не может, есть абсолютно равноправные индивидуально избранные народом депутаты) и сам спикер решали, кому остаться в Верховном Совете, а кого отослать, кого поставить на место выбывшего. Хотя по закону через Верховный Совет за пять лет должны пройти все депутаты и никто не имеет права решать, быть им там или нет.

Каждый день депутаты внушали себе, что они высшая власть и выше их нет никого. Так что известное изречение «глас народа — глас божий» в их трактовке выглядит как «глас депутатов — глас божий». А все, что от президента, — это все от лукавого.

Мистика в жизни депутатов

И все же депутаты тоже чувствовать умеют, поэтому они остроотреагировали на неделикатность президента, предложившего им спросить у избирателей, кому они доверяют дальнейшее проведение реформ — президенту или съезду.

Прав ли был президент? За неожиданное заявление Ельцина кляли все, в том числе и демократы, потратившие массу усилий, чтобы отстоять президентские права и правительство реформ. Что выиграл Ельцин в

результате? Есть мнение, что ничего.

Заморожены конституционные поправки? Но они, скорее всего, были бы оспорены в Конституционном суде и, вероятно, не прошли бы. Ельцин получил право назначить исполняющего обязанности председателя правительства, если съезд не выберет им представленную кандидатуру? Но он мог сделать это и раньше. Но он бросил толпе своего главного советника, за что его будут презирать даже оппоненты. А удовлетворение депутатов будет сиюминутным.

Что получили народные депутаты? Сначала голову Бурбулиса, упоминание о которой не вошло в соглашение, но указ о его окончательной отставке стал предварительным условием переговоров... Так ли уверены депутаты, что именно это им было нужно? Одно из удивительных впечатлений, которые получает наблюдатель на съезде, — широкое распространение слухов и хождение мифов в депутатской среде.

Процесс «дьяволизации» Бурбулиса в глазах народных депутатов усиливался от съезда к съезду. На этот раз они все как один были убеждены в том, что Бурбулис — исчадие ада. Ему приписывается какое-то inferнальное влияние на Ельцина. Именно Бурбулис управляет страной от его имени, утверждали депутаты. Бурбулису приписывались все полномочия и деяния Скокова, Петрова и других приближенных президента, вместе взятых. Спикер, которого распирала радость от того, что он наконец добил государственного секретаря в его логове, сообщая об этом депутатам, ни разу не назвал его имени, испытывая, очевидно, мистическое чувство (не накликай беду?). Такое отношение должно Бурбулису только льстить.

Надо сказать, что эти слухи сильно

преувеличены. Даже депутаты питаются у нас недостоверной информацией.

Так что же все-таки мы получили от этого соглашения?

Суд в России больше, чем суд

Мы получили сильный и авторитетный Конституционный суд. Создан прецедент, который свидетельствует о том, что у нас в стране Конституционный суд отныне будет больше, чем судом. Это будет не юридическая инстанция, а политическая сила.

Хотим мы этого или нет, но именно суд выступил как стабилизирующий фактор в ситуации, когда столкновение двух ветвей власти завело съезд в тупик и выхода не предвиделось. Он принудил их к переговорам. Механизм разрешения принципиальных конфликтов между исполнительной и законодательной властями, между президентом и съездом у нас в конституции отсутствует. Им предоставляется лишь возможность биться до уничтожения друг друга, причем депутаты чувствуют себя явно неуязвимее — в конце концов самовластие президента ограничивает импичмент, им же не грозит ничего.

Председатель Конституционного суда недвусмысленно заявил, что если и президент, и съезд не используют до конца данные им возможности для переговоров, то суд может начать процедуру импичмента не только против президента, но и против спикера. Конечно, это было неприкрытое давление, конечно, Зорькин вышел за рамки роли, отведенной ему в конституции, но это подействовало. Это был тот голос разума, а не амбиций, который отрезвил депутатов.

Из текста соглашения ясно и другое: Конституционный суд тоже вы-

Егор Гайдар, конечно, не пропадет. Но не придется ли всем нам вскоре пожалеть об утрате?

жал из ситуации все что можно. Впервые, референдум о конституции. Судьи и сам Валерий Зорькин не раз говорили, что считают принятие новой конституции важнейшей задачей нынешнего российского руководства. Депутаты же явно тянули. Вот и на этом съезде вопрос, поставленный Олегом Румянцевым, «О принятии новой Конституции в 1993 году» под ропот депутатов видоизменился до «О дальнейшей работе над проектом новой Конституции». Судьям же с этой латаной-перелатаной, противоречивой, полной атавизмом нынешней конституцией приходится работать.

Во-вторых, объявлен мораторий на довыборы конституционных судей. Равновесие в самом суде очень хрупкое, любое изменение его состава может взорвать суд изнутри, сделать его неработоспособным, расколоть. Так что и тут Зорькин добился того, что ему было нужно.

По-видимому, суд совсем не рвался взвалить на себя ношу политического рефери, но напрасно депутаты сегодня упрекают его в этом — именно съезд на пару с президентом довели до этого. Конечно, суд мог вступить в дело позже, когда к нему поступили бы ходатайства о неконституционности, скажем, новых поправок или о неконституционности референдума, объявленного президентом. Но за эти пару месяцев страну поразил бы паралич власти, экономика пошла бы вразнос и все могло кончиться распадом России.

Топор под лавкой

Президенту не хватило выдержки и дальновидности. Такое впечатление, что квалифицированных аналитиков в его окружении просто нет. Замирение с Вольским и «Гражданским со-

юзом» не принесло ему равным счетом никаких голосов. Выступление лидера «Гражданского союза» Николая Травкина было одним из самых непримиримых, его высказывания в кулуарах и на пресс-конференциях — одними из самых оголтелых.

Избавление от соратников-демократов в угоду большинству съезда было воспринято депутатами как должное и ничем особенно не вознаграждено. Но зато сильно поколебало союз Ельцина с «Демроссией», которая единственная его последовательно поддерживала.

Вторым — после возвышения Конституционного суда — важнейшим следствием съезда станет создание президентской партии. Ельцин отказался от красивой мысли стать президентом всех россиян, выразителем всех интересов. Популярность в народе — штука неверная, особенно в годину тяжелых реформ. Нужна структура, которая поддерживает политика всегда в силу собственных долговременных интересов. Такой структурой может стать партия. Надо сказать, Ельцин опаздывает.

У Руслана Хасбулатова уже есть своя «карманная» верная партия — этот самый съезд народных депутатов. Некоторые называют съезд иначе — топор под лавкой у Хасбулатова. Причем эта спикерская

«гвардия» наделена исключительной властью, огромными возможностями — такой нет ни у кого.

У вице-президента Руцкого тоже есть своя партия — партия «Свободной России», которая явно и недвусмысленно ведет его к президентству и с этой дороги не свернет. После бурных переговоров, голосования за трехстороннее соглашение выступление Александра Руцкого как бы ушло в тень. А между тем он один из многих, кто сорвал политический куш на этом съезде. Его отмежевание от действий президента, подчеркивание собственной позиции весьма понравилось депутатам, снискало и одобрение у самой оголтелой оппозиции.

Ельцин, призвавший народ к референдуму, выступивший с разъяснением своей позиции на АЗЛК, не мог не почувствовать, что люди сегодня не пойдут на баррикады ни за него, ни за съезд. Август-91 не продолжается.

Этот съезд был характерен тем, что явственно обозначился разрыв между устремлениями, амбициями, бушевавшими в Кремлевском дворце, и повседневной жизнью и интересами людей, забывших об этом съезде.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НВ»

Владимир Лукин:

«Меня не интересуют персональные вопросы»

Владимир Лукин, народный депутат Российской Федерации, посол России в США. До этого возглавлял парламентский комитет по международным делам. В последние месяцы молва упорно назначает его министром иностранных дел. Как утверждает Лукин, эти слухи уже поссорили его кое с кем в Верховном Совете и в правительстве. Один из очень разумных трезво-мыслящих депутатов умеренно-демократического направления, член фракции «Согласие ради прогресса».

«Новое время». Как вы оцениваете достигнутое соглашение, подписанное Ельциным, Хасбулатовым и Зорькиным?

Владимир Лукин. Можно считать, что мы

перескочили через ухаб. Основательно тряхануло, но мы перескочили ухаб, не потеряв демократических ценностей. Значит, все-таки можем.

«НВ». Вы думаете, что соглашение будет исполняться всеми сторонами?

В.Л. Советский человек ничего не выполняет на самом деле. Но стороны договорились о создании надзирательных групп. Статус их, правда, пока не вполне ясен. Но, слава богу, у нас есть еще Конституционный суд, который инициировал согласительные процессы. Помните, были разговоры, выбирать Конституционный суд или нет?

Два съезда назад я, выступая перед депутатами, заявил, что все наши политические баталии чепуха по сравнению с

избранием конституционных судей. Хвататься неприлично, особенно в моем возрасте, но все-таки я был прав тогда.

Сегодня, как никогда, ясно, что не идеальные люди, заполняющие властные структуры, играют решающую роль в развитии демократии, а вовремя созданные институты. Эти зачатки политической культуры, заменяющие самоуправство, сегодня работают. А люди, населяющие эти структуры, зачастую вызывают сложные чувства...

«НВ». На ваш взгляд, мог бы быть лучший выход из ситуации?

В.Л. Видите ли, я участвовал накануне в переговорах с президентом и что-то похожее уже на-

де. Политические бури в коридорах власти перестали привлекать внимание. Избиратели не сомневаются — там политики устраивают лишь собственные дела.

Несмотря на то что какое-то время депутаты и многие зрители провели в ожидании — когда же появится человек с ружьем? — съезд показал, что военные переговоры больше невозможны. Традиционное тупое насилие, призрак которого еще не покинул пределы этой стра-

ны, уже «не в моде» в политике. Оно видоизменилось и приняло политический формы — бескультурные, беззастенчивые, беспредельные, но дуло у виска уже перестало быть самым убедительным аргументом. И это важнейший результат съезда.

И этот съезд не надо распускать, и этого президента не надо отправлять в отставку. Их надо просто пережить, по возможности не давая им скушать друг друга.

Что же за всем этим будет? А будет апрель!

Галина Ковальская

Съезд прошел, и слава богу! Он и так чрезмерно затянулся. И жить дальше, как будто его и не было, забыть, как страшный сон, не думать о том, что они сделали с конституцией, с правительством...

Так бы и было, если бы не следовало за седьмым неизбежно и неотвратимо восьмой, на котором нам обещали «дорешить» все, что «недореш-

шили» сейчас. Правда, до него вроде бы предстоит референдум, но станет ли он сколько-нибудь значительным событием, сказать пока трудно. Все зависит от того, с чем мы придем к апрелю. Ведь на референдум будут вынесены основные положения конституции, утвержденные Верховным Советом, то есть не «шахравский» вариант, предусматривающий президентскую республику, и даже не «полупарламентский» «ру-

чало складываться тогда. Мы подготовили вариант соглашения президента и председателя Верховного Совета, но депутаты уже успели принять массу новых поправок, в том числе и знаменитую поправку о референдуме. Я не большой сторонник референдумов. Как историк я помню, что все диктатуры начинались с референдумов. Но нельзя же так нарушать договоренность, сразу же, с ходу! Это Совдепия в чистом виде.

«НВ». Не кажется ли вам, что у нас очень легко изменить конституцию?

В.Л. Пока не принята новая конституция, мы обречены на изменение нынешней. А вот в новой я бы предусмотрел очень жесткие нормы изменения конституции, сопоставимые с американскими. Кроме американского конгресса их должны одобрить две трети законодательных собраний штатов.

Но действующую конституцию мы сильно улучшили — ввели туда положения о правах человека, о разделении властей и так далее.

«НВ». Скажите, Владимир Петрович, а вы будете все-таки министром иностранных дел?

В.Л. Ну зачем вы задаете мне этот вопрос?.. Вопрос распадается на несколько. Первый: знаю я или не знаю? Не знаю. Второй вопрос: хочу я или не хочу? Не хочу. Третий вопрос: предлагали или не предлагали? Не предлагали.

Если мне скажут, что в нынешней политической обстановке мое присутствие на посту министра иностранных дел необходимо ради сохранения стабильности и равновесия между различными политическими силами, то я, как человек ответственный, приму назначение. Но сделаю это со вздохом огорчения, потому что мне нравится моя нынешняя работа. Вот моя позиция.

«НВ». Козырев подвергается постоянной критике со стороны депутатов. Вы считаете, что Козырев на своем месте?

В.Л. Это другой вопрос, на который я отвечать не хочу.

Меня не очень интере-

суют персональные вопросы. Меня интересует реформа, меня интересует, чтобы люди получили землю... Я не сторонник формулы, что в России существует только пятнадцать человек, пребывание которых на руководящих постах равнозначно существованию демократии. И к себе я это отношу в полной мере.

Я был бы полностью неадекватным реальному человеку, если бы считал, что если меня уволят из Верховного Совета и из послов, то демократии в России придет конец.

Я думаю, что на каждую руководящую должность можно найти по крайней мере пять-шесть достойных кандидатов. Реформы уже необратимы. И сколько месяцев протянет Иванов на одном посту, Петров — на другом, а Лукин, — на третьем, вопрос второстепенный. Хотя, конечно, лучше, когда способные люди делают дело, чем менее способные.

Беседу велла М.Шакина

Новый глава правительства, представитель самой крупной монополии в стране — энергетического комплекса, Виктор Черномырдин: «Я за рынок, но против обнищания населения»

мянцевский» текст, а, скорее, некий коктейль из «румянцевского» и «слободкинского» проектов, в котором (уж будьте уверены!) парламент оставит за собой как можно более широкие права по формированию правительства.

Правда, в подписанном 12 декабря Постановлении о стабилизации говорится, что текст должен быть согласован с президентом, а в случае, если достичь соглашения не удастся, на голосование следует вынести обе формулировки как альтернативные. Но, после того как это постановление было проголосовано, Николай Рябов авторитетно пояснил растерявшимся было депутатам, что беспокоиться не о чем: окончательное слово все равно за Верховным Советом, и, коль скоро он сочтет какую-либо формулировку президента неподходящей, он ее в бюллетень не включит.

Чехарда — игра не для России

Можно ли представить себе реально, что парламент проявит такое открытое пренебрежение и к договору, и к воле президента? Еще месяц назад казалось, что нельзя; сегодня, после съезда, ни за что не поручишься. Смотри по тому, сумеет ли президент вернуть себе былую силу и авторитет.

А что вообще плохого в парламентской республике? Вот в Италии, к примеру, тоже парламент формирует правительство. Правда, для Италии характерны частая смена кабинетов — «правительственная чехарда» — и политические кризисы, но страна-то от этого не погибает!

Во-первых, в Италии не российская жизнь. Там смену правительства

Геннадий Бурбулис был средоточием поистине мистической ненависти оппозиции

народ может просто не заметить. Во вторых, там, и в любой парламентской республике, предусмотрено право президента распустить парламент. Это обязательно с точки зрения принципа «сдержек и противовесов» законодательной и исполнительной властей — принципа, без которого нет современной демократии. Так что седьмой съезд сделал первую, а Верховный Совет в апреле сделает следующую попытку навязать нам вовсе не парламентскую республику, а просто какую-то невнятицу, которой и в природе-то нет. Отказались же депутаты изменить статью 104 — назвать себя «высшей представительной властью». Нет, они вообще «высшая власть» — на земле, а может, и на небе.

Другое дело, что парламентская республика, даже в ее нормальном, сбалансированном виде с отработанными механизмами выхода из правительственных кризисов, вряд ли так уж нужна сейчас России. В бесконечных спорах накануне реформы, возможен ли в России рынок при демократии, победили те, кто опасался авторитарной власти. Но никто не подвергал сомнению очевидное: реформа может быть успешна только при сильной, эффективной и устойчивой исполнительной вертикали. У нас сегодня частая смена кабинетов — это частая смена экономических курсов. Выдержим?

Часто говорят, что вынесение конституционных принципов на референдум вообще политическая спекуляция, что наши сограждане не смогут сознательно сделать выбор между президентской и квазипарламентской формами власти. Наверное, не смогут, если останутся наедине с текстом на десять дней — постановление обязывает опубликовать «основные положения» за де-

сять дней до референдума. И очень даже разберутся, если у них будет возможность выслушать разъяснения юристов и политологов, сторонников той и другой модели, если им популярно расскажут, в каких странах как устроена государственная власть. Короче говоря, если до апреля сохранятся независимость и плюрализм средств массовой информации. Можем мы быть в этом уверены? Хасбулатов уже продемонстрировал свои аппетиты в отношении прессы, а Ельцин — неспособность ее защитить.

Руслан Имранович доволен

Каждый «новенький», кто приходит на заседание Коалиции реформ (парламентский блок, поддерживающий правительство Гайдара), начинает с разговоров: «Почему мы смирились с фигурой председателя парламента? Почему не требуем его отставки? Ведь это бог знает что творится...» (следует свежий пример нарушения регламента, процедуры, ссылка на очередную хамскую выходку). Над неопитом посмеиваются: «Пойми, мы уже сколько раз предлагали в повестку дня вопрос о председателе. От раза к разу предложение набирает все меньше голосов. Сегодня он устраивает съезд, и мы против этого бессильны».

Особенно укрепились позиции спикера после политического кризиса 10–11 декабря. Надо отдать ему должное, он использовал эту ситуацию как мог. Сходил ненадолго в отставку, включив предварительно прямую трансляцию, чтобы все увидели, как распереживались лишившиеся его на полчаса депутаты, как срочно послали гонца с мольбой вернуться. Сформировал по своему усмотрению состав участников переговоров — сначала предложил Лукина и Амбарцумова («дипломаты нужны»), потом передумал, вычеркнул их из списка, включил Шорина и Травкина (лучшего дипломата не придумать!) — все всё одобрили. Наконец, без обсуждения, без комментариев, «с разбегу» проголосовал согласованный текст постановления. Действительно ли из опасения, что иначе не пройдет? Вряд ли. Наоборот, судя по реакции депутатов, после объяснений Рябова число сторонников постановления возросло. Но нужно было показать свою личную роль в историческом событии, и это удалось. «Я вами сегодня доволен», — сказал депутатам Руслан Имранович. Он имел на то основания.

До недавнего времени политическим амбициям и интригам главы парламента противопоставляла... нет, не сильная исполнительная власть, она у нас так и не окрепла, — но президентская харизма вкупе с его звучными заявлениями о готовности отстаивать реформаторский курс. Накануне и во время съезда президент обнаружил свое бессилие.

В начале седьмого съезда вопрос об импичменте президенту в повестку дня не включили — еще опасались. На восьмом, скорее всего, тоже не включат: слабый, он никому не страшен.

Будет апрель? Вы уверены?

И все же: что с нами будет к апрелю? Отвечая на вопрос депутата, Егор Гайдар сказал, что при оптимальном раскладе, то есть при нормальном взаимодействии с Центральным банком, при проведении последовательной дефляционной политики к весне удастся обуздать инфляционный рост. А об осязательном снижении инфляции можно будет говорить только осенью. Значит, в самом-самом лучшем случае (а мы в итоге съезда получили едва ли не самый худший) цены к апрелю вырастут в два-два с половиной раза. И кабинет будет заменен уже полностью.

В другом варианте при утверждении курса «Гражданского союза», то бишь государственного субсидирования убыточных предприятий, неминуемо вползаем в гиперинфляцию, становимся, как предупреждал Гайдар, слаборазвитой страной.

С инфляцией можно жить — вот мы же как-то научились. С ней нельзя жить долго — рано или поздно случается что-то, что требует отложенных накоплений: износилось, порвалось зимнее пальто, обувь — этого же не купишь на зарплату, сломался холодильник, телевизор, наконец, заболел в семье кто-то.

В условиях инфляции невозможно никакое прибыльное производство — только спекуляция, потому что она дает немедленный оборот капитала. Инфляция деморализует общество, она всегда сопровождается ростом преступности. И все же самое опасное: гиперинфляция практически непобедима экономическими

Седьмой съезд останется в истории сменой дента и дракой на заседании

методами. Гиперинфляция почти всегда путь к диктатуре, которой измученные граждане уже не противятся в надежде на «хоть какой-нибудь порядок».

В сегодняшней России нет сил, которые захватили бы власть? Но ее и

не придется захватывать. Модель «конституционного» втягивания в диктаторский режим была опробована на съезде. Можно не сомневаться — на следующем съезде процесс узурпации полномочий будет продолжаться.

ухудшение качества жизни, обнищание людей.

2. Социальное расслоение людей будет не только продолжаться, но и нарастать. Произойдет еще более резкая поляризация между меньшинством обеспеченных и социально непривилегированным большинством.

3. Процесс разрушения финансово-кредитной системы остановлен не будет, если радикально не изменится модель перехода к рынку.

4. Экономическая жизнь, хозяйственные связи будут приобретать все признаки распада и неуправляемости.

5. Уже в ближайшие годы возобладает тенденция к спекулятивно-мафиозному движению товаров, отвлечению средств в подпольный оборот.

6. Процессы люмпенизации общества усилятся, что существенно уменьшит социальную основу производимых преобразований.

7. Противоречия между законодательной и исполнительной ветвями власти не только не сгладятся, но будут углубляться, если к 2000 году страна не станет на почву социально-ориентированной модели рыночной экономики.

8. Надежды на привлечение западного капитала почти полностью исчерпают себя, и страна с задержкой станет перед необходимостью полагаться исключительно на собственные силы.

9. Не прекратятся идеологические взаимные обвинения различных политических сил в «антиреформаторстве» и, как следствие, не изживут себя распри в верхних этажах власти.

10. К 2000 году в политической жизни возобладают крайние, радикальные группы и наступит серьезная угроза самому существованию демократического государства.

11. При существующей тенденции отход от уважения и исполнения конституции, законов и указов не прекратится.

12. Межнациональные конфликты, разгул преступности и коррупции, угроза развала России станут уже в ближайшие годы еще острее.

Очертив возможные и диаметрально противоположные сценарии развития России к 2000 году, я ни на минуту не сомневаюсь в их условности.

Мне думается, все упирается в проблему власти. Объективно наступает фаза, когда реформа либо станет управляемой, либо на местах наступит контрреформация. Именно поэтому борьба за власть становится и экономической категорией.

Речь идет не только о власти как структуре, но и власти как властвующим личностям, способных придать реформам столь необходимое им сейчас качество управляемости. Думается, личностный фактор во всех звеньях законодательной и исполнительной властей сегодня становится доминирующим.

Россия в 2000 году

Юрий Фурманов

Опыт прогноза на основе двух выступлений. Если условно взять все оптимистическое, высказанное в докладе Бориса Ельцина, и все пессимистическое в выступлении Руслана Хасбулатова, то на их основе можно составить два сценария развития России в 2000 году. Речь идет о моделях, ибо в речи президента имелись и пессимистические аккорды, а в выступлении председателя Верховного Совета слышались звуки оптимизма. Но общая тональность этих выступлений резко отличается друг от друга, что и позволяет на их материале создать две модели прогноза развития России к 2000 году.

Оптимистическая модель

1. В России как целостном государстве уже начиная с будущего года восстановится политическая стабильность, начнется нормальная созидательная работа. Взаимоотношения законодательной и исполнительной властей примут цивилизованный характер.

2. Начиная с будущего года развернутся и заработают механизмы российского бизнеса и предпринимательства, ориентированные на обеспечение национальных интересов.

3. В ближайшие два-три года на-

ряду с расширением демократических прав значительно усилятся контроль со стороны государственной власти за соблюдением в обществе законности и порядка.

4. Фундамент реформ в России, созданный в 90-е годы, не только устоит, но к 2000 году будет построено и само здание свободной, социально ориентированной рыночной экономики.

5. В стране при поддержке государства будет конституирована многоукладная экономика с равноправием всех форм собственности.

6. В ближайшие годы произойдет и будет нарастать существенный поворот политики реформ к человеку.

7. Спад производства не только прекратится, но к 2000 году наступит резкое увеличение выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции.

8. Страна развернется лицом к российской специфике при широком сотрудничестве и партнерстве с мировым сообществом.

9. Произойдет существенная децентрализация и демонополизация собственности. Процесс приватизации — и большой, и малой — к 2000 году в России будет в целом завершен.

10. Российское государство при поддержке бизнеса и предпринимательства обеспечит достаточно высокий уровень социальной защиты тех, кто в ней нуждается.

11. Духовно-нравственная атмосфера общества делается чище и на основе достигнутого благосостояния к началу XXI века начнется действительное возрождение и обновление культуры и нравственности.

12. Свобода слова перестанет подвергаться нападкам и ограничениям и станет естественной формой самовыражения.

13. Хотя в оставшиеся годы правовое государство еще не сложится, государственная жизнь будет подчинена конституции.

14. Уже в ближайшие годы экономическая раздробленность и региональный сепаратизм либо исчезнут, либо отойдут на задний план. Во всех регионах и автономиях к 2000 году получит одобрение принцип единой России, самоуправляемых территорий, сильной федерации при свободных республиках и регионах.

Пессимистическая модель

1. Спад производства к 2000 году не прекратится, а это будет означать

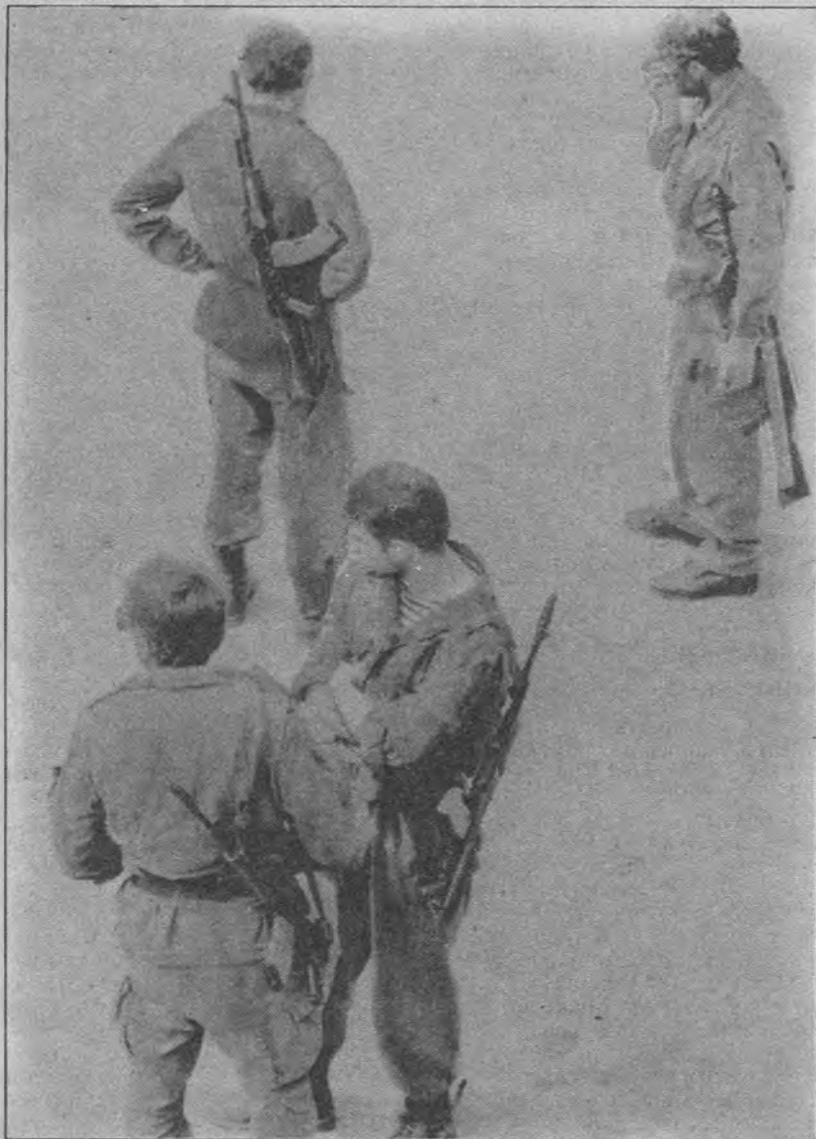

правления, поражением прези-

Кавказский конфликт: вход и выход

«Кавказский взрывной круг» сегодня у всех на устах. Ко всем его прежним острым углам прибавился еще и осетино-ингушский конфликт. Уже в России. Как ей вести себя в нем?

Наш корреспондент **А.АРДАШЕВ** обратился к председателю подкомитета Комитета ВС РФ по вопросам обороны и безопасности **Евгению КОЖОКИНУ**. Вот что он рассказал в беседе с ним

Наибольшая проблема состоит в том, что на Кавказе, как, впрочем, и в Закавказье, у нас существует не одна позиция, как у нормального, цивилизованного и, кстати говоря, демократического государства.

Имеется несколько позиций, причем они не расходятся в деталях или нюансах, а являются противоположными. Они выстраиваются по принципу предлагать противоположное тому, что выдвигает другая сторона.

С позиций оппозиции

Это прежде всего конфликт между президентом, правительством и непримиримой оппозицией в лице Фронта национального спасения. Последний на сегодняшний день имеет очень четкие позиции по многим внешнеполитическим вопросам, включая и политику в Закавказье, и (но это уже внутренняя политика) на Северном Кавказе. При этом оппозиция делает вид, что исполнительная власть полностью несет ответственность за то, что происходит в стране, за все неудачи нашей внешней политики.

Но это не так. Сегодня исполнительная власть — это не исполнительная власть тоталитарного государства. Она зависит в том числе и от действий оппозиции. Целый ряд наших неудач объясняется именно тем, что исполнительная власть оказывается как бы заложником непримиримых действий оппозиции, которая исходит не из национальных интересов, а из желания убрать правительство и президента. В итоге получается так, что не пытаются выяснить, скажем, в конфликте вокруг Абхазии, кто прав или виноват (хотя, к сожалению, в таких конфликтах это сделать непросто, потому что, может быть, не в равной степени, но ответственность всегда падает на политические круги и лидеров обеих сторон: они совершают шаг, потом другой — и в итоге ситуация превращается в катастрофу). Оппозиция не рассматривала, что есть как минимум три участника конфликта: руководство Грузии, Абхазии и Конфедерация горских народов Кавказа. Последняя не скрывает, что имеет целью создание своего государства на территории частично Российской Федерации, частично Грузии. Она тем самым, безусловно, поступает вопреки национальным интересам России, которая как новое государство заинтересована прежде всего в том, чтобы обеспечить территориальную целостность. Тут не может быть дискуссий — в национальных или не национальных интересах защитить территориальную целостность. С этим вопросом надо перестать играть, заниматься политиканством, потому что слишком много доказательств того, сколько каждый раз теряет Россия от расколов. Это все сопровождается войнами, гибелью людей.

Но то, что совершилось, уже совершилось — это мы как бы выносим за скобки — возникли независимые государства и, дай Бог, чтобы они укрепились в качестве независимых, но нельзя допустить, чтобы этот процесс развивался. Иначе территория Евразии превращается в зияющую рану. На

Северном Кавказе для нас необходимо найти методы и средства для того, чтобы движение к возникновению новых государств было остановлено.

Тут дело не в империализме, а в том, что есть вопросы границ (этнических, исторических) между народами, которые будут или решаться мирным, договорным и медленным путем в рамках какого-то большого государства, в данном случае России, или так, как вот сейчас попытались решить их Северная Осетия и Ингушетия.

На самом деле конфликты, вроде тех что в Южной Осетии, Абхазии, прекращают не третьи силы, коей в данном случае является Россия, а сами участники, которым надо пойти на компромисс, иначе война может продолжаться долго. То, как развиваются события до сих пор, свидетельствует о том, что Россия оказывается неспособной решить эту проблему не потому, что она прилагает мало усилий или нет политической воли, а потому, что сами участники конфликта надеются, что удастся решить проблему военным путем. До тех пор пока в Тбилиси и Гудауте не будет четкого осознания, что военным путем этот вопрос невозможно решить, — усилия России будут наткнуться на стену, потому что есть некоторые лимиты на действия России, связанные с тем, что конфликт развернулся на территории другого государства. Мы можем вмешиваться только в той степени, в какой Россию приглашают помочь стабилизировать ситуацию. Не более того, даже если мы считаем, что требуются действия иного рода. Россия никогда не пойдет на превышение того мандата, который мы получили от лидеров сторон.

Имперское наследие

Мы обнаруживаем еще рецидивы союзного сознания. Политики, которые добивались независимости для своих республик, столкнувшись с тяжелейшими проблемами уже будучи независимыми, пытаются не сами найти выход, а переложить ответственность на Россию, апеллируя просто к истории. Но история — это не более чем история. Она может многое объяснить, но политика сегодняшнего дня далеко не вся выходит из исторических реалий и традиций. Политики оказываются пленниками прошлого. Кстати, один из таких пленников прошлого в другом регионе сейчас потерпел политическое поражение — думаю, это закономерно. Я имею в виду Ландсбергиса. Неудачи собственной политики, неспособность решить проблемы своего народа он все время списывал на противников извне, создавая образ такого противника в лице России. Россия давно перестала вмешиваться во внутренние дела других государств. Но вот этот феномен Ландсбергиса достаточно распространен на территории бывшего Союза.

Списывать проблемы на силу вовне долго не удастся. Ведь это надо подтверждать фактами, а серьезных

фактов нет и не будет. Потому что Россия действительно пережила глубокий кризис имперского сознания, и факт распада Союза, как мне кажется, в большей степени связан именно с тем, что русские перестали быть империалистами. Не должно быть иллюзий по поводу того, что в республиках сформировалось мощное национально-освободительное движение. Это миф — ни в одной из республик не было этого. Империя распалась в центре. Русские захотели получить свободу. Ну а как известно, невозможно получить свободу для себя, если ты в той или иной степени подчиняешь другой народ.

Это то, что касается конфликтов, где Россия выступает третьей стороной. А вот в осетино-ингушском конфликте первоначально необходимо прекратить военную конфронтацию между осетинами и ингушами. Следующий, совершенно необходимый этап — это добиться разоружения всех незаконных формирований, как с той, так и с другой стороны. Это чрезвычайно тяжело и займет немало времени. Но без разоружения и расформирования незаконных отрядов надеяться на то, что в регионе будет стабилизация, — это иллюзия.

При внешней схожести межнациональных конфликтов каждый имеет своеобразие. К примеру, та модель, которая сработала в Южной Осетии, не думаю, что она же может быть использована в Северной Осетии и Ингушетии. Самое сложное — это вытеснение мирного населения из их домов. То же самое мы видим в Югославии. Это страшная вещь, с которой нельзя соглашаться, принимать.

За словами о суверенитете, за словами о защите национальных интересов происходит борьба за землю, причем в корыстных целях, которая не имеет ничего общего с общенациональными интересами. Надо выяснять все случаи мародерства и ограбления ни в чем не повинных людей, и людям надо компенсировать то, что они потеряли, независимо от того — ингуши ли осетины, или русские проживали в зоне конфликта. Это даже важнее, чем вопрос, кто виноват или кто начал.

Права человека превыше всего

Можно часто услышать вопрос: почему все-таки удалось потушить конфликт в Южной Осетии? Чья тут основная заслуга? России, Грузии, юго-осетинского руководства? Думаю, в этой ситуации можно говорить о политической воле. Она была, и пришлось понимание, что нельзя продолжать конфликт. Эту политическую волю проявили и лидеры Грузии, прежде всего Шеварднадзе, и, безусловно, лидеры Южной Осетии. Так как без готовности южных осетин также пойти на определенные уступки конфликт невозможно было бы прекратить. Хотя особенно тяжело говорить об уступках той стороны, которая активно является слабейшей.

Один из самых больных вопросов на Кавказе — проблема упразднения автономий. Нам трудно говорить, правильно или нет поступило руководство суверенного государства, совершив те или иные действия. Сейчас международным сообществом признано, что проблема прав человека имеет интернациональный характер, и международные организации, и другие государства вправе ставить вопрос о несоблюдении прав человека. Так вот, исходя из концепции прав человека, действительно автономии нужно было сохранить, так как дело не в суверенитете, а в том, что автономные образования служат дополнительным гарантом именно соблюдения прав национальных меньшинств, прав граждан. Правовая культура на территории нашей Евразии весьма специфична, часто она просто отсутствует, так как право подменялось идеологией, и в ситуации, когда, скажем, правоохранительные органы (ВД, структуры безопасности) контролируются лицами одной национальности, а судят и арестовывают они лиц другой, — это и создает подчас взрывоопасную ситуацию, потому что внутренние тормоза сплошь и рядом подводят, чтобы относиться к лицам другой национальности просто объективно.

Кстати, многие ставят вопрос таким образом: дескать, миротворческий контингент в Южной Осетии в какой-то мере разрешил конфликт. Но это все-таки военное решение. А каким должно быть политическое решение этой проблемы?

Действительно, в трагической увязке находится проблема Абхазии и Южной Осетии. Совершенно очевидно, что сейчас, пока продолжается война в Абхазии, шансов возникновения второго очага в Южной Осетии мало. Но тут проблема выбора не перед Москвой, а перед Тбилиси, по какому пути будет развиваться республика. Если будет поставлена задача создания унитарного государства в многонациональной республике, то конфликты неизбежны. Так как создание такого унитарного государства возможно только железными прутьями. Если придет понимание, что нужна государственная формула, которая отразит чаяния лиц других национальностей, и Россия в этом плане готова политическим весом оказать поддержку Грузии в плане гарантий ее территориальной целостности, тогда все эти вопросы в конечном счете решаемы.

Некая дилемма: или унитарность, но в этом случае возникает угроза территориальной целостности, или иная форма — не буду тут гадать какого рода: федерализм ли или что-то иное — важно не произносить каких-то четких терминов, потому что часто путают термины, а не суть. В этом случае гарантии будут, и их легко будет поддерживать и отстаивать. Но в любом случае должно быть четко понято, что основной груз ответственности сейчас падает отнюдь не на Москву.

Пуд овса съесть...

Леонид Никитинский,

гильдия парламентских журналистов

Война занимает центральное место в его детских воспоминаниях. Собственно, я не собирался расспрашивать его об этом специально, но на самых важных для него перекрестках нашего разговора он чуть-чуть тормозил в своей торопливой речи, задумывался, набирал воздух в легкие и нырял в войну, ища там, где-то в глубине, где уже почти темно, твердые основания сегодняшних своих убеждений и действий.

Хату их в Смоленской области сожгли немцы, отец погиб на фронте, трое детей оставалось у матери, когда они перебрались в какой-то подмосковный колхоз, где жалостливый председатель нашел для беженцев пол-избы. И от чего-то ему запомнилось, что в детских играх, где один назначал себя генералом, другой министром, он, Юрка то есть, играл в «представителя». Кого или чего именно — это теперь уже и не вспомнишь за давностью лет, но «представитель», и все тут.

Депутат Юрий Максимович Слободкин, судья, чей голос неизменно возникает в общем парламентском гаме, стоит лишь кому-нибудь без должной почтительности произнести слово «КПСС», заочно представлялся мне каким-то ископаемым динозавром воинствующего коммунизма. Я даже испытывал некоторый трепет, собираясь на условленную с ним встречу. Оpozдав на очередную электричку в Солнечногорск, Юрий Максимович покорно ждал меня с плащом под мышкой у выхода из здания Конституционного суда, заседание которого закончилось в тот день раньше обычного, что стало причиной моего получасового опоздания. Он оказался на поверку невелик ростом, голубоглаз, вежлив и искренен в стремлении быть понятым, хотя и очень устал.

Во лжи не уличен

Меня интересовало три вопроса: во-первых, как он стал юристом, во-вторых, как он остался коммунистом, и, в-третьих, насколько две эти ипостаси могут совмещаться в лице одного и того же человека. В пустой комнате «представителей ходатайствующей стороны» в опустевшем здании Конституционного суда я пытливо разглядывал его, он меня и, отвечая на первый вопрос, он сразу же почему-то и вспомнил того, детского

Портрет строителя коммунизма Юрия Слободкина

«представителя». На роду это ему было написано, что ли...

Ну а в целом по юридической стезе пошел он, скорее, случайно, закончив перед тем индустриальный техникум, но оказавшись не в ладах с чертежным делом, в чем я тоже его очень понимаю. Когда служил срочную на Урале, узнал о существовании в Свердловске юридического института, взял да и поступил в 1961-м, начитавшись в газетах про «бригадмильцев».

Свердловский юридический запомнился ему увлеченностью, духом либерализма, спорами и совместными с молодыми преподавателями турпоходами, что составляло традицию тех лет. Я расспрашивал, не было ли у него, студента Слободкина, некоторого ощущения лжи, расхождения между тем, что им рассказывают с кафедр, и происходящим за стенами института — хотя бы в известных по Уралу лесных колониях. Он ответил, что нет, ощущения лжи у него не возникало, потому что преподавали им и настоящие живые работники правоохранительных органов, тех самых, а будущая работа в местах неустroенности его не пугала, он знал, на что идет.

Мой диктофон воспроизвел довольно странную беседу, где вопросы и ответы не совпадают по плоскостям: я спрашиваю его про одно, он рассказывает чуть-чуть про другое, а пустые желтые плоскости канцелярских столов в комнате «представителей ходатайствующей стороны» пу-стого здания Конституционного суда пролезают между нами, мешая понять друг друга, хотя и создавая одновременно возможность двигаться по ним друг к другу навстречу. Ответы неадекватны, но он ни в коем случае не лжет и не пытается уклониться: просто мы с ним, видимо, всю жизнь думали о совершенно разных вещах, хотя и называемых одинаково просто в силу того, что оба мы оказались по специальности юристами.

С 1965 года и по сей день Юрий Слободкин проработал в Солнечногорском районском суде в Подмосковье — сначала судьей, потом председателем. По его словам, он не вынес ни одного приговора, в котором ему пришлось бы раскаиваться, хотя колебания, конечно, были, но он не осуждал невиновных.

Я ему верю. Но я говорю в предположительной форме, что, вероятно, это тяжкий крест: судить живых людей и отмеривать сроки — а он в ответ рассказывает без обиды в голосе о бытовой неустroенности, о том, что долгое время судьям платили 120 рублей в месяц как работникам «непроизводственной сферы».

И у меня возникает впечатление, быть может, не совсем справедливое, что к

своей профессии судьи он относится примерно как к профессии плотника, хоть и работающего вместо деревянного материала с человеческим. Плотник сетует по поводу неважных жилищных условий, нищенской зарплаты, ругается со смежниками из-за некондиционности присылаемых ему чурок, но все это, в общем, обыденность и никаких особенных драм здесь нет. Вот так он сел в судейское кресло — по распределению, словно встал к верстаку, и на всю жизнь.

Поймите, я совершенно не хочу его обидеть, да и не имею права его обидеть только на том основании, что он не отвечает моим представлениям о некоем идеальном судье. Возможно, он, далекий от моего субъективного идеала судьи, ближе к объективному, в некоем платоновском смысле, идеальному судье — если принять во внимание, что рефлектирующий интеллигент, оказавшись в этом кресле, просто очень скоро спянул бы с ума или сбежал, если бы не превратился в свою очередь в «плотника».

А он не только сидел и судил честно в меру своего разумения, но и по-плотнички, по-мужицки крепко и без комплексов умел противостоять попыткам давления на себя со стороны всяких там городских начальничков. Он вспоминает два или три эпизода из области «телефонного права», когда попытки нажима были им проигнорированы с невозмутимостью басенного слона, просто не заметившего Моську, да и басни про нее не читавшего.

И я ему снова верю хотя бы потому, что городские начальнички тоже ведь были в практическом смысле не дураки, прекрасно понимали, на кого можно нажать, а на кого бесполезно даже и думать, поэтому такое дело, при котором требовался нажим, вместо судьи Слободкина нашли бы способ поручить кому-нибудь другому. Он сам признает, что на его месте можно было и вернуться по-всякому, и взятки брать, но он-то уважал себя, свою профессию и предпочитал поэтому жить честно. Это ведь каждый выбирает сам, не правда ли?

Я здесь стою

Мой собеседник симпатичен мне именно ощущением правильно и незрячно прожитой жизни. Нет более дурацкого зрелища, чем человеческая самоуверенность, но здесь совсем не самоуверенность, а право ощущать себя правым, которое заработано собственным горбом и от-

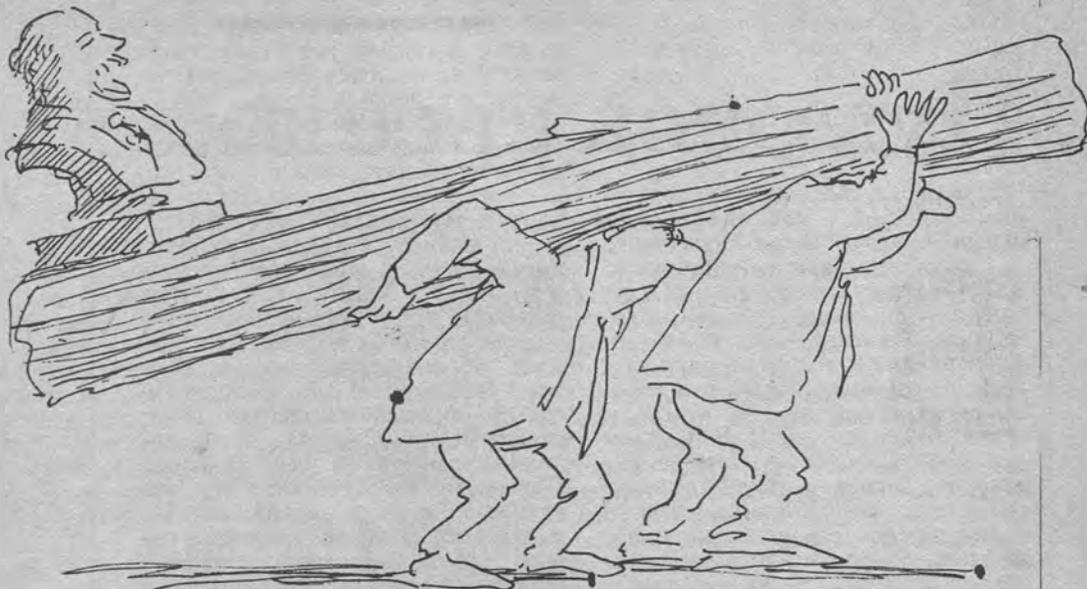

Рисунок Александра Зудина

казом от сделок с совестью. И, знаете, случись мне очутиться под уголовным судом (а кто может зарекается от такой возможности в нашей стране и в наши дни?), я не заявил бы отвода судье Слободкину. Он отвесил бы мне ровно положенный срок, быть может, даже чуть меньше, так как сам он от природы человек симпатизирующий, и на его приговоре не отразилась бы ни одна из десятков газетных статей, в которых я, как умел, насмехался и над ним самим, и над боготворимой им коммунистической партией.

Да, он судья. Он и сегодня продолжает назначать и вести дела, принимать людей — урывками, когда не отвлекает депутатство или затяжной процесс в Конституционном суде. А в большой политике, по собственному признанию, чувствует он себя неуютно, смиряясь перед своим внутренним долгом, а не играя, как иные коллеги по депутатскому корпусу, в некую игру (впрочем, весьма серьезную и опасную по своим результатам), правила которой он и понимать своим ясным умом не хочет.

Когда в Солнечногорске выдвигали народных депутатов РСФСР, сверху спустили, как водится, кандидатуру заворготделом обкома, бывшего первого их районного секретаря, да народ, уже не тот, что прежде, начал бунтовать на первом же заводе, где обкатывалась номенклатурная кандидатура. И тут прозвучало странное предложение: а вот Слободкина в депутаты, председателя суда, мы же все его знаем.

На него нажимали по партийной линии, требуя уступить «законное» место, но судья Слободкин отказался снять свою кандидатуру. К предвыборной кампании он подошел со всей серьезностью, определил свое отношение так: «Коль уж выбросили тебя на лед, бейся до конца».

Предвыборные собрания были «злыми». Антисоветские настроения, практически уже не скрываемые, были тогда сильны в низах, но всю свою предвыборную агитацию он строил на том, что «я коммунистом был, коммунистом и останусь». Хоть кол на голове теши.

В результате он победил четырех соперников в городе, где судил и осуждал двадцать пять лет — результат, безусловно, заслуживающий уважения и много говорящий о репутации судьи. Но, лишь став депутатом и познакомившись с новыми коллегами, судья понял, что попал в какую-то чужую ему компанию. Что его поразило больше всего на первом съезде? Что «процентов во семьдесят депутатов коммунистов, а согласия между ними никакого нет».

Наивный человек, неужели он до седых волос думал, что все «коммунисты», а выражаясь строже, обладатели партийных билетов, — такие же Дон Кихоты, как он сам? Да вроде нет: на посту судьи, признается Юрий Максимович, видел он много «членов» всяких: и хапуг, и взяточников, и просто сволочей. Особенно тяготило его высокомерие скороспелых партийных боссов — тем более что он искренне не мог взять в толк, откуда оно происходит.

Но выразительные примеры, которыми была полна вся его практика, вопреки марксистскому утверждению о том, что практика и есть «критерий истины», никак не колебали усвоенную им веру. Он утешал себя привычно «временностью» и «нехарактерностью» этих «нетипичных явлений», подобно тому как христианство утешает себя тем, что все царство земное вообще есть временное и в некотором роде даже нетипичное явление. А вера придает маленькому человеку такую силу, сказано в Писании, что с ее по-

мощью он может двигать и горами — если, конечно, верует истинно.

Он спешил на поезд до Солнечногорска

На первом заседании Конституционного суда 7 мая, когда было оглашено ходатайство Румянцева о проверке конституционности КПСС, присутствовавшие в зале бывшие ее вожди — Ивашко, Купцов, Зюганов — как-то заскромничали и невнятно сослались на необходимость получить полномочия от какого-то уже не существующего пленума. И только маленький Слободкин, порывисто вскочив, заявил о своей готовности защищать КПСС до последней капли крови. На него, конечно, зашикали старшие товарищи, но он-то в отличие от них повел себя мужественно и искренне. Вера не позволила ему смолчать или затеять некие хитрые игры — та вера, которой «старшие товарищи», боюсь, совсем не богаты.

Он и сам смутно чувствует это, чувствует, что не из того они сделаны теста, и с горечью говорит, что даже в случае победы команды КПСС он, первым бросившийся защищать ее честь, будет оттерт и забыт — так ведь всегда бывает. Впрочем, «мне ничего и не надо». Квартирку бы для сына, ну да это так... И никто никакого памятника ему никогда не поставит. Разве только возьмется какой-нибудь новоявленный Гоголь сочинять новую «Шинель», да ведь не Зюганову же это по плечу.

Все это Юрий Максимович предчувствует, но он поднимается во весь свой невеликий рост и прет на амбразуру, плюющую политическими нечистотами — для начала, а там, может статься, и свинцом.

«Я же не затем... (сбивчиво). Партия мне ничего не дала в смысле прагматическом... Ни машины, ни дачи у меня нет... Квартира... (сбивчиво). Да вот, что я не о том, я вот, что вам скажу, послушайте! Когда в войну к апрелю доедали мы последнее, что в доме было, мать брала наволочку и шла в соседнюю деревню к председателю колхоза: «Дай, Иваныч, хоть что, хоть пудик овса...» — «Да что ты, кума, ничего ж нету, да сколько ж вы жрете там?» Ругался-матерился, но ведь давал, а?! Но ведь давал же!»...

Вот за это, за пудик овса в наволочке, съеденный когда-то в сорок третьем или сорок четвертом, судья Слободкин раслачивается сегодня с ясным чувством исполняемого долга. И это много говорит не столько о нем, сколько о системе, сумевшей приспособить

для своих бесчеловечных целей тысячи и тысячи вот таких, быть может, не богатых фантазией, но честных и верных людей.

И поди-ка скажи ему, что он неправ. Да повернется ли язык? Он не хочет понять, что партия его, как и всех нас, обобрала не только материально, но, что гораздо важнее, духовно, что счет, предъявленный ей, пусть не совсем ловко и кстати, в Конституционном суде, предъявлен и от его имени тоже. А он-то себя считает облагодетельствованным — чем? Наволочкой овса в конечном счете, которой не партия вовсе спасла Юрку Слободкина от голодной смерти, а сердобольный «Иваныч», мыслящий в ту минуту совсем не по-партийному. Ну и пусть себе он так считает, потому что он благодарный человек по своей человеческой природе, а против благодарности, пусть даже куда-то не туда адресованной, нам все равно нечего возразить.

И все он о войне да о войне, и снова война: сегодня, сейчас, здесь — не будем себя обманывать. Потому что, как писал не шибко уважаемый марксистами философ Томас Гоббс в середине еще XVII столетия: «Война есть не только сражение или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения... Подобно тому как понятие дурной погоды заключается не в одном или двух ливнях, а в наклонности к этому в течение многих дней подряд, точно так же и понятие войны состоит не в происходящих боях, а в явной устремленности к ним в течение всего того времени, пока нет уверенности в противном. Все остальное время есть мир».

Вот тут и задумаешься, слушая сбивчивую защитительную речь Юрия Максимовича: ну какого черта нам набрасываться друг на друга, чего делить? Что за нелепая штука эта гражданская война, расставляющая по разные стороны баррикады ведь не играющих с огнем политиков, которым станет, где отсидеться, куда смыться, но честных и ни в чем не виноватых ни перед собственной совестью, ни друг перед другом, способных слушать, уважать (а может, поднапрягшись, и любить?) друг друга людей. Способные любить — способны и ненавидеть и стрелять. Для чего?

Ему надо было спешить на вокзал: Юрий Максимович не воспользовался привилегией жить в московской гостинице как участник процесса в Конституционном суде, а предпочитал каждый день приезжать из Солнечногорска на электричке и уезжать ночевать домой.

Новое агентство для нового бизнеса

4 декабря в Москве с успехом прошла презентация рекламного агентства «Русская пресс-служба».

Основанное осенью прошлого года агентство быстро набрало силу и приобрело широкий круг клиентов. Сегодня «РПС» — наиболее прогрессирующее рекламное агентство в России.

Агентство образовалось из отдела рекламы еженедельника бесплатных объявлений «Все для Вас», ставшего первым изданием подобного рода в России.

«Русская пресс-служба» решила ориентироваться на молодой бизнес. Принципами взаимоотношений с фирмами стали низкие цены на рекламу, оперативность, минимум формальностей при оформлении заказов.

Агентство росло вместе с расширением издательской деятельности фирмы «Все для Вас». В начале 1992 года фирма стала выпускать еженедельники «Домашний адвокат», «Moscow Business Week», а также журнал международных знакомств «Амур».

В феврале 1992 года несколько издательских фирм объединились в акционерное общество «Издательский дом «Новое время», которое стало одним из крупнейших издательских концернов в России. Свое название а/о приобрело от титула еженедельника «Новое время», редакция которого выступила одним из учредителей общества. Одним из акционеров Дома стало и агентство «Русская пресс-служба», имея при этом договорные отношения с редакцией «НВ».

В ноябре на Санкт-Петербургском ТВ состоялась премьера снятого агентством документального фильма о московском ОМОН «Серые береты: легенды и быль». Среди последних крупных контрактов, заключенных агентством, можно назвать договор на обеспечение рекламой новой передачи телекомпании «ВИД» — «Л-Клуб» (автор Влад Листьев), рекламную кампанию английской фирмы Noyac International Ltd. и договор с фирмой «Сименс».

В декабре Издательский дом порадовал читающую публику выходом пробного номера нового еженедельника «Московский обозреватель».

Это сборник самых интересных публикаций российской прессы, иначе говоря, дайджест.

Идея проста: дать возможность каждому познакомиться со всем интересным, что появляется в российской прессе.

К новому году выйдет еще один пробный номер «Московского обозревателя», а с начала 1993-го журнал начнет выходить регулярно.

Ваучер: дебет и кредит

Лев Алейник

Резко, круто, быстро — всего за две недели вдвое скакнула вверх цена приватизационных чеков. Причем это произошло чуть ли не повсеместно и для многих миллионов «рядовых держателей» радужных государственных бумаг с объявленной ценностью в 10 000 рублей совершенно неожиданно.

Ну хотя бы потому, что эта номинальная

Спор о приватизационных чеках, кажется, решен: стоимость сиреневых бумажек пошла вверх

цена, объявленная 21 августа в указе президента Бориса Ельцина «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации», даже и в среде профессиональных отечественных экономистов (в большинстве, заметим, увы — «политэкономов») посеяла разброд и шатания. То ли она изначально слишком уж завышена, то ли вовсе наоборот?

На эту тему прилежно скрипели перья не только экономистов по образованию, но и депутатов всех уровней, политологов «наших» и не наших и, конечно же, газетчиков, журналистов. Мало найдется в России средств массовой информации, не прошедших по поводу «ваучеризации всей страны» — кто лихо, а кто и вполне академично.

Страсти по чеку

«...С привычной миною всезнайки». Буквально по этому слову великого поэта некие эксперты (как уже заведено в ряде изданий — не называемые поименно «принципиально», вот и мы здесь — таким же манером) чуть ли не тут же вослед президентскому указу рассчитали, как дурят нашего брата. Будто бы реальная стоимость капитала, приходящегося на один приватизационный чек, не менее чем в тридцать раз ниже. И правительственная оценка августовской рыночной стоимости приватизируемых фондов, выходит, завышена приблизительно чуть ли не тридцатикратно.

А далее следовали научные экономические выкладки — пестрящие ценами и цифрами в рублях для пущей научной убедительности. Но теперь — где те августовские цены? Где тогдашние летние наши деревенные, почему идут хоть за фунт, хоть за доллар ныне?..

Другие оппоненты утверждали: сделанное до сих пор «правительством реформ» в экономике — не более чем подступы к коренным изменениям. И только с «ваучеризацией всей страны» начинается именно сейчас, на наших глазах, главное: восстановление частной собственности. По меткому слову сторонника этого взгляда Василия Селюнина, «уже не в опереточных масштабах, а, можно сказать, обвально...»

И здесь далее следовали разъяснения, что каждый из 150 миллионов жителей России получит пай, равный одной 150-миллионной дольке российского имущества. Для начала. Но что одинаковый кусок казенного пирога пойдет в частные руки каждого на равных только в том случае, когда вся собственность будет роздана на приватизационные чеки — и только на эти чеки.

Однако уже и тогда, после опубликования Государственной программы приватизации, было ясно, что такое условие даже не брезжит на горизонте не только нынешнего года, но и в самом светлом будущем. Ибо опять тот же вьедливый Селюнин на-

Рисунок Александра Зудина

считал аж одиннадцать способов получения казенного имущества помимо «всех уравнивающих» ваучеров. И равными бесплатными паями по его выкладкам будет роздана всего одна треть пресловутой и неувидимой «общенародной» собственности.

Словом, вокруг этих и подобных «частностей» скрестились копы: споры об истинной и утаиваемой злыми силами да лукавцами, засевавшими в Кремле, цене ваучеров, будьте уверены, отнюдь не позади — и мы все увидим, как еще разгорятся. А попутно спорили и о серьезных, а не только ловко декларируемых возможностях с помощью приватизационных чеков оприходовать существенную долю добра огромного Российского государства. Не чужого добра, нашенского, наработанного поколениями предков, соотечественников в тяжких лишениях и так мало оставивших своим транжирам-потомкам — нам с вами.

За пару бутылок

Между тем за этими спорами многие отметили «час истины», когда критика правительства за его «авантюру с ваучерами» активно выплеснулась на улицу. Это был момент раздачи первых же приватизационных чеков. Помните, «алконавты» даже особо и не разглядывали четыре нуля на почти задаром (всего за цену буханки черного) доставшейся бумажке? Торопились сбавить ее побыстрее каким-то чудачкам за две-три бутылки горячительного напитка хоть у магазина «Вино» на Садовом кольце столицы у площади Маяковского. На Тишинском рынке, тоже в самом центре Москвы, в полутора-двух километрах от Белого дома и от Кремля, бойкие юнцы стояли с позванивающими стеклом рюкзаками и объемистыми сумками, выкрикивая: «Кому пять бутылок водки за ваучер?»

Так реагировал наш «дикий рынок» на новый неведомый товар, впрыснутый в него, уже в середине октября. Тут же рядом другие юнцы давали по две «штуки» (тысячи) рублей за ваучер — сам видел топорщившиеся от чеков карманы удачливых скупщиков.

Тогда же их коллеги появились и в подземных переходах под Пушкинской площадью, в метро под самым Кремлем. Таблички на их груди содержали порой сразу же две надписи: «Куплю ваучеры. Продам ваучеры». Неделю за неделей по мере получения согражданами приватизационных чеков курс их еле полз наверх, достигнув лишь к середине ноября отметки 3200—3700 рублей. Примерно то же было и на торгах столичных бирж, где этот товар только еще

Рисунок В. Влодова

начинал пользоваться столь массовым ныне спросом.

И тогда же, в конце октября, среди жителей дюжины различных регионов России фонд «Общественное мнение» провел опрос на тему: «Цена на ваучер: ожидания населения». В ходе его было опрошено три тысячи взрослых жителей из сорока населенных пунктов. Причем это уже не столичный народ со всеми его «особинками» — выборка представляла социально-демографическую и профессиональную структуру российских жителей достаточно полно.

Вот тут и выяснились парадоксальные, неожиданные факты. Из числа тех, кто решил продать свой ваучер, 56 процентов согласны сделать это только по цене выше номинальной. Всего четыре процента опрошенных готовы пойти на продажу приватизационного чека по номиналу, за 10 000 рублей. И только лишь три процента россиян согласились продавать свои ваучеры ниже номинала.

По всему выходило, что именно у этих трех процентов и скупали шустрейшие люди по большей части чуть ли не единственную ценность — ваучеры. Именно входящие в этот мизерный процент на вопрос — не жалко ли им продавать задешево свой ваучер, либо грубо посылали подальше, либо отвечали, что купить хочется сейчас.

Но по всему выходило и то, что уже в канун ноября большинство населения с надеждой и верой ожидало повышения рыночной цены на ваучеры. И предварительные эти данные не только в биржах приведет к ряду других позволяли определить среднюю ожидаемую вскорости цену продаж ваучера. Она составила 19 тысяч 700 рублей.

Так что можно было с известной долей уверенности прогнозировать, что рост объемов операций с ваучерами не только в биржах приведет к соответствующей массовой реакции на рынке. И тогда уже неминуемо цена покупки приватизационных чеков весьма скоро приблизится к уровню, нащупанному опросами населения в столицах и глубинке.

Уже тогда это интуитивно почувляли и деловые люди, понимающие, во что следует вкладывать оборотные средства. Тем временем уже и они, и их посланцы, оплачиваемые достаточно щедро в дальних небезопасных командировках, неумимо ездили по необъятным всям России, добираясь и до самой далекой глубинки. И уж там-то вволю скупали за сущий бесценок диковинные, с неба свалившиеся ваучеры у ошарашенных почти бесплатной «подачкой Москвы» сел, деревень, поселков. Скупали чуть ли не оптом, единым махом, подчистую.

Не оттуда ли берут истоки нынешние крупные «партии ценных бу-

маг», «крупные пакеты ваучеров», всплывшие ныне уже не только в операциях столичных бирж? Те самые, что пошли в ход на торгах в самое последнее время чуть ли не повсеместно — от Москвы до самых до окраин. По опять же растиражированным весьма щедро, хотя и непроверенным данным, на Дальнем Востоке активнейшей скупкой приватизационных чеков сегодня заняты иностранные подданные из Китая, Вьетнама, Северной Кореи: они якобы дают за один ваучер до 70–80 тысяч рублей. В массовость такого явления верится пока с трудом, однако несколько единичных факторов из достоверного источника автору известны. Но сколь долго это продлится — судить не беремся.

Биржа рассудит

На Российской фондовой бирже безналичный курс продаж приватизационных чеков по фьючерсным сделкам (с отложенным платежом. — Л.А.) достиг наконец отметки в 10 000 рублей. На Московской товарной и Российской товарно-сырьевой биржах на состоявшихся в канун декабря торгах платили по 8000 рублей за ваучер. Причем следует заметить одно новое обстоятельство. Впервые на этих торгах, как и на ряде других бирж, проявили деловую активность солидные инвесторы, люди, не стесняющие себя в деньгах.

Об этом позволяет судить та же биржевая хроника. На биржах зафиксированы со всей возможной достоверностью факты скупки крупных пакетов от трехсот до восьмисот приватизационных чеков. Выходит, оказались правы те газеты, что сумели оценить подобные события биржевой недели, связанные с торговлей ваучерами, как самые серьезные и многообещающие.

Но что же вызвало и сногсшибательный рывок активности сделок с ваучерами, и прыжок цен на них, и столь оптимистические оценки этого из ряда вон выходящего явления и ожидания цен будущих?

Ответ прост: спущенная для обнародования из «кремлевских верхов» официальная бумага, изложенная занудным стилем, однако же многое сказавшая уму и сердцу чуть ли не каждого внимательного человека, тем более бизнесмена. Название ее звучит сухо, по-канцелярски: «Положение о проведении специализированных чековых аукционов». Но там — истинная сенсация! В переводе с канцелярита сказано вот что: отныне за акции предприятий можно заплатить только приватизационными чеками!

Ненавистники ваучера, твердящие о крахе ваучеризации, встрепнутся и спросят: чему радуемся? Что, едем к гиперинфляции? Что, новые деньги в виде радужных бума-

жек с четырьмя нулями явились на наши бедные головы?

Но ведь подобный документ и рожден, чтобы прояснить наконец-то истинный лик ваучера, могучего рычага в усилиях обретения нами частной собственности — неопценного и бесподобного помощника. А если говорить без восторгов, только лишь сухо констатируя эти возможности, то достаточно подчеркнуть одно. Теперь-то уж точно за ним, за все дорожающим приватизационным чеком окончательно закреплено право оплаты за землю, на которой стоят приватизируемые предприятия, их здания и сооружения, оборудование. На деле — это уже инвестиционное обеспечение ваучера. Значит, начало самого что ни на есть воплощения в жизнь перехода к рынку частной собственности.

Как того и ожидали «отцы-реформаторы», реакция деловых кругов не заставила себя ждать ни дня.

К примеру, в Новосибирске провели первый в России чековый аукцион. Здесь ваучеры использовали по прямому их назначению — как единственное платежное средство. Именно на него на торгах Западно-Сибирской фондовой биржи скупали акции приватизируемого предприятия — Томского государственного подшипникового завода (отныне акционерного общества открытого типа «РОЛТОМ»). Акции шли по номиналу за каждый чек достоинством в 10 000 рублей.

Только теперь началось исполнение задуманного «командой Ельцина—Гайдара» процесса ваучеризации собственности. Только еще началось...

Есть у каждого — значит, есть у всех

Однако неумеренные, может стать, восторги деловых людей чуть меркнут. Хотя бы по причине соболезнования согражданам, поспешившим расстаться с ваучером — этой радужной бумажкой.

Появилось бы «такое «положение», спущенное только теперь из-за кремлевских стен, одновременно с первыми чеками на руках у людей — да цены б ему не было! На всех перекрестках славил бы туманность ныне правящих нами. И несравненно меньше было б обиженных. И сами ваучеры, глядишь, стоили бы ныне в городах и всях чуть ли не столько, сколько в сказаниях о дальневосточных сделках с ними — да притом уже в начале октября.

Но все же наконец мы услышали вполне внятное: за ваучеры теперь имеем право купить четыре из каждых пяти акций, отнесенных к собственности Российской Федерации, ее краев, областей, округов. И почти половину стоимости муниципальных объектов — 45 процентов

— можно теперь оплатить именно ваучерами. Но даже и этот весьма высокий уровень может быть поднят до 90 процентов. Если так решит местный Совет народных депутатов.

Жаркий спор о ваучерах продолжается. Чеки — это очередной обман народа, ведь они не именные, они — как стиральная доска для отмывания дельцами грязных денег, они приведут к безработице треть трудящихся: где государственная социальная защита людей? Так утверждают «депутаты от народа» Константинов, Исаков, Павлов перед телекамерами оппонентов.

Но реформаторы-ваучеризаторы Анатолий Чубайс, депутат Петр Филиппов бьют «народных заступников» с виду простыми доводами. Чек — расписка в получении каждым из народа своей части собственности, и каждый волен ею распорядиться как пожелает. В мире же именно свободный рынок частной собственности и создает постоянно массу рабочих мест, где люди зарабатывают — куда нам. И еще — где же нашему государству в кризисе взять сегодня столько денег на социальную защиту стремительно растущей армии безработных и нищающих: что, прибудет их из полуобанкротившегося госсектора? Да ведь повсюду на это денежки капают с налогов на частную собственность. И еще там, за бугром, социальная тоже — куда нашей. Не оттого ли, что право на собственность там священно, как и вообще права человека на труд, на жилище, на социальную?

Госкомимущество России подготовило список объектов, которые мы, народ, сможем приватизировать за наши ваучеры. Впрочем, уже в последние месяцы многие десятки тысяч предприятий подали свои планы приватизации. И значит это, что идею и суть акционирования за ваучеры приняли не только сами коллективы этих предприятий, но и их администрация, и те, кто входит в «директорский корпус».

Радетелей за народ, демагогов «патриотической национальности», сделавших сие профессией, только последние принятые правительством документы о приватизации через ваучеры заставили чуть приумолкнуть. Но, зная их нравы, мы еще услышим продолжение плача о распродаже матушки-России.

А мы всерьез возмечтали и имели надежды по всем законам России присвоить свою часть собственности, прежде принадлежавшей тоталитарной системе. Свидетельством надежд стал резкий скачок спроса на ваучеры миллионов рядовых сограждан по многим краям страны. Значит, большинство народа, тех, кто сделал выбор, связало свои социальные ожидания с судьбой правительства реформ.

Россия уходит с мирового рынка

Владимир Кольцов

Основной источник поступления иностранной валюты в страну и поддержания в работоспособном состоянии целых производств и отраслей промышленности — внешняя торговля — находится в плачевном состоянии. Кризис захлестнул эту отрасль экономики сильнее, чем какую-либо другую. Падение здесь из месяца в месяц измеряется двузначными цифрами.

В этом году доля России в мировом экспорте и импорте товаров и услуг не превысит одного процента, а по абсолютным размерам внешней торговли мы будем на уровне таких малых западноевропейских стран, как Дания, Норвегия, Финляндия, далеко пропустив вперед себя Швейцарию, Швецию, Сингапур, Китай, не говоря уж о Японии, ФРГ или США.

Мы уходим с мировых рынков, где и так занимали ничтожное место, но тем не менее имели определенный доступ к информации, технологическому опыту и знаниям, учились цивилизованно вести деловые операции.

Обвал

В условиях неконвертируемости местной валюты что-либо купить за границей Россия может, только если что-то продаст. Масштабы экспорта и импорта России и их товарную структуру в прошлом можно определить только чисто условно. СССР

Короткие и длинные ответы на вопрос о том, почему мы все меньше продаем и совсем мало покупаем

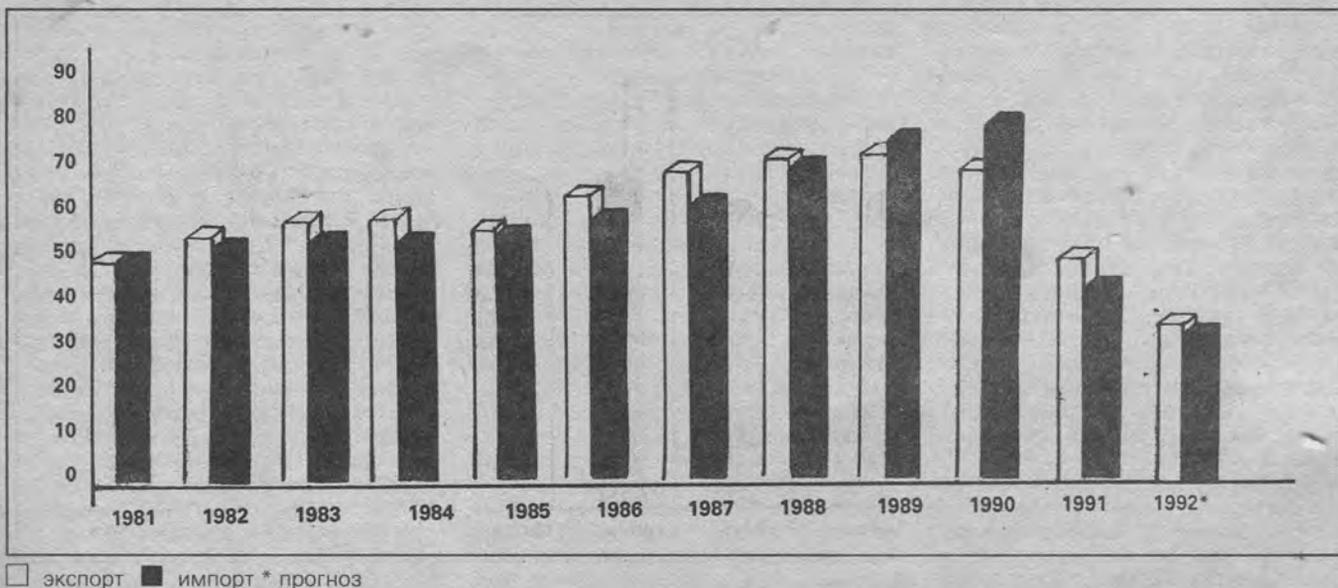
был единым государством, планы вывоза и ввоза спускались Москвой и подлежали безусловному исполнению во всех республиках. И никого особенно не интересовало, какая именно республика поставляла товар на экспорт, тем более что вся валюта изымалась в централизованный резерв, и экспортирующим предприятиям, кроме некоего весьма иллюзорного престижа или переходящего красного знамени, чаще всего ничего не доставалось.

С распадом Союза начали делить всё, в том числе и внешнюю торговлю. Довольно быстро договорились полагать, что доля России в экспорте бывшего СССР составляет 78,2, а в импорте 67,7 процента, хотя, разумеется, по отдельным товарам это далеко не так. Есть довольно многочисленные товары, экспорт которых осуществлялся только Россией, поскольку в других республиках они просто не производились, так же как и некоторые товары, включавшиеся в общесоюзный экспорт, Россия не экспортировала.

Как видно из схемы 1, российский экспорт худо-бедно рос до 1988 года, при этом хоть и немногим, но превышая импорт. Страна зарабатывала валюты больше, чем тратила. Через год уже прозвенел первый звонок: ввоз в 1989 году значительно превысил вывоз, страна стала влезать в долги даже по коммерческим операциям, в 1990-м отрицательное сальдо достигло величины, которая уже не могла быть покрыта коммерческими кредитами, а на следующий год, как и следовало ожидать, экспорт и импорт вошли в пике, из которого не могут выйти и по сей день.

В 1992 году (схема 2) какую-либо долгосрочную закономерность во внешнеэкономической деятельности вывести трудно, кроме разве что форсирования экспорта и

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ В 1981–1992 ГОДАХ (в миллиардах долларов)

импорта к концу кварталов, что вполне соответствует традиционному менталитету, наработанному в плановой системе хозяйства: о выполнении планов отчитывались по кварталам, и поэтому во всех внешнеэкономических объединениях конец марта, июня, сентября и декабря традиционно считался черным периодом и на него приходилось наибольшее количество больничных.

По сравнению с прошлым годом экспорт сократился процентов на 25–30, что, в свою очередь, привело к не меньшему снижению импорта. Примерно такая же участь ожидает нас и в следующем году. И в распоряжении правительства нет сколько-нибудь серьезных рычагов, чтобы переломить эту опасную тенденцию.

Товарная структура внешней торговли России скорее характерна для небольшой развивающейся азиатской или латиноамериканской страны, нежели для развитого государства. В экспорте половину занимают нефть и газ, без которых внешняя торговля просто развалится, а в импорте примерно столько же — машины, оборудование и зерно. Если отвлечься от ценовых пропорций, то получается, что для обеспечения своей жизнедеятельности Россия обменивает ценнейшее невозобновляемое сырье на товары, которые быстро изнашиваются и потребляются, и требуется снова экспортировать сырье, для того чтобы промышленность работала и люди не голодали.

Еще более колониальный характер носит экспорт и импорт коммерческих организаций. О структуре их экспорта толком ничего не известно, но с большой степенью вероятности можно предположить, что она недалеко оторвалась от струк-

туры государственного экспорта: те же продукты нефтепереработки, лом цветных металлов, древесина, только во многих случаях с полулегальным, а то и просто уголовным оттенком. Импорт же коммерческих организаций принципиально иной. Здесь важна валютная эффективность, и поэтому ввозится все, что можно купить там очень дешево и продать здесь очень дорого. На первом месте стоят поддержанные автомобили, за ними следуют поношенные вещи, а также жевательная резинка, сигареты, спиртные напитки.

Почему не экспортируем?

На этот вопрос есть два ответа — короткий и длинный.

Короткий состоит в том, что России просто нечего вывозить.

Производство нефти в связи со старением оборудования и удорожанием добычи в последние годы быстро сокращается, и нужны миллиардные капиталовложения, в том числе и в валюте, чтобы сдержать это падение. Таких средств нет и взять их негде. Следовательно, чтобы обеспечить внутреннее потребление, часть нефти будет просто сниматься с экспорта, что не позволит окончательно встать городскому транспорту, но значительно сократит приток иностранной валюты в страну.

Газ, производство которого неминуемыми усилиями удастся удерживать в последние годы на постоянном уровне, не сможет заменить нефть, поскольку на него в отличие от нефти нет альтернативных покупателей на мировом рынке. Все остальные товары даже при увеличении объемов их экспорта на порядок (что также маловероятно из-за стагнирующего производства) в си-

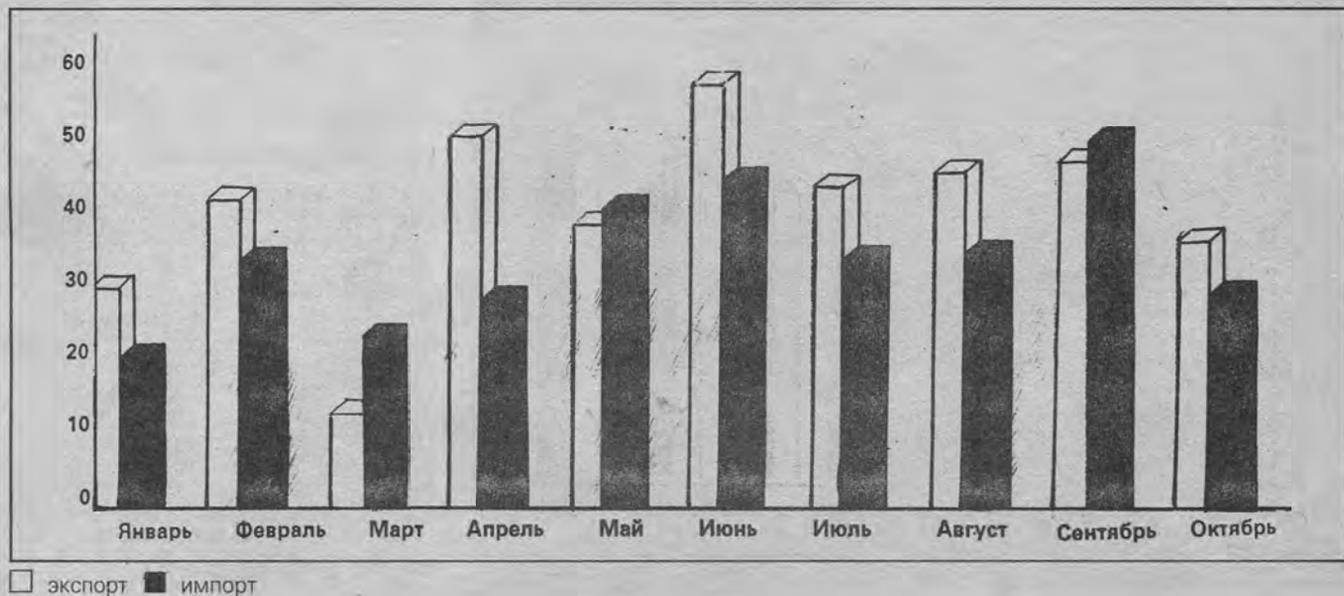
лу незначительности их роли в вывозе в целом не в состоянии коренным образом поправить торговый баланс.

Длинный ответ на вопрос, почему Россия не экспортирует, кроется в анализе внешнеэкономической политики правительства. Из теории международных хозяйственных отношений известно, что существуют два основных способа регулирования внешней торговли — тарифный и нетарифный.

Тарифные методы подразумевают введение таможенных пошлин, которые взимаются при передвижении товаров через границу и идут в доход государственного бюджета. Преследует это обычно либо чисто фискальные цели (собрать побольше денег в государственную казну), либо цели государственного регулирования для ограничения или, наоборот, форсирования экспорта или импорта тех или иных товаров. В цивилизованных странах обычно вводятся таможенные тарифы на импорт товаров, для того чтобы защитить местных производителей от иностранной конкуренции, и максимально либерализуется экспорт — для расширения торговой экспансии на зарубежных рынках.

В нашей стране эта модель скопирована «с точностью до наоборот»: максимально усложнен экспорт и либерализован импорт. С начала нынешнего года введен в действие тариф, по которому экспортеры обязаны выплачивать государству таможенные пошлины, установленные в ЭКЮ за тонну товара. И всё было бы ничего, если бы не многочисленные исключения. По моим подсчетам, ставки экспортного тарифа только в первом полугодии изменились пять раз. Введены специальные режимы уплаты таможенных пошлин для иностранных

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ В 1992 ГОДУ (в миллиардах долларов)

компаний и совместных предприятий с долей иностранного капитала более 30 процентов при экспорте комплектного оборудования для объектов, сооружаемых за рубежом. Под давлением отраслевых и региональных лобби экспорт отдельных организаций и целых экономических регионов вообще освобожден от пошлин.

Запутавшись в экспортных тарифах окончательно, российское правительство со второго полугодия попыталось начать все сначала и ввело новый экспортный тариф, еще более изощренный, по которому пошлины берутся с экспортеров не только в ЭКЮ за тонну, но —

поскольку к этому времени выяснилось, что не все товары можно измерить в тоннах, — и как процент от их таможенной стоимости. Однако и новый тариф не продержался и месяца. К нему были сделаны дополнения, которые продолжают появляться с завидной регулярностью. Поэтому потенциальный экспортер совершенно не может быть уверен в том, что, когда дойдет до оформления его груза на границе, с него возьмут именно ту пошлину, которая указана в таможенном тарифе, действовавшем на момент отгрузки. Подоспеет очередное дополнение, о котором будет известно только таможенникам, но которое может превратить сделку из эффективной в невыгодную.

Главный аргумент сторонников экспортного таможенного тарифа, который содержит несколько тысяч товарных позиций, покрывая практически весь конкурентоспособный экспорт, заключается в том, что он не позволяет растаскивать национальное богатство, ограничивая его вывоз. Но так как главным экспортным богатством для нас являются нефть и газ, то вполне возможно было бы ограничиться в таможенном регулировании только этими двумя товарными группами, максимально либерализовав вывоз других. Не думаю, что критически важным для государства является облагать тарифом в 60 процентов за тонну вывоз, например, предметов из товарной группы 7318 — «вин-

Невосполнимое богатство — нефть — главный экспортный товар

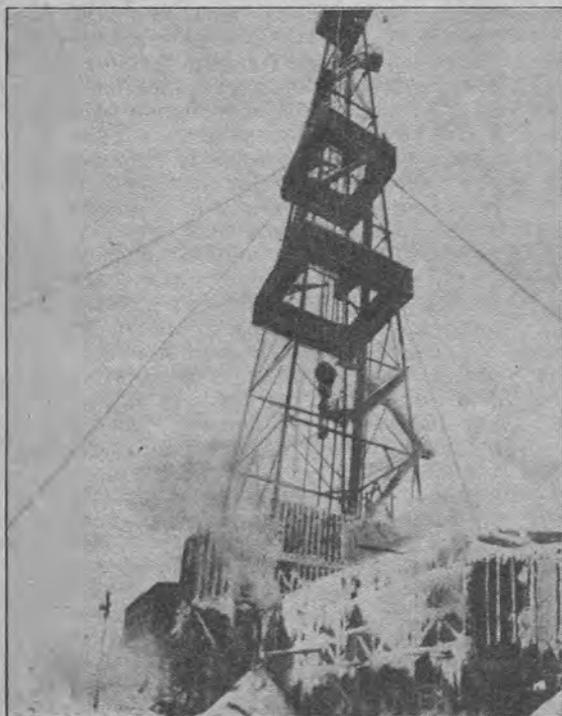
ты, болты, гайки, глухари, свертные крючки, заклепки, шпонки, шпильки, шайбы и аналогичные изделия из черных металлов». Даже если кому-то захочется собрать все шпиндели и шпонки, какие есть в нашей стране, и продать их за бугор, то полученная от обложения их экспортным налогом сумма будет настолько незначительной, что никак не поправит дела с государственным бюджетом.

Кроме тарифного сдерживания экспорта создана замысловатая система нетарифных ограничений. Все основные экспортные товары могут вывозиться только в пределах установленных государством квот, часть из которых распределяется напрямую между предприятиями-изготовителями, а часть продается на аукционах. Документом, подтверждающим то, что экспортер вписался в квоту, является сертификат. На базе этого сертификата, когда экспортеры уже заключили контракты с покупателями, им нужно получить лицензию на вывоз, которую могут и не дать, — тогда сделка сорвется.

Однако этих ограничений оказалось мало. Они легко преодолевались путем подкупа соответствующих чиновников. Со второго полугодия ввели специальный порядок вывоза стратегических товаров. В перечень стратегических попали отнюдь не оружие и ядерное сырье, а все основные экспортные товары России: нефть, газ, уголь, древесина, черные и цветные металлы, пушнина и прочее. Экспортировать их разрешили лишь узкой группе особо доверенных организаций, которые все расчеты с внешним миром могут вести только через банковские счета, заявленные ими при регистрации. Круг замкнулся. По сути дела вывозить что-либо из страны вне государственных структур невозможно. Государственные же структуры полностью зависят от производства, которое сокращается.

Почему не импортируем?

На этот вопрос может быть тоже два ответа — короткий и длинный. Короткий прост: нет валюты. После разрушения СЭВ практически вся торговля, не считая незначительных клиринговых и бартерных операций, осуществляется с расчетами в твердых валютах, которые мы можем получить либо от экспорта, либо в кредит. На сегодняшний день ситуация такова, что за импорт платится та валюта, которую мы еще не успели получить от экспорта. Отсюда просроченные платежи, задержки поставок, срывы контрактов...

Длинный ответ также требует анализа правительственной политики в области импорта. Государственное регулирование импорта куда скромнее экспортного. Временный импортный тариф введен со второго полугодия нынешнего года и, как водится, уже дважды изменялся. Он охватывает все ввозимые товары, с которых берется 15 процентов от таможенной стоимости, причем с десятка так называемых акцизных товаров: пиво, спирт, вино, автомобили, видео- и радиоаппаратура — облагаются повышенными таможенными пошлинами.

С самого начала было очевидно, что по меньшей мере неразумно защищать наш внутренний рынок от иностранных товаров, которых здесь катастрофически не хватает. Естественно, были освобождены от импортных пошлин детские товары, медикаменты, продовольствие. Единственный, ставший достоянием гласности, случай использования импортного тарифа в качестве защитного средства — повышение под давлением местного водочного лобби до 100 процентов тарифа за ввоз дешевого иностранного спирта. Наша самая процветающая водочная промышленность не устояла перед первым же натиском иностранного конкурента и была вынуждена просить защиты у правительства.

К сожалению, они ее получили в виде повышения таможенной пошлины. А напрасно. На примере водки, которая все-таки не является предметом первой необходимости, можно было бы дать почувствовать нашим промышленным монополистам, что такое на самом деле конкуренция. Уже сегодня очевидно, что, как только цены, например, на один из самых дефицитных в нашей стране товаров — легковые автомобили — в валютном исчислении дойдут до 7–8 тысяч долларов, в Россию хлынет невиданный поток новых (а не подержанных, как сейчас) иностранных малолитражек, под натиском которых немедленно рухнет ВАЗ, не говоря уж об АЗЛК или других менее значимых производителях автомобилей. Правда, правительство опять, как и в случае со спиртом, может ввести запретительную импортную пошлину. Но позволят ли ему это сделать потребители?

Импорт на 90 процентов осуществляется государственными, а не коммерческими структурами и носит критический по важности характер, ибо прекращение ввоза отдельных частей и компонентов может привести к разрушению производ-

ственного потенциала. Например, если не закупить за рубежом нить «спандекс», полностью остановится чулочно-носочная промышленность. Не купишь натуральный каучук — встанет производство шин для большегрузных самосвалов, самолетов, а также медицинских изделий. Если не раскошелиться на свинцовый сурик, остановится производство всего оптического стекла...

Это понимают все — и государство, и импортеры. Но со второго полугодия введен единый валютный курс, и государственные импортеры

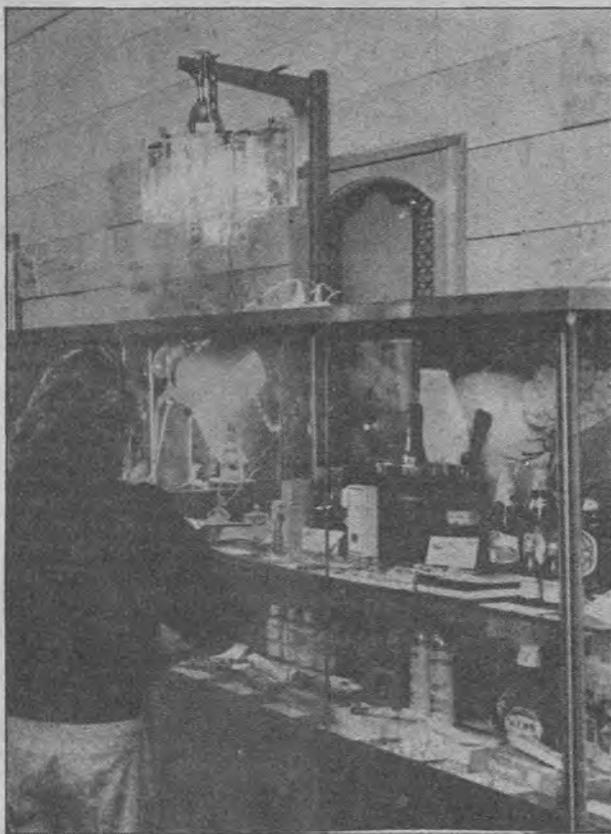
рых не так много и на все не хватает. Поэтому и перспективы расширения закупок за рубежом на обозримые сроки весьма туманны.

Что дальше?

Наступает новый год и, как водится, в новом году будет использоваться новое внешнеэкономическое регулирование, порядок которого уже опубликован. В целом это возврат к административным методам регулирования вывоза и ввоза наиболее значимых и эффективных с валютной точки зрения товаров. Единственным принципиальным новшеством является то, что порядок лицензирования и квотирования распространяется на все страны ближнего зарубежья. В отношении экспортного и импортного тарифов ясности нет: 8 из 14 бывших советских республик подписали с Россией соглашение о таможенном союзе и вроде бы должны использовать общий таможенный режим в отношении третьих стран и не применять пошлины в торговле друг с другом. Однако, скорее всего, этого не будет. Отдельные республики уже сейчас вводят ограничения на вывоз товаров в другие страны СНГ и сами регулируют таможенные отношения с третьими государствами.

В ближайшее время экспортеров и импортеров ждут новые потрясения в связи с изменениями порядка продажи и покупки валюты, очередными скачками экспортного и импортного тарифов, новыми документами правительства, предоставляющими особые права внешнеэкономической деятельности отдельным предприятиям, регионам, отраслям.

Очевидно, что ориентиром для разработки цивилизованного внешнеэкономического регулирования должны стать положения, зафиксированные в Генеральном соглашении о тарифах и торговле, являющемся своего рода конституцией мировой торговли и одновременно авторитетной международной организацией, координирующей коммерческие отношения между странами. Россия, имеющая статус наблюдателя при ГАТТ, в силу разных причин не может пока стать его полноправным членом. Но это не отрицает возможности использования его опыта для совершенствования внешнеэкономических рычагов. Ключевой же проблемой роста внешней торговли является восстановление и наращивание экспортного потенциала, что, в свою очередь, находится в прямой зависимости от успеха или провала экономической реформы.

На вырученные от продажи ресурсов валютные средства нередко закупается второсортный ширпотреб

оказались не в состоянии покупать валюту по такому высокому курсу. В результате государство было вынуждено взять на себя выплату дотаций по централизованному импорту, которые только в первом полугодии достигли 11 процентов от валового национального продукта. Проще говоря, если государственный импортер покупает за рубежом зерно, продукты питания или медикаменты, то валюта ему продается по цене лишь 20–30 процентов от рыночного курса доллара. А по многим видам машин и оборудования расчеты так и велись по курсу 1 доллар равен 1,6 рубля. Остальное компенсировалось из бюджета.

Так как в бюджете валюты практически нет, то весь централизованный ввоз осуществляется за счет вновь получаемых кредитов, кото-

Операция «Возрождение надежды»: военная сила для доставки гуманитарной помощи

Рождественский десант на Африканский рог

Алексей Букалов,

корр. ИТАР-ТАСС и «Нового времени»

С большим рюкзаком за плечами, с автоматом наизготовку морской пехотинец тяжело спрыгнул с борта «амфибии» на мокрый песок сомалийского берега. И тут же зажмурился: ночной пляж осветился сотнями ярких огней — не от взрывов и выстрелов, а от вспышек телекамер. Вместо ожесточенно обороняющегося противника десантников встретила толпа репортеров со всего мира. Кто-

Гуманный акт или демонстрация силы?

то сравнил эффект от такой встречи с удивлением альпиниста, который, вскарабкавшись на неприступную горную вершину, обнаруживает там открытый бар.

Так неожиданно для большинства участников американского экспедиционного корпуса в Сомали началась операция «Возрождение надежды». Первый контингент «маринс» ВМФ США в составе 1800 человек, оснащенный электронными приборами ночного видения и высадившийся в Могадишо с трех военных кораблей «Триполи», «Джюно» и «Рашмор» в ночь на 9 декабря, попал в засаду... другого десанта — международной электронной прессы.

Флаг голубой или звездно-полосатый?

Еще предстоит разобраться в том, как родился общий замысел операции. Возможно, президент Буш захотел напоследок продемонстрировать стране и миру свой талант стратега и миротворца. А может быть, он решил оставить своему преемнику в Белом доме «африканский Вьетнам», чтобы Биллу Клинтону было что расхлебывать. Скорее всего, идею организовать «Бурю в сомалийской пустыне» подсказал президенту Пентагон, в отсутствие «советской угрозы» остро нуждающийся в предложениях для демонстрации мускулов. Хотя бы с целью обработки конгрессменов, склонных последовать предвыборным декларациям Клинтону и урезать военный бюджет США.

Как бы то ни было, Совет Безопасности ООН согласился с предложением Буша и санкционировал рождественскую акцию умиротворения на Африканском роге. Американцы разворачивают в Сомали 28-тысячную военную группировку, за ними следуют «ограниченные контингенты» Франции, имеющей базу в соседнем Джибути, и двух десятков других государств Европы, Азии и Африки. На глазах всего мира осуществляется крупнейшая после войны в Корее совместная вооруженная акция ООН.

Но тогда, в далеком 1950 году, вмешательство от имени ООН в гражданскую войну на Корейском

полуострове стало возможным лишь благодаря элементарному техническому просчету советских дипломатов (делегация СССР «в знак протеста» опрометчиво покинула зал заседаний Генеральной Ассамблеи ООН во время голосования). Сейчас же решение было принято в Совете Безопасности единогласно по представлению Генерального секретаря ООН Бутроса Гали. Правда, в данном случае все участники операции выступают не под голубым ооновским флагом, а под своими национальными знаменами.

Общее командование операцией возложено на американских генералов, и в этом, пожалуй, главное сходство операции «Возрождение надежды» с прошлогодней войной в Персидском заливе. Но различий гораздо больше, начиная от причин экспедиции (об этом чуть ниже) и кончая отношением ее организаторов к прессе: если во время операции «Буря в пустыне» Пентагон буквально третировал журналистов и ограничивал их передвижение в зоне боевых действий, то в Могадишо, как мы уже видели, телевидение благодаря хорошо организованной «утечке информации» из генштаба сумело заблаговременно развернуть свои антенны как раз в месте высадки морских пехотинцев.

Сомалийцы: война на самоуничтожение

Трагедия сомалийского народа, ввергнутого в пучину гражданской

войны, страдающего от засухи и голода, уже давно тревожит мировое сообщество. Мне довелось семь лет жить и работать в этой африканской стране, и я, признаюсь, не могу представить себе в развалинах белокаменную сомалийскую столицу Могадишо, названную когда-то «жемчужиной Индийского океана». Но приходится верить свидетельству известного итальянского журналиста Энцо Бьяджи: по его словам, Могадишо, некогда благоухавший жасмином, сегодня полнится запахами тления и нищеты. Артиллерийскими обстрелами разрушен город, старый центр которого был блестящим образцом «занзибарского» архитектурного стиля и входил согласно списку ЮНЕСКО в десятку исторических достопримечательностей Африки.

Вышло так, что Сомали одной из первых испытала на себе практические последствия крушения двухблочного мира. Если раньше здешние правители строили свое благополучие, играя на противоречиях Запада и Востока, то предоставленные сами себе они быстро утратили контроль над своей страной и народом. В январе 1991 года из столицы после долгих боев был изгнан президент республики генерал Мохамед Сиад Барре. Разрозненные его сторонники рассыпались по стране, а сам восьмидесятилетний бывший диктатор укрылся (прихватив казну) в Нигерии.

Но с уходом Сиада Барре междоусобицы не прекратились. Они с по-

Ежедневно в Сомали от голода умирает до тысячи человек

вой силой возобновились на межклановой основе. Покончив с ненавистным диктаторским режимом, сомалийские повстанцы разделились на десятки групп и формирований. Насыщенность Сомали оружием советского и западного производства оказалась столь велика, что сейчас здесь вооружен практически каждый мальчишка, каждый нищий на дороге.

Полностью расстроилось хозяйство страны, резко сократилось поголовье скота, что имело катастрофические последствия для кочевников, составляющих большинство населения страны. Сменявшие друг друга засухи и наводнения оказали роковым испытанием для сомалийцев. По данным ООН, ежедневно в Сомали умирает от голода до тысячи человек, два миллиона (из общего числа 5 миллионов) находятся на грани смерти от истощения. Уже погибло свыше трехсот тысяч человек, каждая семья потеряла одного из близких. Особенно страдают дети: практически потеряно целое поколение юных сомалийцев.

По существу, вновь отделилась северная часть страны — бывший английский протекторат Сомалиленд с административным центром в Харгейсе. На остальной территории Сомали «правят бал» два соперничающих между собой руководителя — так называемый временный президент страны Али Махад Мохамед и генерал Мохамед Фаха Айди. Подобно Никосии или Бейруту, сомалийская столица сейчас разделена «зеленой линией» на две части. На севере действуют отряды Али Махад, на юге — генерала Айдида.

Главным бизнесом для сомалийских вооруженных формирований стало мародерство. Причем на международном масштабе. Ежедневно в страну прибывают сотни тонн грузов с продовольствием и гуманитарной помощью, направляемых по линии Красного Креста и различных благотворительных организаций. По оценкам иностранных экспертов, только 20 процентов от этой помощи доходит до голодающих. Остальное расхищается бандами и продается по ценам черного рынка.

«Гуманитарный неокOLONIALИЗМ»

А теперь позвольте небольшое отступление. Накануне первой мировой войны в западных районах Сомали побывал один из замечательных русских поэтов XX века Николай Гумилев. Создатель африканской коллекции Этнографического музея в Санкт-Петербурге, он оставил много точных и метких наблюдений относительно жизни и обычаев народов Черного континента. Вот одна из записей в его лишь недавно опубликованном дневнике:

«Сколько лет англичане заняты покорением Сомалийского полуострова и до сих пор не сумели продвинуться даже на сто километров от берега». С этой записью перекликаются строки из стихотворения «Сомалийский полуостров», вошедшего в сборник «Шатер» (1918):

*В целой Африке нету грозней
Сомали,
Безотраднее нет их земли,
Сколько белых пронзило во
мраке копье
У песчаных колодцев ее...*

Раньше мне казалось, что Н. Гумилев слишком строг по отношению к сомалийцам. Ведь это не только народ воинов, но и народ вдохновенных поэтов и тружеников. Неужели хватило всего нескольких лет строительства «научного социализма», чтобы разбудить в сомалийцах те «страсти роковые», которые угадал поэт?

Прибывшие сейчас на Африканский рог морские пехотинцы из разных стран не собираются воевать с сомалийцами. По крайней мере это не входит в задачи, поставленные перед участниками операции «Возрождение надежды». Ее цели: обеспечение безопасности портов и аэродромов; эскортирование поставок продовольствия и медикаментов, затем — создание «центров снабжения, чтобы лишить войска кланов похищенных ресурсов и денежной дани, на которую они покупают оружие». Про мирное урегулирование или создание новых сомалийских государственных структур в мандате ООН не говорится ни слова.

Конечно, столько оружия не может не выстрелить, уже вспыхнули перестрелки, появились первые жертвы. Перспективы у сомалийской экспедиции ООН весьма неясные. Скорее всего, останется невыполненным пожелание президента Буша о том, чтобы американские пехотинцы вернулись на родину к 20 января, ко дню церемонии инаугурации президента Клинтона. Сроки нереальные. Вспомним, что во время вьетнамской войны президенты каждый год обещали, что «мальчики вернутся домой к Рождеству».

Совместная идея Б. Гали и Дж. Буша о военной экспедиции в Сомали получила широкую поддержку в США и на международной арене. Б. Клинтон заявил: «Я приветствую ведущую роль президента Буша в этой важной гуманитарной акции». Даже папа римский Иоанн Павел II, выступая в Риме на международной конференции по проблемам питания, благословил применение в Сомали военной силы для доставки гуманитарной помощи. Эта позиция Ватикана тем более примечательна, что во время войны в Пер-

сидском заливе Святой престол осудил применение силы против Ирака.

В последний момент дали согласие на прибытие американского десанта в Могадишо и руководители двух главных враждующих группировок в Сомали. А находящийся в изгнании премьер-министр переходного правительства Сомали Омар Артех Галиб, приветствуя прибытие в Могадишо «голубых касок», подчеркнул, что присутствие американских войск «ни в коем случае не должно посягать на независимость и суверенитет Сомали».

Не обходится, конечно, без критики. Некоторые итальянские газеты писали о новом явлении в мировой политике — «гуманитарном колониализме»: сегодня он практикуется в Сомали, завтра может быть применен в других странах. Многие американцы высказали недовольство ролью «мирового шерифа», которую берут на себя США.

«Неприкрытой агрессией» назвало высадку морских пехотинцев США в Сомали правительство Ирака. Впрочем, от прошлогодних противников американцев в войне в Заливе трудно было ожидать каких-нибудь других заявлений.

Несколько слов о позиции Италии, традиционно связанной со своей бывшей колонией. Официально итальянское правительство поддержало идею операции ООН и уже направило в Сомали десантный контингент численностью около 2 тысяч человек. Но в заявлениях политических деятелей чувствуется некоторая досада: мол, нам, итальянцам, не удалось ничего сделать, приходится присоединиться к чужим акциям. Есть и определенные трудности морального плана: какникак последний раз итальянские войска высаживались у берегов Сомали во времена колониальной авантюры фашизма...

Сейчас невозможно предугадать, чем закончится «буря в сомалийской пустыне». Многого будет зависеть от самих сомалийцев, которые пока только в качестве статистов участвуют в грандиозном милитаристском шоу.

Посмотрим на проблему с международно-правовой стороны. Объединенные Нации впервые решились применить систему коллективной безопасности для спасения одного из членов мирового сообщества. Это решение само по себе является отражением новых геополитических реальностей, сложившихся в мире в последнее десятилетие XX века. Прекращение советско-американского противостояния сделало возможным срочное многостороннее военное вмешательство с целью предотвращения гибели целой нации.

РИМ
Фото из журналов «Ньюсуик» (США)
и «Штерн» (Германия)

Консилиум у постели безнадежного больного

Леонид Млечин

Два десятка политологов, экономистов и журналистов собрались в Сеуле, чтобы обсудить будущее Корейского полуострова. То, что северокорейский режим обречен, сомнения ни у кого не вызывало. Даже у представителя Китая, который напомнил мне советских людей образца 1986 года: говорить уже хочется свободно, но партийная линия еще существует.

Консилиум в Сеуле пытался ответить на другие вопросы: сколько протянет режим Ким Ир Сена, как именно он рухнет, когда объединятся две Кореи и что из этого выйдет.

Если бы Ким жил вечно...

События последних лет были тяжелым ударом для Ким Ир Сена. Тем не менее не стоит предполагать, что он чувствует себя загнанным в угол.

Китайский коллега заметил на конференции: подождите, скоро реформы начнутся и в Северной Корее, если социализм хочет выжить, он должен реформироваться.

Я возразил китайскому коллеге: все наоборот, если социализм хочет выжить, он должен избегать реформ как огня.

Социалистическая система реформированию не подлежит. Первый же шаг в сторону ее либерализации — это шаг к крушению социализма. Пока он не сделан, система вне опасности. Ким Ир Сен и его наследник Ким Чен Ир извлекли именно этот урок из опыта СССР и Восточной Европы.

В последней по времени руководящей статье Ким Чен Ира под названием «Исторические уроки строительства социализма и генеральная линия нашей партии», которая заняла три полосы в центральной газете «Нодон синмун», содержится одна мысль, достойная внимания: Северная Корея не нуждается ни в перестройке, ни в гласности.

Если бы Сталин был бессмертным, советские люди и сейчас жили бы при социализме. Так что главная проблема 80-летнего Ким Ир Сена состоит вовсе не в том, что его страна погрузилась в безнадежную нищету, а в том, что он не может жить вечно.

Ким Ир Сен еще двадцать лет назад решил, что его трон унаследует старший сын. К тому времени он уже увидел печальную судьбу других социалистических диктаторов: после смерти их статуи свергаются, собрания сочинений идут на свалку, а имена вычеркиваются из истории.

Ким Ир Сен решил перехитрить историю. Двадцать лет он готовит передачу власти Ким Чен Иру, хотя не добился в этом понимания и поддержки у своего единственного союзника — Китая.

Что же будет после его смерти? Сумеет ли его сын столь же прочно усесться на пхеньянском троне?

Барчук и вассалы

По мнению Ли Ман У, бывшего посла Южной Кореи в США, а ныне директора Сеульского форума по международным делам, в пользу Ким Чен Ира говорит следующее:

поддержка со стороны старых кадров, которым придется уйти, если младший Ким не сумеет сохранить власть;

личная преданность элитарной военной академии Мангёндэ и кузницы партийных кадров — университета имени Ким Ир Сена; наличие множества родственников на ключевых постах в аппарате.

Но главное — это жесткий контроль органов государственной безопасности над всей страной, где малейшее проявление нелояльности ведет к заключению в концлагерь (в стране, по некоторым подсчетам, примерно 200 тысяч политических заключенных), а также непроницаемый «железный занавес», через который в Северную Корею вообще никакая информация о ситуации во внешнем мире не просачивается.

Самоизоляция от внешнего мира — это необходимость. Скажем, восточногерманская пропагандистская машина работала в значительной степени вхолостую, потому что восточные немцы имели воз-

Пациент:
северокорейский режим.

Диагноз:
развитой социализм в запущенной стадии.

Прогноз:
не жилец.

Памятник Ким Ир Сenu. Пхеньян. Северная Корея. Современный пейзаж

Сеул — совершенно новый город. Во время войны между Севером и Югом он был разрушен до основания

можно смотреть западное телевидение.

В Северной Корее невозможно слушать иностранное радио, потому что радиоприемники настраиваются только на волну пхеньянского радио.

Самого Ким Чен Ира оценивают по-разному. В статье, опубликованной в начале этого года в «НВ», я назвал младшего Кима барчуком, испорченным, балованным сыном великого вождя, абсолютно развращенным абсолютной властью. Журнал «Тайм» процитировал мои слова, и в Сеуле некоторые участники конференции спорили со мной, считая, что я недооцениваю Ким Чен Ира.

Они полагают, что он умеет проводить пропагандистские кампании и ладить с видными чиновниками. А кто-то даже считает, что Ким Чен Ир сам готовит перемены, поэтому его поддерживает молодое реформистское крыло аппаратчиков.

Разумеется, корейцам проще понять менталитет других корейцев, но думаю, что национальный характер в меньшей степени руководит действиями двух пхеньянских Кимов. Практичнее смотреть на них как на типичных социалистических диктаторов. Нам, может быть, даже легче разобраться в том, что происходит в Северной Корее, чем корейцам, живущим на Юге и не имеющим понятия о реальном социализме.

В конце концов Северная Корея — лишь трагическая карикатура на советский социализм.

Я никогда не смогу забыть свою поездку по Северной Корее.

Я увидел истощенную, безрадостную страну сплошной лжи. Марши-

рующие дети, которые годами не видят сахара и которых ничему не учат, кроме фальшивой биографии Ким Ир Сена. Окна без занавесок. Магазины, в которых ничего не продают, потому что существует карточная система.

И эти два бесконечно циничных человека с криминальным менталитетом, играющие целой страной. Два единственных толстых человека во всей Северной Корее, где все худы как спички. Похоже, они съедают все, что есть в стране, и даже не делятся с военным министром О Дин У — третьим членом всевластного президиума политбюро ЦК.

Чиновники жаждут стабильности

Нелепо полагать, что дипломатическим давлением можно заставить этот режим трансформироваться в более цивилизованный.

Это преступное государство, и, подобно тому как добропорядочный человек не может ни о чем договориться с преступником, нормальный диалог с Пхеньяном невозможен.

Но этот вывод не должен повергать в пессимизм. Криминальные государства такого рода, как свидетельствует опыт двадцатого века, недолговечны.

Мне кажется, что не все это понимают. Многие политики повторяют ошибку западных советологов, которые в свое время поверили советской пропаганде и решили, что коммунистическая партия всегда будет управлять Советским Союзом.

Режимы, подобные северокорейскому, — это прежде всего режимы личной власти. Северная Корея в ее нынешнем виде не переживет Ким Ир Сена.

Реформы начнет сам пхеньянский истеблишмент, который жаждет более спокойной и стабильной жизни.

Десятилетиями даже высшие чиновники Северной Кореи жили в страхе перед очередной чисткой. И сейчас высших функционеров, вплоть до членов ЦК, периодически отправляют на определенный срок в трудовые лагеря для «революционного воспитания».

Каторжный труд и жизнь в бараке должны объяснить чиновнику и непрочность его положения, и то, что единственная возможность выжить и вести сколько-нибудь сносную жизнь — это ежеминутно демонстрировать преданность Ким Ир Сenu и Ким Чен Иру. Можно себе представить, какой запас ненависти накопился у этих людей!

Ким Чен Ир не сумеет их себе подчинить, как это смог сделать его отец, оказавшийся одним из самых умелых и безжалостных диктаторов XX столетия.

Высшие пхеньянские чиновники вовсе не нуждаются в новом деспоте. Они прошли суровую школу выживания, поопытнее и похитрее Ким Чен Ира.

Ким Ир Сен сделал сына марша-

лом и верховным главнокомандующим, чтобы он понемногу взял под контроль армию.

Летом Ким Чен Ир организовал пропагандистскую кампанию под лозунгом «Единство армии и народа», добываясь от армейских частей выражения личной преданности. Но вряд ли ему помогут и благодарственные письма, которые он рассылал военным, отличившимся в ходе этой кампании, и снятый в сентябре документальный фильм «Будем навеки верны нашему Верховному главнокомандующему!».

Борьба, которая разгорится после смерти Ким Ир Сена, быстро сметет Ким Чен Ира. Новые руководители — даже из числа старой гвардии — пойдут на смягчение режима. А процесс реформ, как показывает опыт других социалистических стран, неостановим.

Вопрос состоит в том, как вести дело с Северной Кореей сейчас?

Север нищеты не боится

Намерение нового президента США Билла Клинтона взять более жесткий курс в отношении Пхеньяна вряд ли найдет понимание в других демократических странах, которые полагают, что диктаторов надо не злить, а утешать, иначе они могут развязать войну. Склонность к умиротворению свидетельствует о полнейшем непонимании природы тоталитарных социалистических режимов, которые склонность к компромиссам воспринимают как слабость и наглеют.

Запад пытается рассуждать логически. Если на Севере хронический неурожай, как это часто бывает при социализме, если стремительно нарастают экономические трудности, которые больше не компенсируются помощью СССР и восточноевропейских государств, следовательно, Пхеньяну нужно поменять политику и устанавливать новые отношения с миром, в первую очередь с Югом.

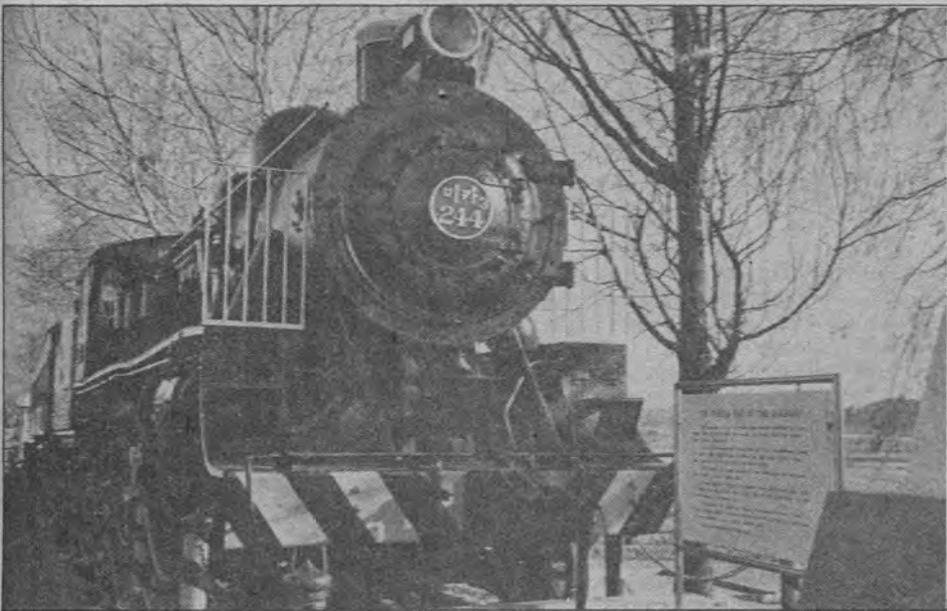
Но логические построения бессмысленны, когда речь идет о социалистическом тоталитарном государстве.

Правда, в свое время ГДР, обличая западногерманские милитаризм и реваншизм, не брезговала западногерманской маркой. Но так ведь в сравнении с Северной Кореей Восточная Германия была твердыней либерализма.

Возможно ли экономическое сотрудничество Севера и Юга на нынешней стадии?

Моделью мог бы служить «кантионский анклав» — тесная экономическая кооперация между Гонконгом и китайской провинцией Гуандун (см. «НВ» №48/92).

Гонконгские производители переместили через государственную границу в Китай целые фабрики или передали китайцам лицензию на производство того, что раньше делали сами. В результате провинция Гуандун могла бы считаться самым стремительно развивающимся государством в мире.

Этот паровоз стоит на границе между Севером и Югом: дальше дороги нет. Две части расколотой страны объединятся не скоро

Сочетание технологий Юга и дешевой рабочей силы Севера теоретически могло бы иметь такой же успех.

По мнению главы одной из крупнейших южнокорейских промышленных групп «Тэу» Ким О Чан, совершившего поездку на Север, с помощью Юга уже через пять лет Пхеньян мог бы увеличить свой экспорт до 10 миллиардов долларов.

Но Ким тут же добавил, что это вряд ли возможно. Лидерам Северной Кореи нужна не процветающая страна, а страна, находящаяся полностью под их контролем. Они более всего боятся не голода и нищеты собственного народа, а «чуждого влияния», проникновения иностранцев.

Переговоры как игра

На демаркационной линии между Севером и Югом время от времени проходят переговоры между двумя Кореями.

Всякий раз кажется, что стороны близки к договоренности, вот-вот можно будет подписать вождельный документ, но всякий раз что-то этому мешает, сказал мне бывший посол Южной Кореи в Москве Ро Мён Гон.

Теперь он возглавляет Институт международных отношений и проблем национальной безопасности в Сеуле и одновременно руководит южнокорейской делегацией на переговорах с Севером об избавлении Корейского полуострова от ядерного оружия.

Ким Ир Сен соглашается на переговоры, принимает южнокорейские делегации, отправляет на Юг свои, но на самом деле он просто играет в объединение. Эта игра придает режиму некую респектабельность.

Мне кажется, что и на Юге вос-

принимают переговоры как вынужденную игру.

В октябре южнокорейская контрразведка сообщила о том, что раскрыта гигантская шпионская сеть Пхеньяна — арестовали шестьдесят с лишним человек.

Как раз в тот момент в Пхеньяне находилась делегация южнокорейских промышленников с целью найти какие-то возможности для сотрудничества. Естественно, поездка рухнула.

Тут же был отменен визит в Пхеньян заместителя премьер-министра Южной Кореи по экономическим вопросам и намечены на следующий год американско-южнокорейские военные маневры «Тим спирит», одно упоминание о которых действует на Северную Корею как красная тряпка.

И вообще, сказали в Сеуле, разговоры об экономическом сотрудничестве будут возобновлены только после того, как Пхеньян извинится за своих шпионов. Это, понятно каждому, совершенно невозможно. Пхеньян не извиняется никогда, как не извинялась Москва, пока не рухнул коммунистический режим. Так ли уж наивны сеульские политики?

В Южной Корее просто ждут перемен на Севере и уже давно составляют планы будущего воссоединения и с цифрами в руках подсчитывают ожидаемые прибыли и убытки.

Убытки кажутся грандиозными. По некоторым подсчетам, Югу придется в течение десяти лет вложить в Север примерно 400 миллиардов долларов.

Правда, немалая часть этой суммы пойдет на создание инфраструктуры. Кроме того, сократятся военные расходы. Считается, что сейчас Север и Юг тратят в год на армию 15 миллиардов долларов.

Эти расходы можно будет сократить втрое и сэкономить за те же десять лет 100 миллиардов.

Единая Корея обгонит Японию?

Если Южная Корея, разрушенная войной, не имеющая никаких природных ресурсов и собственного промышленного производства, сумела стать мощной индустриальной державой, то чего же ожидать от единой Кореи?

Сэм Джеймсон из газеты «Лос-Анджелес таймс» вспоминал на конференции, как тридцать лет назад он впервые приехал в Южную Корею. Он увидел нищую страну. В Сеуле процветало воровство, и командующий американскими войсками обратился к корейцам с просьбой перестать красть американское военное имущество, иначе он не сможет защитить эту страну.

Вокруг американских баз натягивали колючую проволоку и пропускали через нее электричество, чтобы отпугнуть воров. Тогда рядом мгновенно вырастали целые поселки, жители которых подключали свои электроприборы к этой проволоке. Ничто тогда, по словам Джеймсона, не могло навести на мысль о том грандиозном успехе, который ждет эту страну.

У южных корейцев хорошие перспективы и на будущее.

Во-первых, в Южной Корее в процентном отношении больше людей с высшим образованием, чем в Японии.

Во-вторых, Южная Корея вкладывает сейчас большие деньги в развитие фундаментальной науки, компенсируя бывшее пренебрежение абстрактными материями, не приносящими немедленной прибыли.

В-третьих, это молодое общество в сравнении со стареющими Японией и Европой.

В-четвертых, корейцы работают 54 часа в неделю — больше кого бы то ни было. И они еще не скоро придут к 40-часовой неделе.

В-пятых, корейцами движет не стихающее стремление обогнать своего бывшего колонизатора — Японию.

Сейчас Южная Корея представляет собой остров, отрезанный от внешнего мира. Единая Корея окажется в выгодном геополитическом положении, удобном для участия в разработке ресурсов Сибири и Маньчжурии.

Руководитель концерна «Тэу» с гордостью говорит:

— Объединенная Корея станет четвертым экономическим центром мира после США, Европы и Японии. Еще миллион корейцев живет в Китае, треть миллиона — в России. С помощью русских сибиряков и китайских соседей мы создадим на Дальнем Востоке зону экономического процветания.

Фото автора

Враг где-то рядом

Начинается с покушения на права человека — может кончиться покушением на его жизнь

В один и тот же день в Праге произошли два события, внешне между собой не связанные. Утром стало известно, что прекращено уголовное дело Зденека Порыбного — главного редактора левой оппозиционной газеты «Руде право». В свое время «Новое время» (№14/92) рассказывало о том, как это дело началось: Порыбного обвинили «в мошенничестве и нечестной конкуренции» на том основании, что частная акционерная компания, которая стала выпускать «Руде право», якобы нанесла своему конкуренту — государственному издательству — ущерб в 24 миллиона крон. Подобные юридические споры в период перехода к рынку возникают нередко, но последовавшие затем события приводили к выводу, что это не уголовный — политический процесс. И даже, как считали многие, просто расправа с журналистом за критику. Главного редактора неудобной властям газеты неожиданно арестовали в его жилище. Арестовали на рассвете. И увезли в тюрьму. В наручниках, хотя по закону их надевают лишь особо опасным преступникам, да к тому же еще и склонным к побегу.

Тоталитаризм начинается с покушения на права человека. С презумпции виновности. Министр внутренних дел Лангош, выступая по телевидению, объяснял случившееся с редактором негодной ему газеты вполне в духе сталинского прокурора Вышинского: если человека арестовали — значит, он виновен. И многие коллеги-журналисты, вместо того чтобы заступиться за права человека, «как во времена инквизиции лишь подбрасывали хворост в костер, сжигающий еретика». Наконец стало ясно: девять месяцев в преступниках ходил невинный. Казалось бы, вот теперь-то печатать, называющая себя демократической, воздаст должное виновникам случившегося. Увы, если сообщение об аресте обошло в свое время первые полосу всех газет, известие о несправедности обвинения едва раззвещешь в ворохе разных новостей.

Вечером того же дня, когда стало известно о прекращении одного уголовного дела, было заведено другое. Произошло новое покушение — уже не на права. На жизнь. В квартиру пред-

седателя ЦК компартии Чехии и Моравии, депутата Федерального собрания Иржи Свободы позвонил неизвестный. Хозяин открыл дверь — и получил несколько ударов ножом. Была ранена и бросившаяся защищать отца дочь. После многочасовой хирургической операции — задето сердце — врачи успокоили родных: раненый будет жить. Но не ранена ли сама демократия? — задают вопрос многие наблюдатели. Хотя преступник пока неизвестен, преступление носит явно политический характер.

«Об ответственности за политические покушения» назвал свою статью известный политолог, профессор Зденек Млынарж. Он с тревогой пишет об атмосфере в обществе, о нарастающей конфронтации политических сил, в которой виноваты как левые, так и правые. О духе времени, питающемся не правдой и любовью — лозунгами «нежной революции», — а ложью и насилием. И даже если покушавшийся — неуравновешенный одиночка, считает Млы-

нарж, ответственны за покушение как те, кто такую атмосферу создает, так и те, кто им не препятствует. «Когда издатель газеты «Чески деник» пишет в своей газете о давней мечте купить винтовку, ящик патронов и идти отстреливать коммунистов, не стоит удивляться тому, что кто-то другой попытается это сделать ножом». Но еще хуже, замечает Млынарж, что подобная газета не только не вызывает неудовольствия властей предержащих, но ее постоянным политическим комментатором является не кто иной, как премьер Вацлав Клаус, что дает основание думать, что и он с подобными утверждениями согласен. «Не выразил своего протеста В.Клаус и тогда, когда В.Вентура (между прочим, пресс-секретарь министерства внутренних дел) для рекламы своей брошюры использовал приписываемые ему, Клаусу, слова: «Коммунисты — это надоедливые слепни, а социал-демократы — ядовитые змеи».

Редактор одиозного «Чески деника» спокойно здравствует. Как и редактор еженедельника «Политика», которому по настоянию обществуности было предъявлено обвинение в антисемитизме. «Протоколы сионских мудрецов», тут печатают с удовольствием. Обвинение было предъявлено, но дело заглохло, и ободренная «Политика» на днях снова заставила говорить о себе, опубликовав поименный список 168 деятелей культуры «евреев и полукровок». А список предварялся высказываниями типа: «Весьма характерные лица смотрят каждый день с нашего телевизионного экрана... запах чеснока слышен у нас на каждом шагу... а тупой чешский народ беззаботно посматривает, как его хищнически истребляют евреи».

Снова поиски врага, и все в том же направлении: евреи и коммунисты. Да, люди делятся по своим убеждениям, как и по национальности. Но права человека неделимы. Наверное, именно этим, а не только обычным сочувствием к пострадавшему был продиктован визит Вацлава Гавела к Иржи Свободы в больницу. Диссидента, не раз сидевшего в коммунистической тюрьме, — к коммунисту. А редактор «Руде право» тоже отметил, что после его ареста кроме сотрудников его газеты за него заступились лишь бывшие диссиденты. Те, кто на собственном примере знает: возврат к тоталитаризму нелегок, но и не столь труден, как многим кажется.

Инна Руденко,
соб. корр. «Нового времени»
ПРАГА

Рисунок из еженедельника «Недельни телеграф» (Чехо-Словакия)

Заиризм плюс полная мобутизация всей страны

Яков Боровой

Четверть века не менялась заставка заирской программы теленовостей. Перед зрителями появлялся лик президента. Звучали слова: «Заир — одна страна. У Заира одна партия. А у партии один вождь».

Сын повара — «отец нации»

Этот вождь — Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду Ва За Банга.

Когда 14 октября 1930 года в Экваториальной провинции Бельгийского Конго (ныне Заир) в городе Лисале в семье повара и горничной (ранее наложницы гарема местного вождя) родился мальчик, его нарекли на французский манер — Жозеф-Дезире. В простой бедной семье больше других почитался дядя — воин-колдун Мобуту Секо Куку.

Мальчика отдали учиться в католическую школу. В 19 лет он был призван в колониальную армию. Хорошее знание французского языка и умение сызмальства заводить влиятельных друзей позволили Мобуту успешно продвигаться по службе. Он дослужился до старшего сержанта.

В 50-е годы Мобуту работал в столичных газетах. Он слыл бонвиваном, отличным спортсменом, страстным поклонником генерала де Голля... Как выяснилось впоследствии, будущий «отец нации» был еще и осведомителем бельгийской службы безопасности.

В то время борьбу с колонизаторами вело Национальное движение Конго (НДК), возглавляемое Патрисом Лумумбой. Это имя было на устах многих в те годы. Даже присказка бытовала: «Нам бы ум бы Лумумбы...» Теперь о Лумумбе напоминает лишь название Университета дружбы народов в Москве... Патрис Лумумба слыл радикалом: выступал за разрыв связей с метрополией, за социалистический путь развития Конго (да и всей Африки)...

В 1958 году Мобуту вступил в НДК и был направлен этим движением в Брюссель. Сексот любезно предоставлял информацию о настроениях в среде конголезских студентов и стажеров бельгийским спецслужбам. Об этом стало известно Лумумбе. Но по непонятным причинам главный борец с колониализмом простил Мобуту.

В июне 1960 года Патрис Лумумба возглавил первое национальное правительство республики. Служба по «тайному ведомству»

«Ни капитализм, ни социализм, а истинный заиризм», — учит Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду Ва За Банга

не помешала Жозефу-Дезире стать личным секретарем премьера и перескочить в воинском звании со старшего сержанта колониальной армии до полковника вооруженных сил и начальника генштаба.

Мобуту «секретарствовал» недолго. Противники курса Лумумбы (с помощью бельгийских и других западных советников) уже в сентябре 1960 года добились отставки премьер-министра. 17 января 1961 года при и сегодня невыясненных до конца обстоятельствах Патрис Лумумба был убит. Многие считают, что к этому приложил руку будущий «отец нации». Но Мобуту, по крайней мере, свое участие в заговоре отрицает... В течение 5 лет Заир был ареной борьбы различных политических группировок и сепаратистских движений. В ноябре 1965 года, воспользовавшись очередной сварой политиков, Мобуту совершил государственный переворот. Хитрый и циничный политик с успехом использовал популярные в массах идеи Лумумбы о единстве и целостности страны. Год спустя после переворота Патрис Лумумба был объявлен национальным героем.

Более четверти века Мобуту Сесе Секо — единоличный лидер потенциально самой богатой страны Африки. Макиавеллиевское чутье, политическая гибкость в сочетании с жесткостью, непревзойденная ловкость в сталкивании интересов людей и государств объясняют редкую в Тропической Африке долговечность режима Мобуту.

«Народ Заира знает, чем он мне обязан. Президент отдал этой стране все силы, свою молодость и свое здоровье. У меня щемит сердце, у меня выступают слезы на глазах, когда я думаю о том, чем обязана мне эта страна», — говорит президент. И страна отдавала «должное» своему президенту. Президент не только повышал сам себя в

звании — до маршала, росло и его личное благосостояние. Оно достигло 8 миллиардов долларов, что точно соответствует внешнему экономическому долгу Заира.

Он построил себе 11 дворцов. В Гбадолите, на его «малой родине», оборудован величественный замок, прозванный «Версалеом джунглей». Кроме того, у «отца нации» — апартаменты в Париже, земельные наделы во Франции, вилла в Женеве, несколько домов в Брюсселе... Впрочем, сын повара кокетничает: «Мое состояние? Да я с 60-х годов даже спальню не менял!» Президент признает, что накопил 50 миллионов долларов. Но тотчас оправдывается: «Разве это такая чрезмерная сумма для того, кто несколько десятилетий был главой государства такой большой страны?»

Заирцы считают, что существуют «три источника, три составные части» богатства Мобуту. Во-первых, это прямое изъятие поступлений от продажи природных недр страны. Во-вторых, это крупные контракты, часто на преувеличенную сумму, дающие возможность западным компаниям торговать вне пределов Заира, платя хорошие комиссионные. И наконец, в-третьих, расхищение иностранной помощи.

Под знаменем заиризма-мобутизма

И все же главная страсть Мобуту — не деньги, а власть. Идеологической опорой культа личности стало всепобеждающее учение заиризма-мобутизма.

Мобуту учит: заиризм — это, прежде всего, опора на собственные силы. Это возрождение «души народа в традициях наших великих предков». Граждане Заира должны «освободиться от комплекса неполноценности и прекрасно чувствовать себя в своей коже». Заиризм — это отказ от западных и восточных идеологий, «не представляющих для Африки никакого интереса». Во внешней политике это «активный нейтралитет» и уход от «принципа разделения мира на два противостоящих друг другу блока».

В один прекрасный день все заирцы проснулись членами правящей партии — Народного движения революции (НДР). Им было предписано изменить христианские имена на африканские (Жозеф-Дезире Мобуту — Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду Ва За Банга). Были изменены географические названия (Конго — Заир, Леопольдвиль — Киншаса)... Костюмы и галстуки отменялись, вводилась единая для всех униформа — закрытая туника местного покроя (абахост). Впрочем, руководству разрешалась некая вольность: например, ходить с расстегнутой верхней пуговицей...

Однопартийный режим, по мнению Мобуту, — единственное средство избежать трайбализма. С 1960 по 1965 год при власти «паршивых

овец» — демократов, в результате межэтнических столкновений в Заире погибло 100 тысяч человек. Все 260 народов страны равны между собой, учил «великий вождь». И все же один народ чуть «равнее» других. Лучшие люди в Заире, разумеется, принадлежат к нгбенду — родному племени Мобуту. Из этих людей, лично преданных президенту, и формировались однородные в этническом отношении элитные части, стоящие на страже безопасности главы государства.

Вся власть сосредоточилась в руках «отца нации». Мобуту долгие годы был не только президентом, но и министром иностранных дел, безопасности, обороны, юстиции и даже ведал делами ветеранов. Упреки в чрезмерной концентрации власти Мобуту парировал так: «В африканских селениях не бывает двух вождей».

Решения вождя, по логике заиризма, всегда являются «правильными, подлинно демократическими и подлинно заирскими». Сам себя Мобуту провозгласил «высшим институтом государства, которому подотчетны все органы республики». Обращения к нации Мобуту начинал так: «Мы, Мобуту Сесе Секо...»

Но «бог» не удержался бы у власти и месяца, если бы не создал класс номенклатуры. «Отец нации» учил соратников: «Не хапайте сразу слишком много». Держал в узде и вечном страхе. Тасовал элиту (человек 80)

как карточную колоду: 20 соратников в тюрьме, 20 у власти, 20 в эмиграции, 20 отправлены послами в зарубежные края... Шедость на подарки верным людям Мобуту искусно сочетал с тотальным контролем над своим ближайшим окружением, которое осуществляло несколько соперничающих между собой разведывательных организаций. Практически все сподвижники по партии испытали поочередно гнев и милость повелителя. Так, один из них — Жан Нгуза Карл И Бонд — сделал несколько головокружительных кульбитов: премьер-министр, государственный преступник (приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой), эмигрант, посол в Вашингтоне, министр иностранных дел...

В целом премьер-министры страны менялись с немислимой быстротой. «Вальс премьеров» позволял пронизательному Мобуту сваливать все неудачи режима на очередного не справившегося со своими обязанностями чиновника высшего разряда. Часть из них он отдавал на «съедение» массам. При этом президент оставался как бы в стороне; арбитром, стоящим над партиями и группировками.

Один фунт денег

В Заире сосредоточено 40 процентов

«Отец нации» заявляет о том, что твердо держит власть в своих руках, но при этом ему приходится рассчитывать на французских парашютистов

всех лесных богатств континента, половина мировых запасов кобальта, несметные залежи меди, алмазов, олова... Под знаменем заиризма-мобутизма страна по уровню доходов на душу населения опустилась на предпоследнее место на Черном континенте. 90 процентов трудоспособного населения — безработные. Уровень инфляции в 1992 году — 1000 процентов в месяц. Купюры в темно-серых и темно-зеленых тонах безупречны по красоте, но считают эти деньги на вес... Так, за обед в бельгийском ресторане в Киншасе надо заплатить один фунт денег!

Мужчины занимаются торговлей и гонят самогон. Крадут все, что попадает под руку: распяты со стен храмов, из больниц — сосуды с кровью, зараженной вирусом СПИДа, токсичский мусор... Едва-едва сводят концы с концами лишь перекупщики-спекулянты. Их здесь называют «каддафи». За зарплату рабочего или служащего можно приобрести у «каддафи» 5 литров ворованного бензина или полмешка маниоки — основного питания заирцев. Впрочем, заирцы едят только раз в день, да и то в определенные дни недели.

С 1991 года не функционирует правительственное радио. Распалась почтовая служба. Продали на Запад даже пятнистых леопардов — национальную гордость Заира. В зоопарке Киншасы съели всех обезьян. Иностранцы бизнесмены уходят из этой богатейшей страны. Началась обвальная эмиграция. У правительства на все запросы населения один ответ: «Нет денег!»

Но куда же девались деньги от продажи золота, кобальта, меди, леса?.. На обогащение правящей верхушки; на сооружение помпезных и безвкусных стадионов и монументов в честь «отца нации»; на безудержные кутежи правящей верхушки за границей; на престижные проекты, вроде поединка в Киншасе в 1974 году на звание чемпиона мира среди профессионалов по боксу между Мухаммедом Али и Джорджем Форменом с призовым фондом в 15 миллионов долларов; на покупку сверхзвукового «Конкорда» для заграничных вояжей Мобуту...

Но страны Запада продолжают поддерживать режим Мобуту. Они исходят из того, что Заир — крупнейшая франкоязычная страна в Африке. Одно из немногих христианских государств на континенте (54 процента жителей Заира — католики). Здесь расположена шкатулка природных богатств. Кроме того, на Западе не видят ни одной серьезной политической фигуры среди оппозиции, которая могла бы прийти на смену нынешнему режиму. В этих условиях любой, пусть самый плохой, авторитарный режим лучше самой прекрасной нестабильности и вакуума власти.

Несколько раз западные державы с оружием в руках приходили на помощь Мобуту. В 1978 году французские воинские контингенты подавили сепаратистское восстание в бо-

гатой медью заирской провинции Шаба. Год назад во время массовых народных волнений Мобуту уцелел лишь благодаря французским и бельгийским десантникам, переброшенным в Заир на военно-транспортных самолетах США.

Африканского бонвивана связывают со многими лидерами Запада теплые отношения. С президентом США Мобуту подружились еще тогда, когда Джордж Буш был директором ЦРУ и по долгу службы часто посещал региональную штаб-квартиру этого ведомства в Черной Африке. Президент Соединенных Штатов высоко оценивает Мобуту «как одну из ведущих фигур, способствующих стабильности в Африке». Для американцев Заир всегда был «элементом стабильности» и «главным оплотом в борьбе с коммунизмом» и, как следствие, основным получателем американской помощи в регионе.

И впрямь, никто лучше, чем президент Заира не мог противодействовать экспансии коммунизма на континенте. Именно через Заир, где расквартированы американские военно-служашие из «сил быстрого развертывания», проходила военная помощь Запада антикоммунистической группировке УНИТА в Анголе. Заир тратил на помощь ангольским мятежникам до 15 процентов годового бюджета. Когда же выяснилось, что решить ангольскую проблему военным путем не представляется возможным, Мобуту круто изменил свою позицию, и оказалось, что лучшего посредника, чем африканский Макиавелли не найти.

Особой позиции придерживался Мобуту в отношениях с ЮАР. Несмотря на санкции международного сообщества против режима апартеида, Киншаса продолжала торговать с Преторией. Но как и эмбарго соли и капитала нажить? Хитрец и тут нашел выход: из статистических сборников исчезла разбивка торгового оборота по странам! Вот и получилось, что Южная Африка, не фигурирующая в справочниках, на самом деле находилась на четвертом месте среди экономических партнеров Заира.

Люмпен-милитарият и нувориши

Во время прошлогодних беспорядков посол Франции Анри Реторе, к которому фактически на несколько дней перешла власть в стране, в сердцах бросил: «Все. Баста. В Заире надо вводить демократию».

Впрочем, хитрец Мобуту еще за год до утверждений месье Реторе решил стать демократом. К этому драматическому, глубоко чуждому по духу идеалам заиризма-мобутизма, решению племянника африканского колдуна подвигли два обстоятельства. Во-первых, ветры перемен из Восточной Европы хоть и с опозданием, но достигли экватора. А, во-вторых, Мобуту в условиях прекращения противостояния Восток—За-

пад почувствовал себя неудобно, как на сквозняке. Важный козырь — стратегическое положение Заира — выскальзывал из рук.

В апреле 1990 года Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду Ва За Банга провозгласил создание «третьей республики». Сие подразумевало введение многопартийной системы и гласности, деполитизацию жандармерии, администрации и службы безопасности. «Народное движение революции» перестало быть «государственной партией». По данным социологических опросов, 87 процентов заирцев выступают за однопартийную систему и считают НДР «объединяющей и направляющей силой в обществе». Всегда склонный к патетике человек в леопардовой шапочке воскликнул: «Я встал на сторону тех 13 процентов!»

И это сущая правда. Когда нет среднего образованного класса, в демократии никто не заинтересован. Низам (их в Заире называют «люмпен-милитарият») выгоднее в «мутной воде» анархии и беспредела проворачивать гешефты, а то и просто заниматься разбоем. Верхи, нувориши, не хотят в одночасье лишиться и привилегий, и состояния. Одним словом, десятки очень богатых людей и миллионы очень бедных с одинаковым рвением выступают против демократии. Косметические реформы подгнившего фасада вполне устраивают обе стороны.

Многочисленные партии настолько малочисленны, что некоторые из них никого, кроме лидеров, не представляют. Их программы — это смесь популистских установок с националистическими лозунгами. К тому же ряд так называемых оппозиционных партий финансируется лично президентом. Пресса свободна. Но в рамках «благоразумия». Все, что от нее требуется, это «оказывать помощь правительству в реализации принципов демократизации, объяснять гражданам особенности нынешней ситуации».

Пошла новая волна переименований. В чести приятные сердцу простого заирца лозунги: «Мы предпочитаем быть бедными, но гордыми, чем богатыми, но рабами». Что, впрочем, не мешает правительству просить Запад об оказании срочной экономической помощи.

Разрешено называть друг друга не «гражданином», а «господином». Господам, в свою очередь, разрешили танцевать западные танцы и носить галстуки. Больше демократии и не надо. Да и Запад доволен. МВФ поспешил заявить о возобновлении сотрудничества с Заиром. «Теперь Мобуту Сесе Секо будет для нас как отец родной», — сказал один заирец.

«Отец родной» проживает на яхте «Каманьола», которая стоит на рейде в 30 километрах от столицы, и по ночам смотрит по видеку старые французские мультфильмы.

Фото из журналов «Шпигель» (Германия) и «Жэн Африк»

Кошачьи вопли,

или Почему немцы так страдают от похмелья

Уолтер Лакер

Пока немцы готовятся поднять бокалы с шампанским или на худой конец рюмки со шнапсом, чтобы отметить встречу Нового года, по всей стране от Бонна до Берлина ощущаются неуверенность и беспокойство.

Всего три года назад рухнула берлинская стена, всего два года назад Германия наконец объединилась, но сегодня от бывшего ликования ничего не осталось.

Стоило ли объединяться?

Восточные немцы недовольны высокомерным, с их точки зрения, отношением к ним со стороны «весси», то есть западных немцев, которые считают бывших жителей ГДР бедными родственниками. Восточные немцы жалуются на деиндустриализацию бывшей ГДР, а западных не устраивают лень восточных братьев и отсутствие у них инициативы. И вообще «весси» уверены, что их обманули на счет подлинной цены объединения.

В самом деле, в те радужные времена, сразу после падения стены, канцлер Гельмут Коль и другие политики уверяли немцев: все, что понадобится для подъема Восточной Германии, — это инъекция в несколько миллиардов марок. Ведь с экономической точки зрения ГДР можно приравнять к одной из земель, скажем к Гессену.

Немецкие политики никого не хотели обманывать. Они искренне полагали, что им предстоит решить в конце концов не такую уж крупную проблему.

Но только в этом году Бонну пришлось вложить в Восточную Германию сто миллиардов долларов — это больше, чем валовой национальный продукт таких стран, как Аргентина или Польша.

Экономисты полагают, что вкладывать деньги в бывшую ГДР придется еще много лет. И уже немалое число немцев, особенно в среде интеллигенции, задаются вопросом: а надо ли было объединяться?

Когда-то Германия считалась страной с самым высоким чувством патриотизма. На немецком языке написано огромное количество песен, стихотворений и романов, доказывающих, что интересы фатерланда неизмеримо важнее благополучия отдельного человека. Я все еще помню слова Горация, выученные в немецкой школе: «Dulce et decorum est pro patria mori» («Прекрасно и почетно

умереть за свою страну»). А сейчас немцы готовы выложить за единство Германии 99 миллиардов, но никак не сто, потому что это плохо отразится на их семейном бюджете.

Старому Свету рано торжествовать победу

Настроение в Германии подавленное. «Пять мудрецов» — группа независимых экономистов — только что представили прогноз на будущий год. Если в 1990 году рост производства составил один процент, в 1991-м — два с половиной, в 1992-м — полтора, то в 1993-м никакого прироста не ожидается. В восточной части намечается небольшой прогресс, но общую картину он никак не улучшит, потому что в предыдущие годы объем производства на территории бывшей ГДР резко сократился.

А ведь еще три года назад здесь царил оптимизм. Казалось, вот-вот объединенная Германия займет достойное место в объединенной Европе. В уходящем 1992 году в Старом Свете должны были исчезнуть последние границы и таможи, чтобы объединенная Европа семимильными шагами начала обгонять Америку.

Эти надежды казались вполне реалистичными. Президент Миттеран дал понять, что, по его мнению, в бу-

дущем Америка уже не сможет играть заметную роль в мировой политике. По сравнению с европейскими валютами курс доллара падал. Европейцы готовились вступить в новую эру, которая должна была начаться 1 января 1993 года.

Но что-то не заладилось. Оказалось, что на пути к европейскому единству препятствий значительно больше. Трудности создали сначала датчане, а затем и британцы. Да и в других странах возникла оппозиция подписанному в южноголландском городе Маастрихте договору, предусматривающему тесное сотрудничество между европейцами.

В этом же году в Европе начался спад производства. Соединенные Штаты заняли первое место в мировой торговле, Германия переместилась на второе, на третьем оказалась Япония. (Америка обогнала Японию даже в производстве микропроцессоров — область, в которой Япония последние годы считалась признанным лидером.)

Германия в значительно большей степени зависит от мировой торговли, чем Америка (и даже Япония), поэтому для нее это был серьезный удар. За последние три месяца производство в Германии сократилось на пять процентов, а в Америке хотя и немного, но увеличилось. Это объясняется общим спадом в Европе.

Европейские соседи больше не могут так же много покупать у Германии, как они это делали в предыдущие годы. Даже автомобильный гигант «Даймлер-Бенц», выпускающий «мерседесы», в этом году вы-

Приют для иностранцев в Германии. Чужих слишком много?

Фото из журнала «Шпигель» (FPI)

нужден был уволить несколько тысяч рабочих.

Шансы канцлера невелики

«Пять мудрецов», которых я уже цитировал, полагают, что в 1993 году в Германии будет два миллиона безработных. В пропорциональном отношении это меньше, чем безработица во Франции, Великобритании, Италии и Испании. Но беда в том, что немцы болезненно реагируют на экономические неурядицы. В чем причина этой сверхчувствительности?

Отцы и деды рассказывали им о великих потрясениях 1922–1923 годов, когда из-за инфляции миллиард марок стоил всего один доллар, и о массовой безработице во времена Великой депрессии 1929–1932 годов. Нынешнее поколение еще помнит тяготы послевоенной жизни — пока не пришло «экономическое чудо».

Естественная реакция в подобных обстоятельствах — во всем обвинить правительство. Если бы выборы состоялись завтра, то канцлер Коль и его христианско-демократический союз потерпели бы поражение, а может быть, и сокрушительное поражение. Но из этого не следует, что убедительную победу одержала бы традиционная оппозиция — социал-демократы.

В глубине души немцы понимают, что виной всему не дурное правительство, а объективные обстоятельства, такие, как общий спад производства на континенте. Социал-демократическое правительство или большая коалиция двух основных партий вряд ли способны резко улучшить ситуацию.

Этим политическим вакуумом могут воспользоваться радикалы. Поскольку коммунизм и радикальный социализм дискредитировали себя, по крайней мере на обозримое будущее, угроза исходит от крайне правых. И не только в Германии, но и во Франции и Италии, Бельгии, Австрии и других небольших европейских странах. Росту влияния ультраправых в Германии способствует неконтролируемый приток иммигрантов. Здесь уже обосновалось около шести миллионов иностранных рабочих, и их число быстро растет.

Страну подвел параграф 16

В 1985 году в Германию ежемесячно приезжали 10 тысяч человек, в конце 1990-го — 30 тысяч, а сейчас достигло 50 тысяч.

Параграф 16 Основного закона ФРГ гласит, что политическое убежище должно предоставляться каждому, кого преследуют по политическим мотивам на его родине. Но девять из десяти иммигрантов приезжают не потому, что их преследуют по политическим мотивам. Они бегут от плохой жизни и знают, что в Германии им сразу предоставят жилье, питание и дадут даже какое-то количество денег — пока будет рассматриваться их заявление о пре-

доставлении убежища. А на это могут потребоваться годы.

Другими словами, параграфом 16 явно злоупотребляют. Но в некоторых случаях не так-то легко решить: политические это беженцы или нет.

В Германию перебрались тысячи румынских цыган. У Бранденбургских ворот они торгуют формой советской армии, в том числе фуражками, принадлежавшими якобы офицерам КГБ, а также биноклями и командирскими часами. Строго говоря, в Румынии по политическим мотивам цыган не преследуют, но румынские власти и ничего не сделали, чтобы как-то облегчить их жизнь.

В свое время немецкие компании, как это, впрочем, делалось по всей Европе, нанимали иностранных рабочих — нужна была неквалифицированная рабочая сила, а немцы предпочитали занятия получше. Но это был период полной занятости. Последовавший затем рост безработицы, нехватка дешевого жилья, сокращение бюджета социальных служб настроили немцев против иностранцев.

Подавляющее число немцев в этих нападениях, разумеется, не участвовало. Но все считают, что необходимо что-то сделать, то есть остановить приток иностранцев и, возможно, внести изменения в конституцию.

Германия — это густонаселенная страна, не приспособленная к тому, чтобы принять и растворить в себе значительное число иммигрантов. Конечно, нападения на цыган, африканцев и азиатов в какой-то степени порождены расизмом. Но и «фольксдойче» из Восточной Европы и немцев из России принимают отнюдь не с распростертыми объятиями.

Наибольшую неприязнь вызывают иммигранты-неевропейцы, легальные и нелегальные. Справедливо было бы отметить, что их появление в Германии действительно вызывает проблемы и социальные и более широко сосуществования разных культур. Треть иммигрантов — из исламских стран.

Когда сто лет назад поляки эмигрировали во Францию, а евреи из Восточной Европы — в Германию или Великобританию, они старались ассимилироваться. У большинства иммигрантов из исламских стран такого желания нет. Они, напротив, хотят сохранить свои обычаи, привычки и язык. Это создает напряженность в повседневной жизни, на производстве и даже в школах.

К сожалению, правда и то, что в процентном отношении выходы из исламских стран совершают больше тяжких преступлений и больше воруют. На их долю приходится 33 процента изнасилований, 32 процента преступлений, связанных с наркотиками. Значительная масса иностранцев сконцентрировалась в крупных городах (таких, как Франкфурт и Штутгарт), где очень высок уровень преступности.

Возможно, подъем крайне правых был неизбежен в любом случае. Но

именно растущий поток иммигрантов создал массовую базу для ультраправых в Германии и других европейских странах. Если о Германии больше говорят, то не потому, что именно самая критическая ситуация, а потому, что Германия — самая могущественная страна в Европе. А также по другой причине: Германия — это страна Адольфа Гитлера и нацизма. Суждено ли нам стать свидетелями второго пришествия нацизма, как некоторые предсказывают?

Кто управляет ветром?

Я склонен дать отрицательный ответ. Хотя ветер и дует в паруса крайне правых, они расколоты на три основных и несколько более мелких группировок. Они не смогут объединиться, и в настоящий момент у них нет фюрера. Они, возможно, получают 10–15 процентов голосов на следующих выборах, но все-таки у них нет будущего.

Две основные партии слишком сильны. Большинство немцев усвоили уроки двух проигранных войн. Даже те, кто симпатизирует крайне правым, не являются нацистами в традиционном понимании этого слова. Они не хотят наращивать армию и завоевывать Европу. Их агрессивность направлена внутрь: они хотят избавиться от всех иностранцев, они не желают объединенной Европы и вообще ставят превыше всего интересы Германии в самом узком понимании этой формулы.

Сейчас многое зависит от мудрости и решимости демократического руководства. Если в Бонне пойдут по правильному пути, то подъем ультраправых будет недолговечным. Нужно изменить направление ветра, благоприятного ультраправым, положив конец злоупотреблению параграфом 16 Основного закона. Нельзя также предоставлять свободу действий врагам свободы и демократии. Уголовные преступления ультраправых должны караться по всей строгости закона.

Германское общество и его лидеры должны показать, усвоили ли они уроки Веймарской республики, которая продемонстрировала полное бессилие перед лицом нацизма.

Лучше всего невеселые настроения в Германии передает немецкое выражение Katzenjammer — в буквальном смысле «кошачьи вопли». Наиболее близким русским эквивалентом было бы слово «похмелье», но оно не передает всей многозначности немецкого выражения.

Немцы тяжело переносят похмелье. Но в любом случае это проходящее психологическое состояние, а не экономический или политический кризис.

Есть все основания полагать, что похмелье не затянется. Немецкая экономика и немецкое общество в основе своей здоровы. Поэтому сравнения нынешней Германии с Германией 1932 года неправомерны.

БЕРЛИН—ЛОНДОН—ВАШИНГТОН

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

С Е К Р Е Т Н Ы Е С Л У Ж Б Ы

Уильям Колби:

«У вас есть большие пушки, да вот калоши протекают»

Бывший директор ЦРУ утверждает, что социалистический строй развалила не американская разведка и уж никак не «агенты влияния»

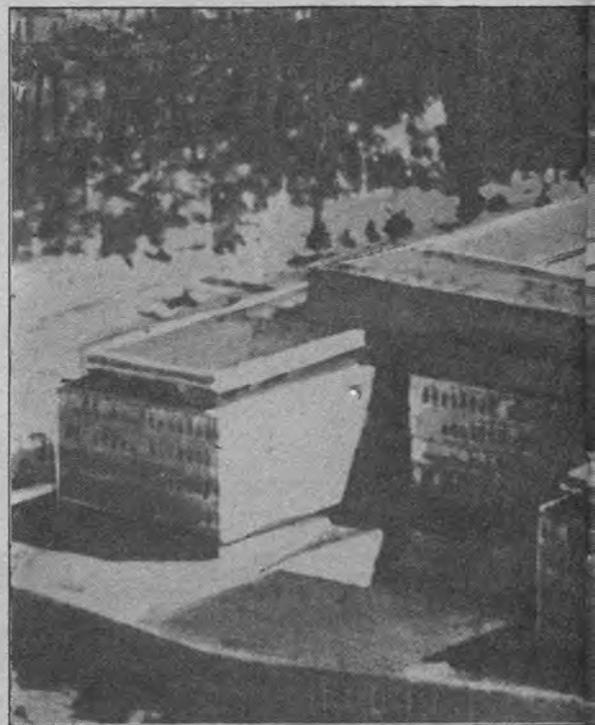
двинется через Германию на Англию. Кстати, по нашим подсчетам, она могла бы достичь Великобритании за 12–14 дней, если мы по пути не накрыли бы ее ядерным ударом.

Красная армия сейчас на 800 километров дальше от Англии. Бывшие ее союзники — поляки, чехи, венгры — стали теперь нашими друзьями. Оставшиеся в Восточной Германии советские части полностью деморализованы. Военнослужащие продают свои знаки отличия, форму, иногда и личное оружие... Это уже не та сила, которой надо опасаться. И ЦРУ уже не приходится бояться того, чего мы боялись на протяжении 40 лет. С этой угрозой покончено.

Чем же сейчас заниматься разведке? У нас все еще есть враги.

Существуют региональные конфликты: Югославия, Шри-Ланка, Грузия, Армения — Азербайджан. Их надо исследовать и понять, чтобы выработать политику, которая поможет снизить опасность этих малых очагов войны. А они будут существовать на земле еще очень долгое время. Посмотрите, в Северной Ирландии конфликт длится уже столько лет!

Кроме того, лидеры стран, секретно разрабатывающих ядерное оружие: Садам

72-летний Уильям Колби, возглавлявший Центральное разведывательное управление США в 1973–1976 годах, ныне отошел от государственных дел и занимается частной адвокатской практикой, которая, по его словам, приносит ему намного больше денег, чем государственная служба. Он живет в небольшом собственном доме в респектабельном районе Вашингтона, пишет мемуары и дает советы чиновникам, политикам и разведчикам, как им строить отношения США с окружающим миром. В Америке говорят, что он все еще очень влиятельный человек.

С Уильямом КОЛБИ беседует специальный корреспондент «НВ» Ирина ЛАГУНИНА.

«Новое время». В прежние времена американская внешняя разведка в основном работала против коммунизма. Каковы роль и главные задачи ЦРУ сейчас, после распада

СССР и отхода практически всех стран от коммунистической идеологии?

У.Колби. Похоже, что ЦРУ все еще выработывает свою новую концепцию. Нет сомнения, что управление станет меньше, потому что уже не надо держать весь огромный штат, ожидая, что завтра, послезавтра или в любой другой день советская армия

Хусейн, Ким Ир Сен. Вызывают беспокойство и некоторые другие государства, отказывающиеся подписать Договор о нераспространении ядерного оружия. Мы должны отдавать себе отчет в том, что эта опасность существует.

Есть короли наркобизнеса. Есть террористы различных сортов, которые не дают спокойно жить людям — взрывают самолеты, подкладывают бомбы...

Так что работа для разведки все еще осталась, хотя ее стало меньше, чем было раньше. Сейчас надо изменить ЦРУ так, чтобы в нем работало намного больше специалистов по арабским странам, чем, к примеру, по Польше, потому что все, что вы хотите узнать о Польше, публикуется в прессе, и вы можете свободно получить абсолютно любую информацию. Не надо иметь и столько современной техники — спутников, постоянно действующего вакуумного очистителя электронной информации и всех прочих достижений науки, чтобы узнать о передвижении войск в Европе...

«НВ». Так ЦРУ предстоит перестройка?

У.К. Да. Но это не впервой. За последние полвека разведка уже претерпела четыре революции.

Первая произошла сразу после атаки на Перл-Харбор. Президент Рузвельт попросил генерала Donovan создать разведывательную службу для военного времени. Donovan, человек умный, образованный, много путешествовавший по свету, герой первой мировой войны, знал,

В этом здании ЦРУ начинал карьеру кадровый разведчик Уильям Колби. Документы конца 40-х годов показывают: разведывательное управление создавалось для работы в военное время

как готовить и засылать шпионов, как обучать людей ведению партизанской войны. Однако он создал не только оперативную службу разведки, но и аналитическую. Он собрал группу профессоров из лучших университетов страны, привез их сюда, в Вашингтон, снабдил их не только секретной, но и открытой информацией и попросил их проанализировать, что на самом деле стояло за всеми собранными данными.

Это и была важнейшая революция в разведке, потому что до Donovan разведка сводилась к шпионажу: резидент добывал информацию, передавал ее генералу, и выигрывала та сторона, которая получала агентурные сведения первой.

Вторая революция произошла в начале 50-х годов, когда наши разведчики поняли, что не могут пробраться в сталинскую Россию. Сталин слишком хорошо защищал свои секреты, а мы из-за этого получили несколько весьма неприятных сюрпризов — спутник и ядерное оружие, которое, как мы предполагали, должно было появиться намного позднее. Впрочем, мы так предполагали, основываясь на дезинформации, которую подкинули нам советские агенты в США. Итак, нам пришлось придумывать другие способы, чтобы узнать, что происходило в Советском Союзе. Мы обратились к новейшей технологии, создали самолет, который летал выше и дальше, чем любой другой самолет в то время, — У-2. Он мог долетать до самого центра Советского Союза, с него делали высококачественные фотографии и привозили их обратно в США. В конце концов Хрущев создал ракету, которая достигала достаточной высоты, чтобы этот самолет сбить... Но как раз в это время мы присту-

пили к созданию спутников. И годами мы развивали эти замечательные спутники, которые начали создавать тогда.

В 70-х годах произошла третья революция — в США был принят закон, регламентирующий деятельность разведслужб. До этого считалось, что шпионаж — это преступление, а следовательно, разведка и закон — понятия несовместимые. Так что разведчики работали непосредственно на президента. И даже в конституции не было места для разведывательных служб. В результате в 70-х мы пережили большой скандал и пришлось понять, что разведка со всеми ее аналитическими службами и новейшей технологией — слишком большое ведомство, чтобы подчиняться одному лишь человеку в государстве.

Кстати, в 60-х произошел такой смешной случай. Мы решили построить большое здание на берегу реки Потомак в Вашингтоне, чтобы в него могли вместиться все аналитики, ученые, инженеры, оперативные службы — словом, все, кто на то время составлял разведку. Когда его достроили, перед ним на шоссе поставили указатель: «ЦРУ». А соседом нашим оказался Роберт Кеннеди, и однажды, проезжая по шоссе, он заметил этот знак и устроил большой скандал: вот тебе и «секретное ведомство!» Знак убрали. И в течение пятнадцати лет мы делали вид, что здания вообще не существует. Хотя для всех пилотов, летящих к Вашингтонскому аэропорту, оно служило контрольной отметкой: от ЦРУ — налево.

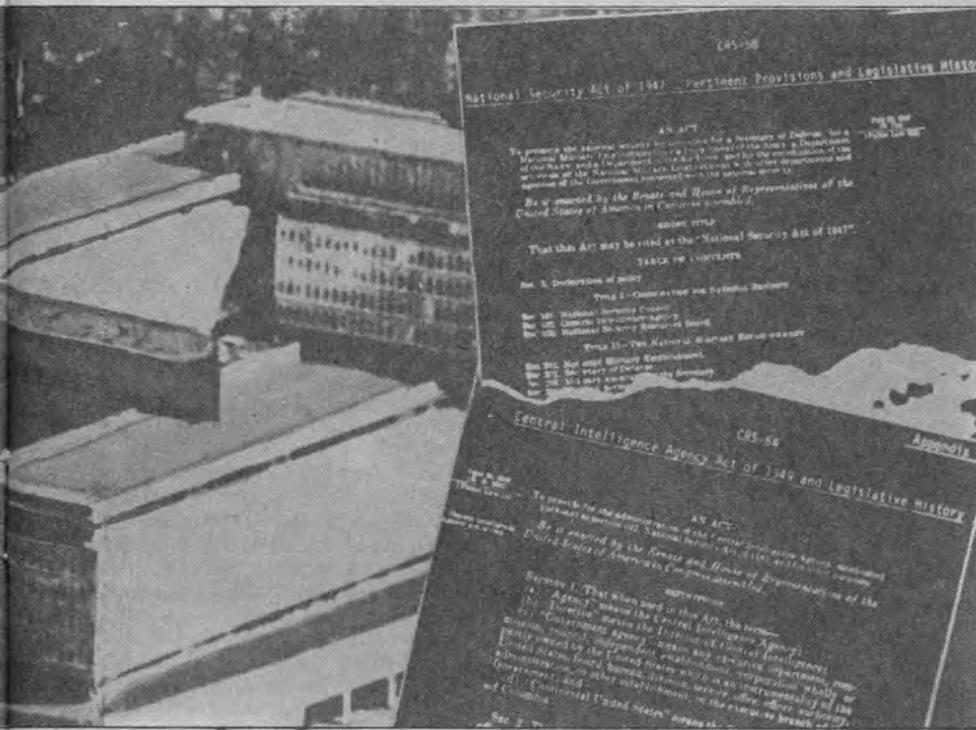
История с Кеннеди — не что иное, как проявление противоречия между современной разведывательной службой и старым представлением о шпионской службе. После утергейтского скандала в конгрессе был образован специальный комитет, контролирующий деятельность ЦРУ и его бюджет.

С тех пор много стран последовало нашему примеру. А недавно мы обсуждали эту проблему на международной встрече руководителей разведывательных служб и специалистов в Болгарии. Ведь цель парламентского контроля — сделать разведку безопасной для демократического общества.

«НВ». Так чем же ЦРУ теперь будет заниматься в Восточной Европе, если, как вы говорите, всю информацию можно получить из газет?

У.К. Раньше разведка работала для того чтобы создать государству преимущество над идейным и политическим противником. Сейчас ее роль в том, чтобы помочь государству понять, что происходит в мире, в том или ином регионе, и выработать разумную политику. Это не борьба, не противостояние. Кстати, в этом изменении роли разведки и состоит четвертая революция ЦРУ.

Что касается Восточной Европы, то нам надо понять сложившуюся там ситуацию, новую политику, эко-

номические и социальные проблемы и трудности, которые сейчас стоят перед бывшими социалистическими странами. Соединенным Штатам надо это все понять, чтобы сформировать такую политику, которая помогла бы Восточной Европе легче пережить переходный период. Если мы сделаем ошибку, мы лишь обострим ситуацию.

«НВ». ЦРУ пыталось влиять на процессы, происходящие в других странах?

У.К. В прежние времена это входило в наши обязанности. Особенно если в этих странах развивались процессы, враждебные США и их партнерам. Мы довольно много занимались этим в 50–60-е годы. Иногда у нас это получалось, иногда мы проигрывали.

Я был в Италии в то время, когда в Москве в ЦК КПСС приняли решение финансировать итальянскую коммунистическую партию, профсоюзы, женское движение, различные культурные общества и группы. Мы предполагали, что эта программа стоила Советскому Союзу приблизительно 50 миллионов долларов в год. В ответ мы начали субсидировать — не правые, нет, — центристские группы и движения, чтобы они могли проводить съезды, вести партийную работу, пропаганду. Это «соревнование» продолжалось довольно долго. Но сейчас, вы знаете, коммунистическая партия Италии даже не называется коммунистической. Ее название — Демократическая партия левых сил.

Иногда нашу помощь трудно было скрыть, но нам все-таки приходилось держать ее в секрете или публично ее отрицать. Так субсидировалась оппозиция советскому присутствию в Афганистане. Но мы никогда не признавали, что даем деньги моджахедам, потому что соседние страны просили нас держать технологию помощи в тайне.

Секретно давались деньги и радиостанции «Свободная Европа». Мы делали вид, что это была частная радиостанция, существующая на пожертвования. Кстати, изменения в мире привели к тому, что ЦРУ отказалось от многих из таких программ, потому что сейчас их можно проводить открыто. Та же самая «Свободная Европа» сейчас открыто финансируется конгрессом США, и ЦРУ к ней никакого отношения не имеет.

«НВ». Должно быть, еще одной такой «программой» была Ангола? Это — поражение?

У.К. Мы давали деньги господину Савимби, чтобы он мог противостоять господину душ Сантушу и кубинцам, численность которых доходила до 30 тысяч. Противостояние продолжалось довольно долго. В 1975 году по распоряжению конгресса мы прекратили поддерживать УНИТА. Затем, в 1982 году, конгресс отменил свое решение, и ЦРУ продолжило финансирование. Думаю, что основной своей цели в Анголе мы достигли: в стране проведены свободные

выборы, две воюющие группировки достигли компромисса. Да, конечно, Жонас Савимби выборы проиграл. Но, с одной стороны, он теперь сам понимает, что проиграл свободные выборы, а, с другой стороны, УНИТА ведь не разгромлена, не уничтожена. Наша поддержка продолжалась очень долго, но в результате она подвела к политическому решению проблемы, а не к поражению одной из сторон. Так что я не стал бы называть результаты выборов в Анголе нашим поражением.

Впрочем, то, что сегодня происходит в Анголе, как и во многих других странах Африки, Латинской Америки или Азии, уже не представляет интереса для супердержав. Раньше, что бы ни происходило в одной из небольших стран «третьего мира», сразу становилось основой для конфронтации между США и СССР.

Сегодня советские войска находятся в Югославии. Хорошая шутка: они туда пытались добраться последние 40 лет и вот наконец добрались. В составе войск ООН! Американцы обеспокоены этим? Нет. Болели бы головы в Вашингтоне, если бы это случилось десять лет назад? Да, еще как. Мир изменился...

«НВ». Откуда же сейчас исходит угроза Соединенным Штатам? Коммунизма больше нет. Может быть, исламский фундаментализм?

У.К. Нет, по-моему, исламский фундаментализм — надуманная проблема. Фундаменталисты в Иране усвоили основной урок современного мира: любая страна, изолирующая себя от окружающих, отбрасывается назад в развитии. Так что Иран сейчас переживает трудные времена, но постепенно «открывается»... Остальные? Египет не позволит фундаменталистам убить еще одного президента. В Алжире к власти пришли религиозные исламские силы, но были очень быстро сняты армией... В исламе, как и в христианстве, слишком много направлений.

Да, между Ираном, Турцией и Саудовской Аравией идет борьба за сферы влияния в Средней Азии. Но это не борьба исламского фундаментализма.

«НВ». Может ли анализ, подготовленный в ЦРУ и представленный президенту и администрации, быть объективным?

У.К. Думаю, что да, и на это в ЦРУ обращают особое внимание. Людям постоянно внушают, что аналитики не должны сверяться с политикой президента.

На мой взгляд, самый лучший пример объективности ЦРУ — так называемые «бумаги Пентагона», полный пакет документов времен войны во Вьетнаме. Из них видно: в ЦРУ предполагали, что война во Вьетнаме будет намного более сложной, чем это представлялось военным. В документах более позднего периода критикуются действия военных, то есть в ЦРУ по-прежнему настаивали на том, что основная задача для США во Вьетнаме — не военная, а

политическая. Сейчас очень хорошо видно, что в разведке не ошиблись, но в то время президент Джонсон игнорировал все, что ему предоставляли разведчики.

«НВ». Вы говорите, что ЦРУ делает то, что ему приказывает делать администрация или президент. В вашей практике бывали случаи, когда вы не соглашались с президентом?

У.К. Только один раз. В 1963 году правительство обсуждало, стоит ли Соединенным Штатам подтолкнуть военных Южного Вьетнама к свержению президента Нго Динь Дьема. Одни говорили, что мы проиграем войну, если он останется. Другие считали, что лучшего союзника США во Вьетнаме нам не найти. Я разделял вторую точку зрения.

Президент Кеннеди долго колебался. Но затем отдал распоряжение, и нам пришлось сообщать вьетнамским генералам, что если они свергнут Нго Динь Дьема, то Соединенные Штаты будут продолжать помощь. Мне казалось, что решение президента Кеннеди было в корне неправильным, но я исполнил приказ. Я до сих пор думаю, что свержение Нго Динь Дьема — самая большая ошибка, которую США сделали во Вьетнаме.

«НВ». Была ли у ЦРУ специальная программа по подготовке «агентов влияния» в Советском Союзе?

У.К. Кого?

«НВ». Людей, которые, занимая руководящие посты в экономике и политике страны, проводили линию, подсказанную им из Вашингтона, разваливали социалистический строй и советское государство. В России иногда утверждают, что все руководство страны начиная с 1985 года было «агентами влияния» США.

У.К. Агенты влияния, вы говорите? Конечно, у нас были некоторые программы, с помощью которых мы пытались сделать политику Москвы более умеренной. Но такой категории, как «агенты влияния», я что-то не припомню.

Вообще-то все новое руководство Россией было создано Андроповым. На мой взгляд, это был очень интересный человек. Он начал с того, что сформировал новый КГБ — взамен тех головорезов, которые работали в разведке раньше. Он набрал лучших выпускников лучших университетов страны, обучил их языкам, чтобы они могли работать в других странах, дал им хорошие профессиональные навыки. И они действительно очень хорошо работали.

Так же блестяще он сформировал и новый класс советского руководства — ведь Михаил Горбачев был его протеже. И уже этот новый класс руководителей, а не ЦРУ и не Вашингтон, сказал, что старая система не работает, что ее надо менять. Они наконец поняли, что у них есть очень большие пушки, да вот калоши протекают...

ВАШИНГТОН

Когда переводишь гонимого писателя...

Ханс Бьёркегрэн

История о том как переводчик оказался «под колпаком»

Профессия переводчика, как правило, лишена внешнего драматизма и не сопряжена с личным риском. Но пример с переводом Солженицына уникален. Он выламывался из привычных рамок — все, кто был прикосновен к делу, ощутили на себе его последствия, в том числе и я, который вначале угодил в эту историю по недоразумению.

В первое время я пребывал в счастливом неведении о том, что меня в чем-то подозревают. Но чуть позже, в 1963–1964 годы, кое-что начало меня смущать. Я понял, что стал объектом некоего «расследования» со стороны не слишком гласных органов власти.

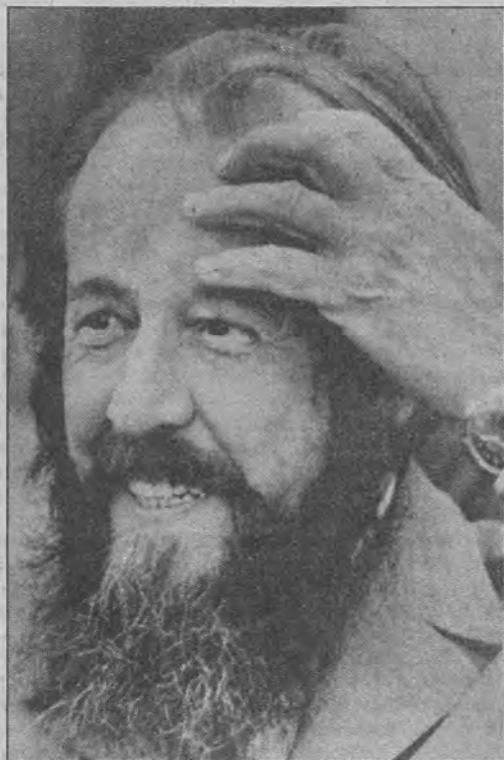
Светлая Голова

Где-то (я-то, конечно, догадываюсь, где именно) некая Светлая Голова решила, что я поддерживаю тайную связь с самим Сатаной, то есть с Александром Исаевичем Солженицыным (АИС). На самом же деле в ту пору я его ни разу не встречал, а он мог знать обо мне только понаслышке. Но именно потому, что я не имел контактов с АИС, Светлая Голова вообразила, что мы изобрели такой хитроумный и конспиративный способ общения, что раскрыть его — дело государственной важности.

Мне, вероятно, крупно повезло, что я не понял, что вокруг меня происходит. Теперь-то мне ясно: никто не ведет себя так подозрительно, как невинный идиот, которому приписывают изощренные происки, нацеленные на подрыв внутренней стабильности супердержавы. Но почему же меня все-таки заподозрили в конспиративной связи с Солженицыным? Сопоставив все факты, я и пытаюсь угадать, каков был ход мыслей Светлых Голов, когда, склонившись над моим досье, они пополняли его новыми и новыми фактами.

В качестве корреспондента, проведенного в Москве почти все шестидесятилетие, я часто и много писал о культурной жизни. Было время XXII съезда партии. В культурной жизни начиналась новая оттепель, хотя во внешней политике потепление сменялось заморозками. Эпоха отличалась такой же порывистой неустойчивостью, как и сам Никита Сергеевич. Когда «Новый мир» опубликовал «Один день из жизни Ивана Денисовича», я, естественно, написал об этом. Написал одним из первых, и Светлая Голова занесла это в мое досье. Я знаю это наверняка, так как мне об этом сообщили. Сообщила одна из «маленьких серых клеточек» ее мозгового вещества. Этого молодого человека скорее можно было причислить к брюнетам, поэтому я буду звать его Менее Светлая Голова — МСГ.

Был прием в посольстве — случилось это сразу после того, как Никита Сергеевич

дохнул стужей на культурную жизнь страны... На приеме присутствовала министр культуры Екатерина Фурцева. Мне удалось поговорить с ней. Наша беседа привлекла внимание. Едва мы окончили разговор, ко мне подошел МСГ и, представившись сотрудником популярной комсомольской газеты, объявил, что, «по имеющимся сведениям», я первый иностранный корреспондент в Москве, написавший о дебюте Солженицына. За это он поблагодарил меня от имени прогрессивной интеллигенции.

Насчет моего первенства сведения были не совсем точными, но я промолчал — доносить на коллег не в моих правилах. Так началось мое печальное знакомство с МСГ. Приставленный ко мне, он все последующие годы постоянно вынюхивал, запугивал, провоцировал.

Мое досье

В этот период я дал также материал о Солженицыне для культурной программы шведского радио. Издатель Пер Гедин, приехав в Советский Союз, купил права на издание произведений некоторых рекомендованных мной «либеральных» писателей, в том числе Солженицына, Станиславского, Евтушенко — они снова становились официально признанными «паршивыми овцами». Шведская пресса писала о «богатом улове» Гедина, причем упоминалось, что «рыбалка» не обошлась без моей помощи. Это наверняка также было занесено в мое досье. Написал я и несколько статей о первых появившихся после «Ивана Денисовича» рассказах Солженицына, сообщая, ра-

Ханс Бьёркегрэн — шведский поэт, прозаик, публицист, журналист, блестящий знаток русской литературы и великолепный переводчик. Вехой в его жизни стала встреча с творчеством А.Солженицына.

зумеется, о дискуссиях, вызванных нападками Хрущева на художников и писателей...

К делу (или, во всяком случае, к досье, которое я пытаюсь реконструировать) относится и то, что я был одним из двух или трех иностранных корреспондентов, посетивших легендарную выставку на Большой Коммунистической улице, — эта выставка, как и выставка, состоявшаяся несколько дней спустя в Манеже, была первым залпом, которым партия дала по либеральной интеллигенции. Я видел это своими глазами, что посетители выставки регистрировались так называемой «вспомогательной оптикой».

Таким образом, в моем досье появились фотоулики. МСГ стал проявлять необыкновенную активность. Он выражал настойчивое желание помочь мне и моему коллеге-югославу, с которым я сотрудничал, в нашей «трудной журналистской деятельности». В частности, он все время сообщал нам разнообразные слухи о советских лидерах, например о пристрастии тогдашнего генсека Брежнева к женщинам и алкоголю, а также о различных заговорах против Хрущева. Он постоянно подбрасывал мне телеграммы, поступающие по «белому ТАССу», который называли «белогвардейской Правдой», — как правило, речь в них шла о зарубежных новостях, которые не могли быть опубликованы в советской печати, но должны были быть доведены до сведения властей разных уровней. Иногда это была чистой воды «обратная» информация, например изложение моих собственных статей.

Однажды МСГ заявил мне по телефону, что приготовил для меня «лакомый кусочек». Он предложил встретиться в ресторане на улице Горького. Из предосторожности я пришел туда вместе с женой. Мы сели за столик в центре почти пустого зала. МСГ был очень возбужден. «Ну, Ханс, — сказал он, — сейчас я покажу тебе кое-что интерес-

ное». И он с заговорщическим видом извлек из портфеля небольшую рукопись. Это был захватанный, замуколенный самиздатский экземпляр солженицынских стихотворений в прозе, очевидно конфискованный. Я знал, что эти стихотворения в прозе опубликованы в эмигрантском журнале «Грани», но сам их не читал. Я перелистал рукопись, пробежал глазами отдельные места и вернул ее МСГ, стараясь сделать это как можно более открыто на случай, если рядом телекамера. Но МСГ настаивал, чтобы я взял рукопись домой. Я упорно отстранял ее, он ее мне возвращал. Сцена была совершенно фарсовой, но притом весьма неприятной. Наконец он сдался. Но, когда он прятал рукопись в свой портфель, лицо его выдавало глубокое разочарование.

Надевая в гардеробе пальто, мы обнаружили, что за нами тащится «хвост». Не знаю, отчего «они» вели себя так неуклюже — оттого ли, что были разочарованы, не поймав меня на месте преступления с запрещенной рукописью в руках, или то была просто попытка меня запугать. Так или иначе слежка была явной. Два черных автомобиля сопровождали нас до самого нашего дома в гетто для иностранцев на Кутузовском проспекте.

Поскольку я был так запятнан, Светлые Головы решили «выкурить» меня из подполья наших с Солженицыным связей. Я иногда встречался с поэтом, которого Джон Баррон в своей книге о КГБ — справедливо или нет — называет крупным провокатором в литературной среде. Человеку этому, конечно, было известно, что я интересуюсь произведениями Солженицына. Он спросил меня, не хочу ли я встретиться с АИС в Переделкине. Он уверял, что Солженицын обо мне слышал и хочет познакомиться. Дело было накануне православной Пасхи. Мы договорились вместе поехать на его машине — неизвестно было, разрешено ли иностранцам бывать в Переделкине.

Но за день до нашей поездки мне позвонил человек из пресс-службы МИД и сказал буквально следующее (я тогда же записал его слова): «Нам стало известно, что вы собираетесь ехать в Переделкино, чтобы встретиться с известным лицом. Я вам это делать не советую».

Я не поехал. В тот пасхальный день молодые коммунисты устроили провокацию против верующих у церкви в Переделкине — это описано Солженицыным в рассказе «Пасхальный крестный ход».

Я до сих пор не понимаю, почему сорвали нашу поездку. Возможно, правая рука не ведала — или не одобряла — то, что делала левая. Но вряд ли чиновник министерства по собственной инициативе рискнул бы позвонить в иностранное гетто, где все телефоны прослушивались.

Все это происходило до 1966 года, когда Солженицын в последний раз легально опубликовал в Советском Союзе. Но некоторые его произведения ходили в рукописи, и теперь я знаю, что именно в этот период его «Раковый корпус» и «В круге первом» были тайком переправлены за рубеж. Из приложения к «Бодался теленок с дубом» я знаю и о том, как осуществлялась пересылка, но сам я включился в игру только в начале 70-х годов, когда открылся «Великий северный путь» Солженицына. Письма, адресованные Солженицыну из-за рубежа, и некоторые его письма посылались на мой домашний адрес в Швеции, через меня осуществлялись и его многочисленные контакты с Нобелевским комитетом и секретарем Шведской академии Карлом Рагнарсом Гировым; под конец мы использовали для связи уже и телефон, и телекс.

Когда закрылась газета «Стокгольм-Тиднинген», в которой я работал, меня отозвали из Москвы, и я около года провел в Швеции. Но в 1967 году снова вернулся в Москву в качестве заведующего московской редакцией информационного агентства Скандинавских стран.

Работа с лупой

Однажды в конце сентября или в начале октября мне позвонил профессор, имевший отношение к советской Академии наук. Мы были шапочно знакомы через одного итальянского журналиста, который считал, что профессор принадлежит к периферии брежневского клана, но, безусловно, к самой сердцевине КГБ. Профессор был очень взволнован и спросил напрямик: «Правда ли, что Солженицыну собираются дать Нобелевскую премию?» «Не знаю», — чисто-сердечно ответил я. И добавил, что сомневаюсь. К тому времени Солженицын опубликовал только «Ивана Денисовича» и несколько рассказов — это не тянуло на Нобелевскую премию. Вряд ли удовлетворил профессора — Светлейшую из Голов — мой ответ. Он что-то буркнул и бросил трубку.

После этого было еще несколько весьма неприятных провокаций. По-

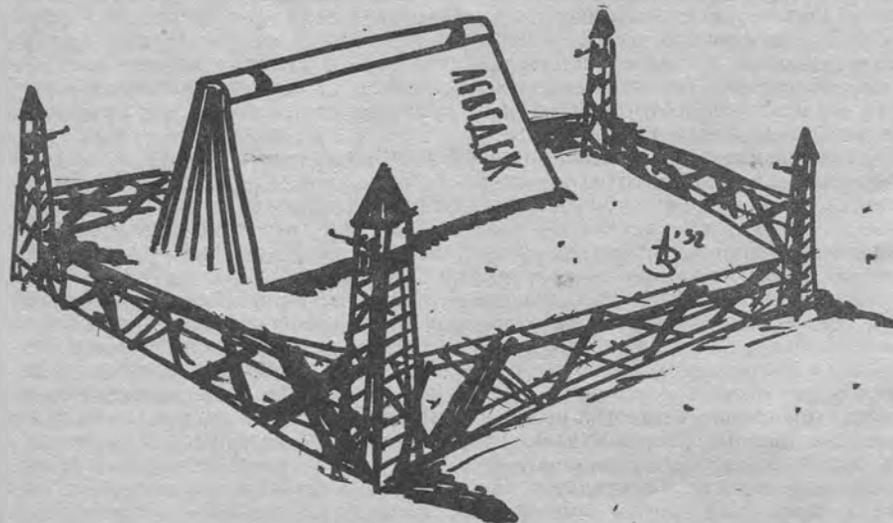

Рисунок Анны Золотаревой

лагаю, что Светлым Головам так осточертел «неуязвимый» швед, чьи контакты с Солженицыным не удавалось засечь, что они решили просто от меня избавиться.

Должен честно признаться, что вся эта абсурдная предыстория сыграла важную роль в моей решимости участвовать в большом тайном проекте перевода произведений «В круге первом», «Архипелаг Гулаг» и «Бодалес теленок с дубом». В моем решении была немалая доля упрямства. Рассуждал я примерно так: в течение нескольких лет они хотели связать меня с Солженицыным — пусть получат то, чего хотели. Я знал, что означает мое решение: я сжигал все мосты, связывавшие меня с Москвой и моими московскими друзьями-литераторами. И, может быть, навсегда. Переводчики из многих стран отказывались от участия в проекте или переводили Солженицына под псевдонимами, чтобы не лишиться визы.

Летом 1968-го я начал работу над переводом романа «В круге первом». В техническом смысле рукопись была ужасна — недодержанные или передержанные фотокопии оригинала, который был напечатан на машинке со стертými литерами и выцветшей лентой, — каждую вторую букву невозможно было разобрать. Я работал с лупой, в которую была вмонтирована лампа.

Впрочем, такова была судьба всех первых переводчиков Солженицына, пока подпольные дороги не стали настолько накатаннými, что к нам начали поступать тексты, выверенные в рукописи или в корректуре самим автором. Но вначале ни издательство, ни переводчики не могли вступить в контакт с Солженицыным, чтобы попросить его восполнить пробел в рукописи или внести в нее уточнения. Только с установлением «Великого северного пути» я и небольшая горстка моих коллег получили возможность связаться с автором.

Так путем вопросов-ответов мы познакомились с АИС, но личная наша встреча состоялась только в феврале 1974 года на «даче» Генриха Бёлля, когда Солженицына выслали, посадив на самолет, направляющийся во Франкфурт.

Но погрешности текста были не единственной и, пожалуй, не самой главной трудностью в работе. Солженицын начал разрабатывать свою особую лексику, опирающуюся на «Толковый словарь» Даля, — труд переводчика становился в какой-то мере этимологическим исследованием, в котором приходилось прибегать к помощи русских друзей.

Существенной проблемой были сроки — книга должна была быть издана крупными западными издательствами одновременно. Консультации с посторонними людьми должны были быть крайне ограничены — до самого выхода книги существование рукописи держалось в тайне.

Особенной тайной окружены были первые части «Архипелага».

Их сдавали в набор без форзаца. Заголовков, имя автора и переводчика набирались непосредственно перед сдачей в печать. Основания для этих предосторожностей были. Теперь нам известно, что КГБ пытался наложить лапу на рукопись Солженицына на Западе.

Не знаю, по какому принципу отбирались в тот момент переводчики. Но, после того как в Швеции вышел роман «В круге первом» и Солженицын получил Нобелевскую премию, я оказался в узком кругу людей, близких к его швейцарскому адвокату Фрицу Хеебу (известному под псевдонимом «Юра» — юрист). Нам, четырем переводчикам из ФРГ, Франции, Англии и Швеции, была доверена тайна «Архипелага». Все окружено было такой секретностью, что Хееб советовал нам не доверяться даже почте. Поэтому мы то и дело ездили в Цюрих, чтобы получить очередную порцию рукописи или посоветоваться.

«Великий северный путь»

Но когда я начал переводить «Архипелаг», у меня с Солженицыным установилась почти прямая связь. Он сам рассказал об этом в «Теленке». «Великий северный путь» пролегал через мой дом в Швеции. Способ сообщения был очень эффективен, связь осуществлялась быстро, особенно когда мы пользовались телефоном или телексом. Выяснить детали таким способом было трудно — объем информации должен был быть не слишком велик, чтобы канал не обнаружили. Но зато канал можно было использовать для выяснения некоторых общих вопросов, которые в том или ином плане оказывали влияние на самую структуру книги. Упомяну об одной проблеме, которая была разрешена таким способом, и я бесконечно благодарен АИС за проявленную им уступчивость и понимание.

Он собрал материал для «Архипелага» и писал книгу с таким упорством и мужеством и в таких тяжелых условиях, равных которым не знает история литературы. В результате родился гигантский обвинительный акт против советского строя, опирающийся на сотни свидетельских показаний. Для меня проблемой оказался эпизод, касавшийся Швеции: в конце войны будто бы команда большого советского корабля подняла бунт на борту, направила судно к шведскому берегу, вероятно, в районе Руслагена, высадила там, попросила политического убежища, но была интернирована шведским правительством и выслана назад в СССР, где моряков ждали лагерь и смерть.

О таком случае я никогда не слышал. Это был бы скандал куда более крупного масштаба, чем выдача прибалтов. Я не мог себе представить, чтобы в Швеции сумели замолчать подобную историю. Я стал осторожно наводить справки, не объяс-

няя, почему меня это интересует. Все, кого я расспрашивал, смотрели на меня как на сумасшедшего. Я написал письмо Солженицыну и как мог объяснил, почему я сомневаюсь в подлинности эпизода. Он ответил не без раздражения, что эти сведения поступили из нескольких не зависимых друг от друга и достойных доверия источников, и потребовал, чтобы отрывок был переведен. Я снова написал ему, настаивая на своем, а «Юре» устно сообщил, что не смогу участвовать в работе над переводом, если эпизод будет сохранен в таком виде. О специальной «редактуре» для шведского издания не могло быть и речи. Эпизод был настолько сенсационным, что это вызвало бы шум в других странах, где одновременно печатался «Архипелаг». Очевидно, АИС доверился моему суждению и моей честности. Вскоре через «Юру» я получил сообщение, что отрывок будет исключен.

Вся эта история была для меня мучительной. Своим усердием я вынудил АИС, которого травил в это время как зверя и которого в любую минуту ждал арест, а может, и кое-что похуже, перед самым взрывом снова проверить взрывчатку. Вообще-то не дело переводчика вторгаться в текст оригинала. Но в случае с «Архипелагом» все было вне нормы. Сам АИС смотрел на переводчиков как на сотрудиников в громадном коллективном труде.

Хотя я был уверен, что поступил правильно, все то время, что я работал над переводом, меня точил червь сомнения... Ведь если бы вдруг, вопреки всему, оказалось, что шведским властям удалось скрыть, что они выдали СССР несколько сотен советских моряков, и это в конце концов вышло бы наружу, я бы навсегда остался с клеймом злодея, который сыграл на руку Бог весть каким тайным советским интересам. Несколько месяцев, прошедших до выхода в свет первых частей «Архипелага Гулаг», я чувствовал себя в полной изоляции, как астронавт в политическом космосе, по рукам и ногам связанный требованиями секретности, не имея возможности с кем-нибудь посоветоваться и сознавая, что, если я ошибся, я виноват в замалчивании одного из самых крупных политических скандалов в Швеции. Да к тому же нанес страшный урон одному из важнейших документальных свидетельств нашей эпохи.

Много драматических эпизодов было связано и с борьбой вокруг Нобелевской премии. Но это уже другая история. А для Светлых Голов мое участие в переводе «Архипелага» было долгожданным подтверждением материалов моего досье и венчающим их доказательством. Для меня же начался период «изгнания», длившийся, как уже было сказано, почти 18 лет.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

В предлагаемых сегодня заметках Николая Бердяева о демократии автор кажется совершенно беспощадным к этому общественному и политическому строю. Но внимательный читатель без труда обнаружит, что цель автора состоит совсем в другом — на деле он как раз защищает демократию от ее самой, защищает от того, что называют «эксцессами демократии», от «сверхдемократии», от того, чем демократия не является и являться не может. Бердяев предупреждает от идеализации эгалитаризма, всеобщей уравниловки. Он предупреждает о слабостях демократии, напоминает об опасности вырождения ее в простую анархию или в окрократию, то есть власть чер-

ни, власть толпы. Как сказал один философ, и Христос был распят по решению большинства.

Забвение в обществе нравственных, а затем и правовых начал как раз и ведет к трагическим метаморфозам, когда демократия подменяется чем-то вроде на нее и похожим, да все-таки не тем.

Само же понятие «демократия» в своем чисто политическом — или политико-юридическом — значении слова означает в основном форму принятия решений, принцип, основанный на всеобщем избирательном праве («один человек — один голос»), на верховенстве закона, на разделении взаимно контролирующихся друг друга (а также по закону и со стороны общества) властей, властей узаконенных волеизъявлением народа. Иными словами, демократия отвечает на вопрос «как?» — то есть как в свобод-

ном обществе обеспечивается свобода каждого, свобода его воли и выбора.

С другой стороны, известно, что и демократические институты способны — стоит уснуть общественному разуму — породить чудовищ. Принято считать, что парламентский режим — наиболее демократическая форма правления, а парламент — главное вместилище демократии. Однако исторические примеры (правление демагогов-писистратидов в Афинах, вырождение сената в Риме, не говоря уж о более новых и свежих примерах) наглядно показывают, что и представительные учреждения способны угасать или трансформироваться. Стоит им отойти от своей главной функции — законотворческой и бюджетной, а стать, например, политическим регулятором мнений, коллективным «представителем» национальной идеи, политико-идео-

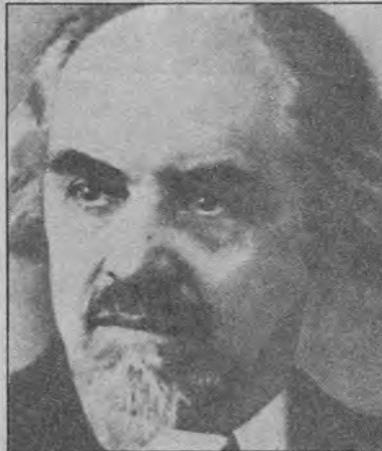
логической доктрины, — и это уже шаг в сторону диктатуры, к механическому утверждению «общественных истин». Поэтому и обожествление представительных органов так же опасно, как и абстрактной демократии, от которой предостерегает Бердяев.

Публикуемый текст представляет собой фрагмент из «Восьмого письма» книги «Философия неравенства. Письма недругам по социальной философии» (Берлин, 1923 г.).

О сверхдемократии

Николай Бердяев (1874–1948)

Т оквиль так передает свое впечатление от поступательного роста демократии в начале своей блестящей книги «О демократии в Америке»: «Вся книга была написана под впечатлением некоторого рода религиозного ужаса, произведенного в душе автора видом этой неудержимой революции, идущей в течение стольких веков через все препятствия, которая и теперь, видимо, подвигается вперед среди производимого ею разрушения». Мне хорошо знакомо это чувство ужаса. Я испытал его давно, очень давно, впервые еще почти в детстве, потом юношей, оно было довольно остро осознано в первую русскую революцию 1905 года и достигло мучительной напряженности весной 1917 года. Когда начался разлив второй «великой» русской революции. Демократия — не новое начало и не впервые входит она в мир. Это — старое, вековечное начало, хорошо знакомое еще миру античному. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это особый дух. Никогда еще не торжествовала в мире в чистом виде идея демократии, да и вряд ли возможно это торжество. Но дух демократии уже отпраздновал немало побед. Демократия, как самодовлеющая отвлеченная идея, ничему высшему не подчиненная, есть человекообожествление и отрицание божественного источника власти. Народ довлеет самому себе. Верховным началом его жизни является его собственная воля,

независимо от того, на что она направлена, чего она хочет, каково ее содержание. Народная воля обожествляется потому, что она утверждается формально, без связи с ее содержанием. Содержание народной воли предполагает уже какие-то сверхчеловеческие ценности. Как только вы обратите внимание на содержание народной воли, вы не можете ее уже обоготворять. Ибо воля народная может быть направлена на зло, и тогда она надлежит осуждению; или она направлена на высшее добро, на божественное содержание жизни, и тогда не воля народная, а само это добро и это божественное содержание должно быть признано верховным началом. Вот о чем вы недостаточно думали. Признание народной воли верховным началом об-

щественной жизни может быть лишь поклонением формальному, бессодержательному началу, лишь обоготворением человеческого произвола. Не то важно, чего хочет человек, а то, чтобы было то, чего он хочет. Хочу, чтобы было то, чего захочу. Вот предельная формула демократии, народовластия. Глубже она идти не может. Само содержание и состояние народной воли не интересует демократический принцип. Народная воля может захотеть самого страшного зла, и демократический принцип ничего не может возразить против этого. В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к духовному их уровню. Эта идея хотела бы отвлечь человеческое внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления. Народный суверенитет носит совершенно формальный характер. Остается неизвестным,

чего захочет суверенный народ, когда все будет представлено его воле; какой строй жизни пожелает создать он.

Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину. Если бы вы верили в объективное бытие правды и истины, то должны были бы правду и истину поставить выше воли народа и им подчинить волю народа. Но для вас правда и истина то, чего захочет народ и что он скажет. Вы хотите отдать правду и истину на решение большинства голосов и провести их через всеобщее избирательное право. Это и есть неверие, это и есть безбожие, положенное в основу всей демократической идеологии. Вы хотите добыть правду и истину об общественном устройстве из большинства, из количества. Но могут ли иметь какое-либо отношение к критериям большинства и количества правда и истина? Правда и истина имеют иной, божественный источник, независимый от человеческого произволения. Правда и истина могут быть в меньшинстве, а не в большинстве, и даже всегда правда бывает в меньшинстве. И почти чудовищно, как люди могли дойти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины!

Сомневающиеся, опустошенные, оторвавшиеся от онтологических основ жизни должны прибегать к решениям большинства, к критериям количества. Если нет правды и истины, то будем считать за правду и истину то, что признает большинство. Если и есть правда и истина, но я ее не знаю и не знаю реальных путей к ней и вечно сомневаюсь в ней, то остается положиться на большинство и в человеческом количестве искать замены недостающих во мне самом качеств!

В основу демократии не была положена воля к повышению жизни, к качеству и ценности. Никаких новых ценностей сама демократия из себя не создает и не может создать. Она строится вне всякой мысли о ценности и содержании жизни. И всеуравнивающая демократическая эпоха человеческой истории есть понижение качественного, ценностного содержания жизни, понижение типа человека. Демократия не имела интереса к воспитанию высокого человеческого типа, и потому она бессильна создать лучшую жизнь.

Демократическая метафизика утверждает, что каждый отдельный человек ошибается, он находится в неправде и лжи, но безошибочна и правильна воля всех, воля народа, воля коллектива. В вашей народной воле происходит лишь арифметическое сложение. Вы верите в большинство голосов. Из суммирования воли всех не получается всеобщей воли. Марксизм, который был крайним выражением мирового духа уравнения, разложил демократические иллюзии, убил демократическую метафизику. И это должно быть признано его заслугой. Социал-демократия отрицает существование народа как реального единства, она разлагает его на классы и группы с противоположными психиками и интересами, и для нее не существует воли народной, нет суверенного начала. Выше воли народа стоит воля пролетариата, на который переносятся все те божественные атрибуты, которые демократическая метафизика приписывала народу. Пролетариат выше народа, он есть реальное единство. Это — новая фикция, новый фетиш, но она разлагает старую фикцию, старый фетиш — «народ». Народа в том смысле, в каком утверждает его демократическая метафизика, не существует. Этот «народ» не может иметь никакой воли. Он есть лишь сложное взаимодействие социальных групп с разным душевным складом и интересами или механическое сложение отдельных человеческих единиц.

Народ есть также мистический организм. Но народа в этом смысле демократия не хочет знать и не знает, он совершенно не находится в поле зрения демократии. Народ и демократию не только не следует смешивать и

отождествлять, но необходимо тщательно различать и противопоставлять. Слова «демократия» и «демократический» употребляются в слишком расплывчатом и неопределенном смысле. Происходит некритическое смешение демократии как народного человеческого состава и демократии как известного политического направления и политической настроенности. «Народ» не означает «демократических» классов и «народ» может не иметь «демократических» убеждений. Народ может держаться совсем не демократического образа мыслей, может быть совсем не демократически настроен. Так и бывало в истории при органическом состоянии народа. Демократия есть уже выхождение из органического состояния, распадение единства народа, раздор в нем. Демократия по существу механична, она говорит о том, что народа как целостного организма уже нет. Демократия есть нездоровое состояние народа. В «органические» эпохи истории никаких демократий не бывает и не возникает. Демократия — порождение «критических» эпох. Демократия не может быть выражением духа народа, ибо дух народа выразим лишь в организме, демократия же есть механизм. Демократия берет человека как арифметическую единицу, математи-

Нет более горькой и унижительной зависимости, чем зависимость от воли и произвола равных себе

чески равную всякой другой. Для нее народ как органическое целое распадается на атомы и потом собирается как механический коллектив. Народ не состоит из арифметических единиц и атомов. Народ есть иерархический организм. Народ не есть человеческое количество, человеческая масса. Вот что забыли вы в демократический век. В ваших демократиях господствует человеческое количество, и вы думаете, что за ним стоит народ. Но это есть великая ваша ложь, которая должна быть изобличена. Человеческое количество есть пыль, носимая волей ветра. И воля этого человеческого количества не может быть волей народа. Воля эта не может быть случайной суммой, колеблющейся от всякого дуновения. Уже одно то, что ваше царство демократии раздирается борьбой партий и что партия отданы в нем судьбы государств, свидетельствует против вас и не позволяет верить, что народ находит в нем свое выражение. Демократическое правление есть, в конце концов, фикция. Я говорил уже, что в действительности возможны лишь аристократия или охлократия. Тирания партий редко бывает аристократией. Там не происходит подбора лучших и способнейших. В народном суверенитете погибает народ, он тонет в механическом количестве и не находит выражения для своего органического духа, целостного и неделимого. Он находит себе выражение лишь иррационально. В народном суверенитете погибает и человек. Ибо самодержавие народа не ограничивает себя неотъемлемыми правами человека и не гарантирует неприкосновенность этих прав. Самодержавной демократии должны быть противопоставлены и дух народа, и права человека, ибо уготавливает она самую страшную из тираний.

Пределы демократии признаны, и более прозорливыми умами увидена демократическая опасность и безвыходность. Количество не может создать качества. Общество, распавшееся на атомы, на математические точки, не может быть собрано, воссоединено и не может получить гармонического образа путем механики, путем подсчета голосов и вручения власти большинству. Воля народа есть качество, которое не может быть добыто ни из каких количественных комбинаций. И именно тогда, когда демократия провозгласила верховенство воли народа, воли народа не оказалось, она умерла.

Демократия и есть безнадежное искание умершей воли народа. Все системы демократического представительства народной воли представляют безнадежные попытки собрать распавшуюся волю. В демократическом представительстве воля народа остается распав-

шейся, и часть восстает на часть. Демократический парламент есть арена борьбы за интересы и за власть. В нем трудно услышать голос единого народа. Он слышен лишь в исключительные минуты и через исключительных людей. Всеобщее избирательное право есть совершенно механический, количественный и отвлеченный принцип. Всеобщее избирательное право не знает конкретных людей, с их разнокачественностью, с их различным весом, оно исключительно имеет дело с отвлеченными людьми, с атомами и математическими точками. Оно не знает и органических социальных групп. Всеобщее избирательное право есть отвлечение от качественного содержания жизни, оно не хочет знать никакого качественного подбора. Откуда же взялась уверенность, что таким путем можно получить общество высокого качества? Это гипноз идеи равенства. Поверили, что равенство, не пропорциональное, а механическое равенство, есть столь великая правда и великое благо и что хорошо все, что приложится к нему.

Общественный опыт и общественная преэминентность обладают ценностью, которой нельзя пренебречь и которую нельзя разрушать во имя отвлеченных доктрин и идей. Так, например, в России земство представляло такое качественное историческое образование, в нем накопились общественный опыт, знание дела, традиция. Разрушение земства и нежелание дать ему преимущества в представительстве есть разрушение общественных качеств и погружение в тьму количества. Я думаю, что и в бюрократии при всей опасности ее ничем не ограниченного господства есть качества опыта, знания и преэминентности, с которыми необходимо считаться. Странно доказывать преимущества более высокого культурного слоя, который должен иметь иной вес в общественной жизни, чем слои, стоящие качественно ниже. Человек не есть отвлеченное существо, его нужно брать в исторической среде и преэминентности. Огромное значение имеет и происхождение человека, и воспитание его, его инстинкты и традиции, его воспоминания и связи. Вот почему и исторические сословия имели гораздо большее значение, чем это выходит по вашей отвлеченной социологии и отвлеченной демократической идеологии. Под этими внешними формами скрыто что-то существенное для жизни. Проблема демократии не может ставиться отвлеченно и изолированно, она должна быть связана с проблемой культуры. И тогда падает идеал отвлеченной демократии. Демократия не могла низвергнуть иерархического строя общества, который коренится в иерархическом строе космоса.

Чистая, отвлеченная, самодержавная демократия есть самая страшная тирания, она убивает человека. Неограниченная власть всех страшнее тиранической власти одного. На короткие лишь мгновения возможно торжество такой демократии, но мгновения эти всегда бывали самым страшным посягательством на свободу человека. В эти мгновения подымалась снизу тьма и охватывала общество. Но короткая жизнь такого демократического самодержавия, оно стоит на острие и соскальзывает. Оно опрокидывается силами, не предусмотренными демократической идеологией. И это счастье для человечества. Если бы возможна была окончательная демократия, то человечество погибло бы, утонуло бы во тьме. В самой идее народовластия, ничем не ограниченного и ничему высшему не подчиненного, нет никакой правды, нет и правды о человеке, о человеческом образе, о его бесконечной духовной природе, на которую недопустимы никакие посягательства. Священные права человека не заключены в демократии и не вытекают из нее. Суверенный народ может отнять у человека все, что захочет, что найдет нужным для своего блага. Самодержавие народа — самое страшное само-

державие, ибо в нем зависит человек от непросветленного количества, от темных инстинктов масс. Воля одного и воля немногих не может так далеко простираť свои притязания, как воля всех. Старые деспотии имели религиозную основу и потому признавали духовную жизнь человека, не рассматривали человека как общественный атом. Ваша новая, демократическая деспотия не хочет уже иметь религиозной основы, она совершенно игнорирует духовную жизнь человека и оценивает человека лишь с точки зрения общественной полезности. Для этой деспотии не освещена уже ни тайна рождения человека, ни тайна его жизни, ни тайна его смерти. Человек становится рабом общественной пользы, большинства голосов, общественного мнения, рабом собственных интересов... Демократическое общество хотело бы быть обществом совершенно упрощенным и смешанным. Это и было бы самой горшей из тираний.

Для достоинства человека и для свободы человека необходимо ограничить демократию, соединить ее с другими началами и подчинить ее другим началам. Народовластие есть человековластие. Человековластие же не знает своих границ и посягает на свободу и права человека. Свободу и права человека гарантируют лишь начала, имеющие сверхчеловеческую природу, возвышающиеся над челове-

Любое общество может превратиться в слепую толпу, и не спасут от этого и представительные органы, либо сами сливающиеся с дикой толпой, либо выдвигающие тиранов

ческим произволом. Максимум свободы достигается сочетанием нескольких принципов. Ибо всякое самодержавие, кроме самодержавия Бога, опасно для человека. Для истинной свободы человека, для охранения его достоинства и для гарантии прав его важно, чтобы воля народа была направлена к добру, чтобы истина и правда владели ею. Если воля народа подчинена злым стихиям, то она — порабощенная и порабощающая воля. И как могли вы дойти до того, чтобы признать волю народа саму по себе верховным благом и в ней искать источника освобождения? Вы впали в грех человекообожествления и пошли путем человекообожествления. Чтобы освободить себя и других, человек должен признать волю высшую, чем он сам, и ее искать, ее осуществлять в жизни общества...

Народы должны были пройти через опыт демократии, должны были испытать демократическую самостоятельность. Не для того, чтобы на веки веков демократически устроиться, а для того, чтобы познать тщету и пустоту притязаний демократии. Демократия — переходное состояние. Народы проходят через раздвоение и расщепление, через смерть старой органичности. Но они не создают новой правды и новой красоты, они впадают в неправду и в уродство. Много испытать должны они, много изжить, много перестрадать, прежде чем придут к новой органичности, прежде чем соберут себя во имя высшей идеи. И остается мучительный вопрос, могут ли народы прийти на этой земле к праведному и прекрасному обществу?..

В демократизме останется только одна нравственная правда простоты, противоположная барскому отношению к народу. Братское отношение человека к человеку должно быть духовной основой всякого достойного общества. Высшее начало нужно искать в глубине духа. Демократия должна быть прежде всего ограничена духовной жизнью и подчинена духовной жизни. Это ставит задачу внутреннего воспитания демократии.

Демократия слишком пленилась благами земной жизни. Она перестала верить в то, что человеческое общество имеет и сверхземную цель. Мировое демократическое движение, вызывающее в чутких и глубоких людях религиозную тревогу, приводит к горькому пессимизму. Но в пессимизме этом есть здоровое начало. Оно обращает человека к сверхземной жизни. Опыт человека в демократии должен обратить его к Богу. В этом — значение демократии.

Секс-бомба немедленного действия

**Как слабая женщина свела с пути истинного
высокомудрых представителей сильного пола в
ранге государственных мужей**

Говорят, что сила женщины — в ее слабости. Двадцатипятилетняя Мажена Д., не одолев высокий порог университетского образования, решила все же стать журналисткой. Причем в солидном, с мировой известностью, издании — влиятельной французской газете «Фигаро». Правда, собственные имя и фамилия ей при этом показались недостаточно весомыми. Для успеха, как она сочла, требовалось кроме личного обаяния еще нечто. Какая-то изюминка, романтический ореол. И вот, учитывая вечный польский снобизм, этакую тоску по аристократизму, нарастающую тягу к шляхетскому прошлому, Мажена Д.

превратилась в Анастасию Потоцкую. То есть причислила себя к одному из самых старинных и почитаемых польских шляхетских родов — роду графов Потоцких. Под этой фамилией и явилась в польский сейм в качестве корреспондента французской газеты.

Комплекс зданий польского сейма, что на улице Вейской в центре Варшавы, — своеобразный городок, замкнутый сам в себе, самодостаточный. Здесь есть все: помимо торжественных залов заседаний, просторных фойе и нескончаемых улиц-коридоров, роскошных кабинетов и современно оборудованных помещений многочисленных депутатских клубов есть и магазины, почта, кафе, рестораны. Есть и уютная гостиница с отдельными номерами, в которых и обитают господа депутаты. Они и стали непосредственным объектом внимания корреспондентки с графским титулом. А там строгие блюстители законов и нравов оказались на удивление легко соблазняемыми. «Самое интересное, пожалуй, то, как легко меня принял парламентский мир, — заявила она позже. — Польский парламент похож на эротическую бомбу».

Спектр знакомств «графини» был весьма широк. Можно даже сказать, что ее любовные похождения напоминали своеобразную «микромодель» политической структуры сейма: и левые, и центр, и правые. Вершиной же стал роман с самим его вице-маршалом. Что же касается, так сказать, количественных показателей деятельности пани Мажены, то она недавно заметила: «Кружат легенды, будто я переспала с половиной парламента. Это неправда. Но, если бы захотела, вполне возможно, так бы и стало».

Оправдаться парламентариям, «задеть» Анастасией Потоцкой, будет, видимо, совсем непросто. И ее многочисленные интервью, и вышедшая на днях книга-исповедь полны таких документированных подробностей, таких индивидуализированных деталей, что крыть тут нечем. Чтобы остановить публикацию книги, заинтересованные лица испробовали и просьбы, и угрозы, адресованные издателю, и предложения выкупить весь тираж. Наконец, автора даже арестовали в

гостинице за якобы неоплаченные счета. Правда, выпустили через 48 часов. Тогда же в Гданьске прокуратурой было возбуждено против нее уголовное дело. В нем фигурируют и подделка документов, и аферы, и даже воровство. Но книга все же вышла. Варшавяне, потупя взор, выстраивались в очереди и за два дня тираж в 200 тысяч экземпляров был распродан.

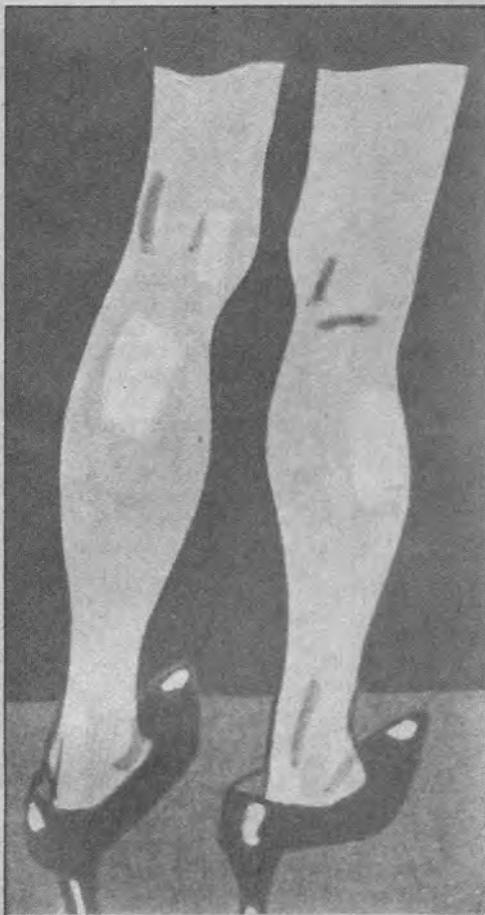
Книжку прочтет значительная часть избирателей. С разными, разумеется, чувствами: кто с нездоровым любопытством, кто с отвращением, но кое-кто и с вполне оправданным возмущением. Последние, как пишет еженедельник «НЕ», «возмутятся, если поверят автору, что выдающиеся личности парламента, вместо того чтобы от зари до зари заботиться о благе отчизны, думают лишь о гольях задницах. Власти зарычат, что Мажена Д. и ее издатель подрывают высшие авторитеты и поставят вопрос, кому это служит?».

Действительно, кому? В интервью еженедельнику «Впрост» Мажена Д. заявила, что среди тех, кто стоит за ней, чаще всего называют «секретные службы России, Франции или немецко-австрийские финансовые структуры». И после паузы заметила: «Последнее предположение ближе всего к истине».

Поначалу часть польской печати намекала, якобы Анастасия была «подложена» в отель сейма как «бомба возмездия» бывшим коммунистам. Поскольку в списке партнеров «графини» оказалось немало представителей крупнейшего в сейме клуба — «левицы»; наследницы ПОРП, версия эта имела некоторый успех. Но не долгий. Обнародованные факты о «сексуально извращенных» депутатах от Христианско-национального объединения и даже о вице-маршале сейма ее похоронили.

Подводя итоги парламентскому скандалу, депутат от либералов Марек Сивец высказал такую общеприимительную сентенцию: «Секс — явление внепартийное и надрелигиозное». Большинство парламентариев, по-видимому, приняло это заключение с пониманием. Но дело не только в депутатах. Самой характерной особенностью общественной жизни современной Польши стала вне всякого сомнения заметно возросшая роль костела. В сейме, а отчасти и в правительстве доминируют светские католики, Христианско-национальное объединение. И в шумной суете вокруг «дела Анастасии П.» видится прежде всего разлад между потоком высоких слов о неколебимых христианских ценностях, бескомпромиссной и суровой католической нравственностью, с одной стороны, и «живой жизнью» парламентских ораторов — с другой.

Рудольф Борецкий,
соб. корр. «Нового времени»
ВАРШАВА

Вечный сюжет...

писал две книги о современном ГУЛАГе, Анатолием Щаранским, которого обвинили в шпионаже, потому что он хотел уехать в Израиль. Товарищи по заключению иронизировали: «Вас то за что посадили? Вы же «их» человек».

Арнольд Анучкин-Тимофеев закончил Институт востоковедения в год, когда умер Сталин. Как специалиста по Индии его взяли в МИД. В высшей дипломатической школе защитил диссертацию. И человек, чья «выездная» карьера была

столь успешной, пожертвовал всем ради права говорить правду.

Его помиловали в 1986 году. Но бывшего политзек никто не брал на работу. Зарабатывал на жизнь переводами и рецензиями. Благо он знает английский, французский, немецкий и хинди. Он вернулся к любимому занятию и, уже не таясь, стал писать письма в редакции.

Постоянные читатели «НВ», должны быть, заметили, как часто в нашем журнале публиковались его отклики. Весной этого

года Анучкин-Тимофеев вернулся на Смоленскую площадь. Его пригласил другой автор нашего журнала — В.Бахмин, начальник Департамента международных и гуманитарных связей российского министерства иностранных дел и тоже бывший политзек.

И.Рябов

Древние напрасно полагают, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Арнольд Анучкин-Тимофеев сумел дважды поступить на работу в министерство иностранных дел: до и после лагеря, в котором сидел за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Столичные журналисты знают Анучкина-Тимофеева как самого прилежного и активного читателя московской прессы: он откликается на все интересные статьи и неутомимо пишет письма в редакции газет и журналов.

Обычно этим увлекательным делом занимаются пенсионеры. Но Анучкин-Тимофеев пишет письма в редакции с 1964 года. Подписи он не ставил (ему и так доставалось за вольные речи, «не совместимые с должностью сотрудника МИД СССР и служащего юридического департамента Международной организации труда в Женеве»). Через семнадцать лет, когда число писем перевалило далеко за сотню, КГБ нашел автора.

Его судили по статье 70¹ и отправили в печально знаменитую 35-ю зону Пермского лагеря для политических заключенных. Он сидел с Анатолием Марченко, рабочим, который на-

Праправнучка героя Бородина помогает России

За последние два года американка **Татьяна Толь-Ярыгина** приезжала в Россию девять раз, в каждый из них привозя с собой по несколько мешков гуманитарной помощи. Продукты, медикаменты и одежду Татьяна Евгеньевна покупает на свои собственные средства и сама раздает их здесь нуждающимся.

Праправнучка героя Бородинской битвы генерал-квартирмейстера при Кутузове Карла Толя, Татьяна Евгеньевна родилась в Польше — за службу отчеству ее прапрадед получил там замок. Конец второй мировой войны застал ее в Германии. Ее родные не захотели возвращаться в «ставшую коммунистической» Польшу. Так с матерью и братом она оказалась в США.

В Америке Татьяна Евгеньевна более тридцати лет проработала медсестрой в больнице. Сейчас она на пенсии, живет в собственном доме в Нью-Джерси. В СССР впервые побывала в 1974 году в туристической поездке.

Все эти годы Татьяна Толь-Ярыгина помогала своей «малой родине» — Польше: регулярно отправляла посылки с гуманитарной помощью. С Россией все оказалось гораздо сложнее — посылки туда, как правило, редко доходили до адресата. Тогда она решила, что надежнее приезжать самой.

В Москве Татьяна Евгеньевна обычно останавливается у знакомых. Сама ходит по магазинам, простаивая часами в очередях, вместе со всеми каждый день путешествует в переполненных автобусах и метро. «Я должна почувствовать, как вы живете», — объясняет она. Самое большое впечатление на Татьяну Евгеньевну произвела, по ее признанию, четырехчасовая очередь за сахаром, где каждому стоящему рисовали на ладони его порядковый номер.

Несмотря на явную приверженность капитализму и правые взгляды (в США она всегда голосовала за республиканцев), после всего увиденного Татьяна Евгеньевна не питает симпатий к нынешнему российскому руководству. «Ваше правительство не с народом», — убежденно говорит она.

В доказательство этому она приводит еще один пример: с недавних пор по решению правительства Бородинское поле — памятник российской истории — перестало быть государственным заповедником. Татьяна Евгеньевна опасается, что национальную святыню отдадут дачникам или фермерам под садово-огородные участки.

Актриса московского театра «На Солянке» **Татьяна Крылова** создала первый в стране фонд ликвидации коммунальных квартир. Два года назад здание, в котором находится театр, решили снести, чтобы построить на его месте ресторан. Жители микрорайона заступились за театр.

Борьбу возглавила Татьяна Крылова, депутат районного Совета 3-го округа Москвы. Театр отстояли и решили продолжить борьбу за превращение коммунальных квартир в нормальное, не унижающее человека жилье.

Жители микрорайона сами организуют ремонт домов, превращают коммунальные квартиры в отдельные. Так начинается реальное самоуправление домами и территориями. Вместе с мужем — экономистом-международником — Татьяна Крылова написала книгу «Как выбраться из коммуналки». Теперь к ней приходят за консультацией и помощью люди даже из других городов.

А.Теунаева

Как бы ни пытался рэп-исполнитель **Богдан Титомир** работать на имидж «супермена» или «секс-бомбы», для истинных рокеров он обычный панк, правда, с усовершенствованной прической. Тот же нигилизм, цинизм текстов, сценический эпатаж. Парень, «пришедший в попсу подзаработать на жизнь».

Однако, судя по аншлагам и по недавнему подписанию контракта с американской фирмой «Лаки стрейк» на рекламу одноименных сигарет, дела Богдана не так уж плохи. Сигаретная фирма обязуется, кроме того, брать на себя организацию концертов, записи пластинок «полуговорящего певца».

Недавно на популярной дискотеке «у ЛИСа» Богдан организовал аукцион личных вещей (обычно это происходит с вещами суперпопулярных и чаще всего уже усопших исполнителей). С молотка должен был идти и мотоцикл «Хэрлей Дэвидсон», на котором еще недавно под крики тинэйджеров рэппер въезжал на сцену.

В итоге продались только сапоги и куртка.
В. Батуев

Журналист, пишущий картины, или художник, пишущий в газету? Какое определение подходит больше 55-летнему немцу **Алек-**

сандру Штеффесу, сказать трудно. Как на-

чинающий журналист еще в конце 50-х годов Александр проходил стажировку в отделе графики датской газеты «Политикен». Десять лет спустя, уже приобретя опыт журналиста и став сотрудником немецкой «Кельнише рундшау», он снова взялся за учебу, на этот раз в Королевской графической школе Художественной академии в Копенгагене.

К середине 80-х у Александра Штеффеса было уже достаточно графических и живо-

писных работ, в которых он использовал различные средства из арсенала современного искусства, тяготея к абстракционизму. В одной из этих работ он изобразил «танцующие» мячики, разные по форме и размеру, соединенные между собой. Увидев эту картину, знакомый молодой человек произнес: «Это напоминает мне чеховский «перпетуум мобиле». Эта мысль уже не оставляла художника, и вместо абстрактных картин стали появляться иллюстра-

ции к произведениям Чехова, Гоголя, Г.Белля, Т.Фонтане. Предпочтение Александр Штеффес отдает русской классической литературе.

Естественно, что на выставку в Москву, которая проходит сейчас в культурном центре имени Гёте, он привез исключительно «русские» картины. Александр Штеффес не знает русского языка, до октября этого года ни разу не бывал в Москве, но он постоянно «общался» с русскими, читая русскую литературу.

Работы Штеффеса — не иллюстрации в привычном смысле: символы, буквы, целые слова, геометрические знаки, вырезки из газет, прерывающиеся линии, игра красок, света и тени — все это используется для передачи своего впечатления.

Работы Штеффеса выставлялись в галереях Германии, Дании, Голландии, многие из них приобретены музеями и частными коллекционерами США, Швеции, Англии. Сам Штеффес утверждает, что его творения можно называть литературной графикой, литературными мотивами, художественными интерпретациями — как угодно, только не иллюстрациями. Тем не менее увидеть их опубликованными в книге он бы не отказался.

Е. Коптелова

Иман — африканская королева

В нашумевшем клипе Майкла Джексона «Remember the time» роскошная темнокожая королева величественно восседает на троне рядом со своим царственным супругом. В жизни знаменитую топ-модель **Иман Абдул Маджид** так и зовут — «африканская королева».

Опытный глаз фотографа обнаружил Иман в 1977 году в Найроби, где она училась на факультете политологии, не подозревая о грядущем успехе.

С тех пор ее имя не сходило со страниц журналов мод, и сама она редко покидала подиум. Можно сказать, что Иман открыла собой новую эпоху в мире моделей 80-х. Она стала первой фотомоделью, которой платили больше 50 тысяч долларов за двадцатиминутный выход. Она же одной из первых рискнула «обзавестись» силиконовым бюстом, придавшим ее и без того безупречной фигуре новую выразительную силу.

Все шло очень гладко, как вдруг красавица Иман попала в автомобильную катастрофу, в результате которой ее лицо было полностью изуродовано. Лишь спустя долгие месяцы сложнейших косметических операций ей удалось восстановить свою внешность.

В 1990 году Иман оставляет мир моды, пробует себя в кино. Однако ее по-прежнему притягивает профессия фотомодели. Свою последнюю серию фотографий Иман наполнила традиционным африканским звучанием. Здесь она предстает в образе жительницы маленькой африканской деревушки Куандебеле на фоне удивительно яркой настенной живописи. «Африканская королева» полностью гармонирует с причудливыми геометрическими узорами, ожившими стараниями девушек-ндебеле.

В феврале этого года Иман вышла замуж за звезду британского рока Дэвида Боуи. Свадебным подарком жениха стало «скромное» поместье в Ирландии, где молодожены и собираются обособиться.

Л. Костюнина

Школа хитрецов,

или Москву бизнес

Вячеслав Басков

Москва стала припахивать. Интимные заведения неотложного массового спроса, встроенные в первые этажи жилых домов или красиво вкопанные в семь московских холмов еще на памяти прошлого поколения — вскоре после войны, — внезапно пришли в небывалый упадок: снизилась посещаемость.

Между тем уж у этих-то заведений намечалось определенно светлое будущее. Первые московские кооператоры вдохновенно взяли в оборот именно городские кафельные залы. Государство капитулировало: оно не могло содержать эти специфические сооружения, они лишь истощали городскую казну, оставаясь городским позорищем.

И действительно, вскоре платные удобства очистились от скверны. Они благоухали нежным парфюмом: «Мажи нуар», «Шанелью № 5», лавандой, «Флореной»... Где прежде висело разбитое вдребезги зеркало, появились три сверкающих. Вечно мокрые зловонные полы наконец высохли. Заплеванные раковины заблестели тоже. Но чистота в этих богоугодных уголках была достигнута необычным способом.

Принцип будки

Чтобы коллективные хоромы стали чистыми, было изобретено несколько приемов.

Во-первых, был использован принцип телефонной будки. В том смысле, что будки с улиц Москвы исчезли. Вместо них на стенах домов появились стеклянные покрытия таксофонов. В будке человек помещался весь, со всеми своими тайными мыслями, и это было удобно. Но за будками требовалось ухаживать. Тогда Московская городская телефонная сеть оставила от телефонного домика один чердачок — и проблема с уборкой была решена. Теперь у телефона стоишь всем своим естественным открытым, и это неудобно.

Этот принцип заимствовали у телефонистов и первые туалетные кооператоры: из некогда интимных они превратили эти места с помощью пилы в открытые, доступные чужому взору. Простите за детали, но уединиться в кабинке стало невозможно, а без этого маленького условия укромные уголки утратили для клиентов весь свой

смысл. Говоря эвфимизмом, разговор по уличному телефону стал слышен всей улице.

Принцип дамы

Во-вторых, в мужских залах прямо рядом с остатками кабинок кооператоры усадили за столик премиальную женщину с наивным лицом: она собирала входную дань. Не знаю как в зале для дам — посадили ли там у кабинок, наоборот, наивного сборщика с усами, а в мужских всюду сидела молодая женщина, приветливая и нарядно одетая. Чтобы в учреждении, за которое она отвечала, было уж совсем идеально чисто, особо хозяйственная дамочка включала нетрмкое радио. Зазвучали Бах, Моцарт, Бетховен...

Вот с помощью такой шоковой терапии московские кооперативные заведения стали чистыми. Только на вокзалах — местах чрезвычайно доходных — установить абсолютную чистоту не удалось. Два принципа тут сметаются бурным натиском человеческого зова, исходящего из любого пассажира, даже из самого интеллигентного.

Под кустик

И тогда начал интенсивно удобряться город. Доведенные до отчаяния горожане и горожанки, а прежде всего приезжие обоих полов, ведомые неукротимой надобностью остаться наедине с собой, подчиняются закону природы во дворе и в подъезде жилого дома, на строительной площадке и под кустиком в прекрасном сквере...

На подъездах домов в самом центре города появились прижатые кнопками объявления: «Туалета тут нет!!!», «Уборная — напротив!!!», «Имейте совесть — здесь не туалет!!!» А на стене одной подворотни кто-то начертал несмываемой краской: «Не гадыте!!!»

Тебе половину и мне половину

Музыка и чистота погубили кооперативы этого профиля. Сейчас поток клиентов сократился почти на все сто процентов. Например, у станции метро «Парк культуры», где снуют сотни тысяч людей, подвальным сервисом за день воспользуются 500–600 граждан. На 500–600 человек одновременно рассчитано подпольное царство — наши предки любили размах!..

И вот теперь-то в заведениях, ставших как бы ненужными, стали открываться коммерческие магазинчики. Они как бы нужней. Коммерция расцвела и у станции метро «Парк культуры», и у метро «Красные ворота», у Никитских ворот, у станции метро «Кропоткинская» — редкое убежище страждущих, некогда журчащее водой, уже переоборудовано в сухую и теплую коммерческую лавку. Однако устав не позволяет кооперативам лишиться Москву удобств вовсе. Кооператоры и устав соблюли, и коммерцию спасли: коммерческий магазин открывают, как они сами говорят, «на женской половине» или «на мужской половине», а в оставшейся «половине» спокойно помещаются обе, разделенные для видимости (люди-то все равно не идут!) фанерой или прессованной стружкой.

Такая, с позволения сказать, перестройка отвадила последних посетителей. Лучше всего об упадке этого рода бизнеса говорит запомнившийся еще с доперестроечных времен запах, который рвется изнутри наружу. В почтенном углублении на Тверском бульваре (оно украшено шестью фонарными столбами) уже на середине лестницы, ведущей вниз, в нос пшибает амбре, какое, возможно, появляется, если продукт естественного отправления полить «Шанелью № 5». И хотя наука гласит, будто парфюмеры добывают свои изысканные запахи как раз из ..., но на Тверском этот необработанный в лабораторных условиях запах вызывает дурноту. Оно и понятно: чем меньше посетителей, тем реже льется чистая вода...

Явление героя

В статье на столь неароматную тему нельзя ограничиться эмоциями. Тут непременно должен быть герой, чтобы читатель лучше понял причину падения московских нравов. Герой этой статьи — обман.

Владельцы коммерческих лавок делают вид, что они содержат и кое-что необходимое городу. А городские власти притворяются, что им нос заложило и пропало обоняние. И виноватых опять нет. Просто столица России превращается в отхожее место, а больше ничего. О работе кооперативов городские власти судят по налогам. Кооператоры — люди запуганные, и вообще они на виду, поэтому с налогами у них полный порядок. Тем не менее обещание создать в городе санитарно-чистые укромные уголки выполнено с хитрецей: чистота вроде бы и есть, но укромного уголка не сыскать.

Просто наши кооператоры все свои силы и присущую им изобретательность тратят на то, чтобы полу-

чать деньги не за работу, а за не-работу.

Хитрят, получая деньги за неработу, лучшие люди нашего времени. Они серьезно полагают, что говорить — это работа. Сопровождения, собрания, сессии, пресс-конференции, съезды — эти говорильные мероприятия приравнены к интеллектуальному труду. Московские руководители обсуждают городские проблемы весь рабочий день, остаются на сверхурочные. Сплошные совещания. Даже термин этой работе придуман, так сказать, авторитетный, чтобы никто не догадался, о каком пустяке, в сущности, идет речь: «УНАС-НАПРАВИТЕЛЬСТВЕ».

— У нас направление мы сегодня уже говорили об этом, приняли решение... Направительстве как раз только что уже подготовлен проект решения по этому вопросу... Я сегодня выступал у нас направительстве и докладывал положение дел...

Нигде в мире не говорится вслух так много правильных вещей, как в России, — у нас ли на правительстве, у них на съезде ли. А где еще задают так много умных вопросов? А кто еще умеет так умно и изворотливо отвечать на самые каверзные вопросы? Но за это денег платить нельзя.

Деньги — человеку нужно платить за конкретную работу, а вовсе не за правильный вопрос от шестого микрофона. В других странах деньги за разговоры получают только члены парламента — все остальные люди просто работают и непременно видят результат своего и чужого труда.

Не работая, получают исправно зарплату (а то и сразу несколько) дворники.

Городские транспортные предприятия сейчас очень богаты, но не потому, что перевозят все больше и больше пассажиров — пассажиры теперь чаще ходят пешком. А потому, что билеты продаются на каждом шагу, то есть еще до того, как автобус вышел из парка на линию. Он оттуда может и не выходить: деньги за неработу его обогнали.

В концертных организациях работают администраторы, которые концерты артистам не устраивают, но денег получают больше, чем артисты. Тут своя маленькая хитрость: администратору выгодно

устроить концерт заштатной рок-группы на стадионе, чем пятьдесят концертов пианисту или певице в Малом зале Московской консерватории. Малый зал — он и есть малый, много денег с него не снимешь.

Заходим в любой магазин — очередь без начала и конца: за прилавком одна продавщица, за кассовым аппаратом одна кассирша. А заглянем за кулисы этого драматического театра — и непременно застанем несколько женщин в белых халатах круг стола: в булочной любят соленую селедочку с картошечкой, а в рыбном соевом обелились — и дегустируют шоколадки. И так далее, и так далее. Обман — стиль нашей жизни.

С чего бы нашим кооператорам работать не так, как работают вокруг них?

Элла и Коля

Даже в наших уличных забегаловках старого образца смотрительницы — **работали**. Наступал урочный час — и из каморки выходила прятывавшаяся, чтобы никому не мешать, женщина в резиновых сапо-

гах, с ведром, шлангом, тряпками. Она была ругачая, крикливая, но мужчины ее уважали. И теперь вновь повысился рейтинг государственных конкурентов, несмотря на все свои недостатки все-таки созданных для определенного дела.

Заведения на Трубной, этого подземного двора, пока не коснулась рука предприимчивого человека. На меня пахнуло периодом застоя: я попал в мужской клуб. Человек шесть мужчин стоя распивали пиво и один, который держался на ногах хуже всех, перебил серьезный разговор о судьбах России мелодией блюза:

Я сегодня до зари... (вздых)... встану...

По широкому пройду... (вздых)... полю...

Компания недружно подхватила: Чтой-то с памятью моей... (группен-вздых)... стало...

Все, что было не со мной... (пауза)... помню...

Знаете, ритм блюза рассчитан, конечно, на коллективное пение. Кто забыл слова, тот просто выпевает гласные. Это можно. Блюзы Эллы Фицджералд пела вся Америка.

Но для хорошего пения требуется все-таки и подходящее место. Оно найдено: не у дворянских Никитских ворот, не у «Парка культуры», не на Новом Арбате и тем более не у станции метро «Кропоткинская», поскольку там, как в былые времена, желанную дверь закрыла «техническая причина». В этих «культурных местах» ждут не дожудят клиента и сильно жалуются на убытки. А на Трубной — полно клиентов!

Мечтательный блюз сменяется суровым маршем:

Пр-р-р-росыпаемся мы! и грохочет над полночью

То ли гроза! то ли эхо! прошедшей! войны!

— Хорошо поешь, Коля! — говорит один певец. — Наливай!

Как приманить клиента? Ну чем его, черт возьми, заманишь в атмосферу, напоенную тонким ароматом импортных духов? Москвичи, такие невежи, не понимают бон тона! Чем, чем их взять?

Только не хитростью. Хитростью в Москве делать бизнес не получится: дурачков у нас нет.

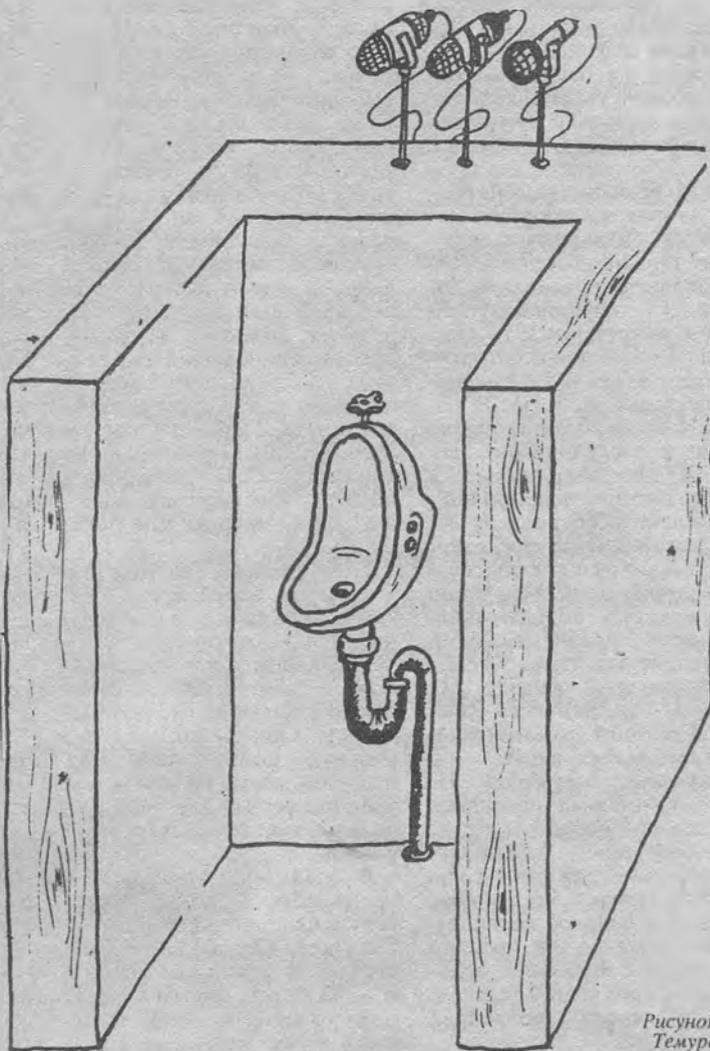

Рисунок
Темура
Козаева

Этюд о начальстволюбии

Татьяна
Иванова

Житейские
советы
путешествующим на
троллейбусе

Все, кто стоял со мной рядом, лиловели на глазах. Это взрослые и пожилые. Молодые — синели. Все дело, конечно, в том, что взрослые и пожилые одеваются потеплее, а молодые — помоднее и понаряднее. Если же ты в изящных сапожках, лосинах в обтяжку, куртке и незначительной шапчонке стоишь на морозе и ледяном ветру, всякому ясно, что на третьей минуте твой нос становится лиловым, на пятой — с оттенком в синеву, а на десятой — густо-синим. Красота неописуемая.

Прибывала все новая, свежая публика, вставала и быстро начинала лиловеть. Мороз, как писали в плохих повестях еще в прошлом веке, крепчал. Троллейбуса не было. Не было ни «тринадцатого», ни «шестидесяти девятого». А, стало быть, у нас, погибающих от холода на улице Королева, не было никакой возможности уехать в центр.

Когда миновала тридцатая минута ожидания, я поняла, что на первую деловую встречу безнадежно опаздываю, вторая же попросту отменяется. Позвонить и перенести? Но сие абсолютно невозможно. В пределах видимости два телефона-автомата. У обоих оторваны трубки. А если б они были не оторваны, где я взяла бы пятнадцатикопеечную монету? Я вообще забыла, когда видела мелочь в последний раз. Теперь и нищим-то подавать меньше пятерки неприлично.

Троллейбус подполз на срок шестой минуте, отяжелевший от перегрузки, с прогнувшимися рессорами. Мысленно вооружившись абордажными крючьями и штурмовыми лестницами и мысленно же отдав самим себе команду «На абордаж!», мы ринулись к дверям. Инстинкт самосохранения (еще минут десять — и можно ведь замерзнуть насмерть!), отчаяние (опоздания для нас были вопросом чести, престижа, денег, благополучия, счастья — для каждого из нас свой вариант, но для всех вместе все слилось воедино), жажда тепла — все придало нам невероятную силу, и несчастный троллейбус трещал, жалобно скрипел, но вобрал нас. Поехали.

Поехали — и сразу стало тепло, даже жарко. Никто не пытался не только шевельнуться, но и вздохнуть, каждому было ясно, что это невозможно. Я, например, стояла на одной ноге и не очень точно понимала, где зажата моя другая, но выдернуть ее не помышляла: куда бы я ее дела? Поставить-то все равно некуда. Так предстояло ехать полчаса. Было тихо.

Вдруг где-то впереди, близко к кабине водителя, заругались два мужика. Отвратительно — с визгом, с матом. Разговаривать в дороге, в очередях для меня обыкновенное дело, профессиональный интерес совпадает с человеческой потребностью, и мне нередко удавалось снять напряжение, развеселить людей, утешить, успокоить какой-нибудь пустяковой шуткой. Но в этот раз... Что произошло со мной в этот раз — не знаю. Мне до сих пор кажется, что то была не я, что кто-то другой моим голосом, моими губами, моим языком... В общем, там, впереди, двое грязно матерятся. Я стою на одной ноге и левая рука с сумкой вывернута у меня куда-то назад и там плотно зажата, кругом чужие плечи, шапки, лица, и вдруг помимо собственной воли, очень громко, властно, голосом, не терпящим неповиновения, я на весь этот троллейбус возглашаю: «А ну-ка немедленно прекратить ругань! Сию секунду замолчать! Выведу сейчас из троллейбуса! И разбираться не буду, кто прав, кто виноват! Чтоб ни звука мне больше!»

И — тишина. Полнейшая. Ничем не нарушаемая. Два хама смолкли, как в рот воды набрали. «Смотри-ка, — потихоньку сказала я тем, кто рядом, — замолчали...» Люди вокруг заулыбались, заусмехались. Они-то видели, кто рывкнул. Они-то понимали, что мои возможности кого-либо вывести из троллейбуса, скажем так, несколько ограничены.

В блаженной тишине наш троллейбус миновал Самотеку и наполовину опустел на Цветном. Освободилось местечко, я села. На креслах спиной ко мне сидели двое. И один говорил другому, но не тихо, а так, чтобы все услы-

шали: «А все жиды! Они пьют нашу кровь. Они ж не работают. Они ж только в аптеках! Россию испоганили, продают иностранцам, нам не дают ходу». Другой возражал: «Выпили, так молчите, глупостей не говорите. Я знаю евреев, которые воевали, знаю рабочих-евреев...» Первый в ответ на эти увещевания расхохотился и заводился и говорил все громче, уже на весь троллейбус. В пьяных его словах звучало все больше злобы. А вот и главный его козырь: «Ты сам, наверно, жид, — это к своему собеседнику, — раз за них заступаешься. Но знай: мстить мы вам будем страшно!»

И тут я, уже опробованным в этом троллейбусе властным, не терпящим возражений голосом, рывкнула: «А ну замолчи, бесстыжий. Перестань позорить русских! Пьяный твой сволочизм никто не обязан слушать! Чтоб ни слова больше я не слышала!»

И — тишина. Никаких болес «жидов», никакой «мести», никаких «пьют нашу кровь». Ни словечка.

В тишине мы ехали до Петровки, и я все соображала, что отвечаю этому пьяному хаму, если он мне скажет: «Ты, значит, сама из них, если заступаешься...» Что я отвечу? Стану доказывать, что «не из них»? Не стану, потому что это унизительно и непорядочно. Скажу: да, «из них», а ты хам и негодай? Ну, и будем мы с ним лаяться, как горничная с извозчиком. Что же я ему скажу, думала я.

Думала напрасно. Первый же мой окрик заставил его заткнуться, замолчать и больше не возникать до самого конца.

Такая выпала мне дорога от дому до «Нового времени» однажды в зимний день.

Морали в сей басне не будет. Потому что мораль ведь может быть только одна: хамство трусливо. Оно пасует перед начальством, никнет перед любым, кто возысит голос. Оно уверено: если человек орет, значит, имеет право на тебя орать, значит, надо слушаться. Мораль, как видите, самая банальная, старинная, давно и не нами выведенная. Так и обойдемся, значит, вообще без нее.

EURASIA
TELEVISION
INTERREPUBLICAN Ltd.

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ
ТЕЛЕКОМПАНИЯ
«ЕВРАЗИЯ ТВ», Лтд.

Если ДА – обращайтесь в единственную на сегодня реально действующую межгосударственную телекомпанию **«ЕВРАЗИЯ ТВ»**.

«ЕВРАЗИЯ ТВ» обеспечит размещение Вашей рекламы

- * на национальных телеканалах России, Украины, Беларуси и Казахстана;
- * в лицензионных зарубежных программах, имеющих гарантированно большую зрительскую аудиторию;
- * в лучшее эфирное время.

Благодаря **«ЕВРАЗИИ ТВ»** Вашу рекламу увидят 200 миллионов телезрителей.

Благодаря оригинальной системе повторов **СТОИМОСТЬ 1 минуты рекламного времени в программах «ЕВРАЗИИ ТВ» в 4 раза НИЖЕ, чем на 1-м канале «Останкино».**

*Покупая эфирное время **«ЕВРАЗИИ ТВ»** – Вы покупаете успех!*

Тел. (095) 250-12-48.
Факс (095) 973-12-16.

**Вы хотите
иметь
эффективную
и недорогую
рекламу на
телевидении?**

С НОВЫМ 1993-М ГОДОМ!

*Всё, что окружает Барби
в её сказочном мире, Вы можете
приобрести в розницу и оптом у нас
в магазине «Товары для детей»*

Адрес: 129085, Москва, проспект Мира, 97/1.
Проезд: ст. метро «Алексеевская» (бывш. «Щербаковская»)
Телефон: (095) 215-69-37.
А/О «Виктория 92»